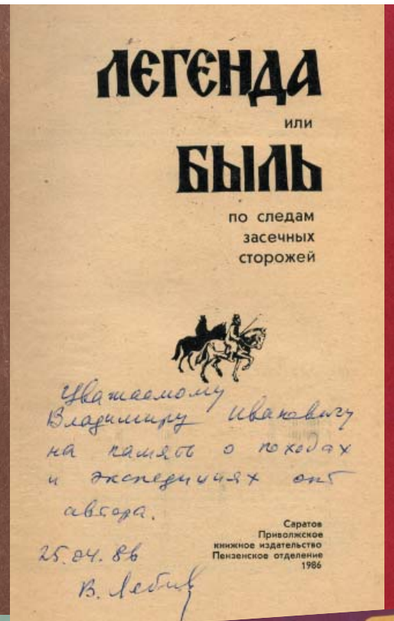
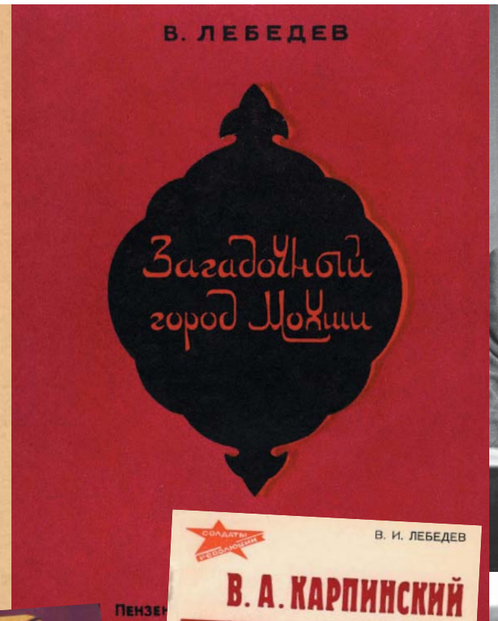
4 (16)
2015

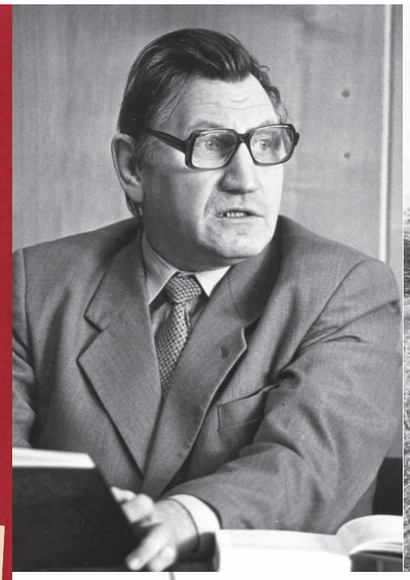
Пензенское краеведение

- В.И. Лебедев
  в памяти друзей и коллег
- Путешествие в мир
  ритуального полотенца
- «Гарантировать победу не можем…»

В.И. Лебедев
ЛЕГЕНДА
или
БЫЛЬ
по следам
засечных
сторожей


ЛЕГЕНДА
или
БЫЛЬ
по следам
засечных
сторожей
Уважаемому
Владимиру Ивановичу
на память о походах
и экспедициях от
автора.
25.04.86
В. Лебедев
Саратов
Приволжское
книжное издательство
Пензенское отделение
1986


В. ЛЕБЕДЕВ
Загадочный
город Мохши
Пензен

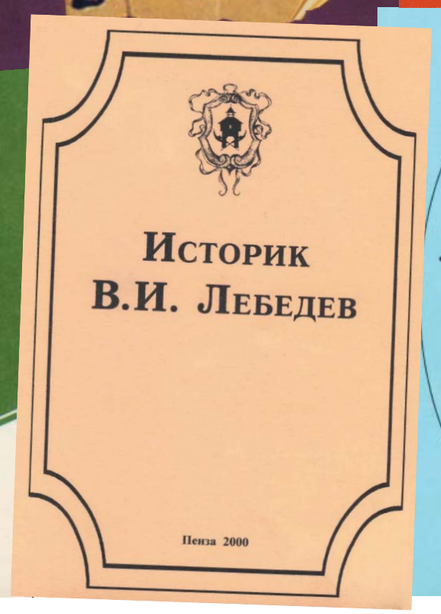


В. Годин, В. Лебедев
ПЕНЗА СПОРТИВНАЯ

В.И. Лебедев
ЛЕГЕНДА
ИЛИ БЫЛЬ
По следам засечных сторожей

В. И. ЛЕБЕДЕВ
В. А. КАРПИНСКИЙ
3
НАМЕНОСЦЫ
ведут
ВПЕРЕД

ИСТОРИЯ
ПЕНЗЕНСКОГО
КРАЯ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА
1


Историк
В.И. Лебедев
Пенза 2000

X
Лебедевские чтения
Пенза 2009

Пензенское краеведение

Научно-популярный журнал

Редакционный совет:

Первушкин Владимир Иванович,
главный редактор
Власов Вячеслав Алексеевич,
редактор школьного отдела
Евневич Татьяна Алексеевна,
редактор отдела «Родная старина», «Точка на карте области»
Зименков Владимир Николаевич,
редактор отдела «Музейная мозаика»
Лебедева Лариса Витальевна,
редактор отделов «На заметку краеведу», «Личность в пензенском краеведении»
Горланов Геннадий Елизарович,
редактор отдела «Пенза – моя вдохновительница»
Мурашов Дмитрий Юрьевич,
редактор отдела «Культурное наследие»
Кайманова Татьяна Александровна,
редактор отдела «Здравствуйте, я ваш экскурсовод!»
Самсонов Владислав Юрьевич,
редактор отдела «Тайны, находки, открытия»
Сиротин Олег Владимирович,
технический редактор
Юшечкина Дарья Анатольевна,
ответственный секретарь
Ягов Олег Васильевич,
редактор университетского отдела

№4 (16)
2015

Выходит 4 раза в год

Учредители:
Региональная общественная организация краеведов Пензенской области
Пензенский государственный университет

© Региональная общественная организация краеведов Пензенской области

Адрес редакции:
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37, к. 238; e-mail: rookpo58@mail.ru

На первой странице обложки:
В.И. Лебедев в аудитории. 1992 г. Из личного архива семьи Лебедевых.

На 2-й странице обложки:
Обложки и титульные листы книг В.И. Лебедева.

На 3-й странице обложки:
В.И. Лебедев. Фотографии разных лет. Из личного архива семьи Лебедевых.

Содержание

Личность в пензенском краеведении
Л.В. Лебедева
В.И. ЛЕБЕДЕВ В ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ 3
Е.Е. Жаринова
Г.И. МЕШКОВ, «ЗАПИСКИ О г. ПЕНЗЕ» (продолжение) 9

Культурное наследие
Г.Е. Горланов
ЕСТЬ ЛЮДИ КАК ЗВЕЗДЫ 15
Д.Ю. Мурашов
МЕСТНАЯ ИСТОРИЯ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНИЗМА» («РАБОТАЙ И УЧИСЬ») 18
Д. Ю. Брагина, С. А. Уразова
ТАТАРСКАЯ ВЕНЕРА 22
Н.П. Востокова
ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР РИТУАЛЬНОГО ПОЛОТЕНЦА 26

Наука
В. И. Первушкин
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕНЗЕНСКОГО ДВОРЯНСКОГО
ДЕПУТАТСКОГО СОБРАНИЯ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ
МЕЛКОПОМЕСТНЫМ ДВОРЯНАМ В НЕУРОЖАЙНЫЕ 1891-1892 гг. 31
Т.Ю. Новинская
ПЕНЗЕНСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: ГОЛОД 36

Тайны, находки, открытия
А.В. Урманов
АМУРСКИЙ САША ЧЁРНЫЙ («ШПИЛЬКИ», ИЛИ ОБ ОДНОЙ
СЧИТАВШЕЙСЯ УТРАЧЕННОЙ КНИГЕ ФЁДОРА ЧУДАКОВА) 39
А.Н. Соболев
«ГАРАНТИРОВАТЬ ПОБЕДУ НЕ МОЖЕМ...» 44
В.Ю. Кладов
«НЕ БЫЛО ТУТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ...»
СЕЛИКСЕНСКИЕ ЛАГЕРЯ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ОЧЕВИДЦЕВ 46
Н.В. Четвертков
ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОППОЗИЦИОННОЙ ПЕЧАТИ 51

Высшая школа
Е.С. Скобликова
ПЕНЗА И ПЕНЗЕНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.
ВОСПОМИНАНИЯ ВЫПУСКНИЦЫ 1946 ГОДА 55

Школьные страницы
Ю.А. Храмов
МУЗЕЙ П.И. ЗАМОЙСКОГО 60
А.Ф. Тарасов
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ БОГОСЛОВСКОЙ ШКОЛЫ 63

Здравствуйте, я ваш экскурсовод
Т. А. Кайманова
ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЭКСКУРСИИ 66

Календарь памятных дат (1-я половина 2016 г.) 73

Сведения об авторах 80

ЛИЧНОСТЬ В ПЕНЗЕНСКОМ КРАЕВЕДЕНИИ

Л.В. Лебедева

В.И. ЛЕБЕДЕВ В ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ

10 декабря 2015 г. исполнилось двадцать лет, как ушел из жизни историк, краевед, кандидат исторических наук (1967), профессор (1993) Виталий Иванович Лебедев. Он получил широкую известность как специалист в области отечественной истории, археологии, аграрной истории, исторического краеведения и исторической географии. Он является автором более двухсот научных публикаций. Инициатор, организатор и участник научных конференций союзного, федерального и регионального уровней. Председатель Поволжской секции научного совета АН СССР по исторической демографии и географии (1991), член Археографической комиссии АН СССР, член Бюро Средневолжского проблемного объединения по изучению аграрной истории (1984), член Совета Союза краеведов России от Поволжского региона и председатель Пензенского отделения Союза краеведов России (1990). Награжден нагрудным знаком «Отличник народного просвещения» и медалью «Ветеран труда». В память историка в Пензенском государственном университете проводятся ежегодные Лебедевские чтения (2000).

В память об ученом в 2000 г. была выпущена книга «Историк В.И. Лебедев», которая включила в себя воспоминания его коллег, учеников и родных[1]. Она вышла небольшим тиражом и давно стала библиографической редкостью. Ее сюжеты ярко иллюстрируют многогранность этого незаурядного человека и будут интересны молодому поколению краеведов:

В.В. Кабанов, ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН, д.и.н., профессор: «...Начало 60-х годов. Удивительное время. Лучшее, что было в исторической науке, а точнее – аграрной истории отечества, – потянулось в Москву, в Институт истории Академии наук СССР. Приезжали прекрасные молодые (не только!) люди с Поволжья, Дона, Северного Кавказа, Кубани, из Сибири, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья и т.д. Они заканчивали аспирантуру, проходили стажировку, набирались опыта и оттачивали свой научный голос на различных научных конференциях, публиковали свои первые исследования. Именно эти люди затем способствовали возникновению в своих регионах сильных школ историков-аграрников. В.И. Лебедев стал «первопроходцем» в плеяде талантливых историков-пензяков, которые пришли к нам в аспирантуру (он проходил стажировку).

<...> Широта интересов, добросовестность и основательность исследовательской базы, невероятная трудоспособность (“пашет, как трактор”; затем такое выражение закрепилось за всеми пензяками, как марка надежной фирмы) и многое другое в свое время дали основание друзьям, знавшим его в Москве и других городах, прозвать Лебедева “самородком”».

И.Ф. Вилков, к.и.н, доцент: «Уже в шестидесятые годы в любом учебном заведении города Пензы и области, начиная от институтских кафедр и кончая учительской самой отдаленной сельской школы,

при встрече коллег-историков речь обязательно заходила о В.И. Лебедеве. Не только недавние выпускники, но и люди, проработавшие по 20–30 лет и более в школе или на административной работе и будучи уже сами солидными по возрасту и положению людьми, с огромным уважением и необыкновенной теплотой относились к нему и вспоминали о нем. Так уже при жизни создавался легендарный обобщенный образ УЧИТЕЛЯ с большой буквы, УЧИТЕЛЯ-ДРУГА, УЧИТЕЛЯ-ЧЕЛОВЕКА, УЧИТЕЛЯ УЧИТЕЛЕЙ. И ныне, спустя несколько лет после смерти Виталия Ивановича, в любом уголке необъятной России, где встречаются хотя бы два выпускника исторического факультета Пензенского педагогического института, их глаза теплеют при упоминании В.И. Лебедева, и они рассказывают случаи из жизни человека, ставшего уже при жизни легендой».

В.С. Годин, историк-архивист, заслуженный работник культуры России: «Своими изысканиями по истории Пензенского края он заполнил многие белые пятна. <...>. Он не щадил себя, работая много и плодотворно. <...>. В.И. Лебедев оставил нам в наследство свои статьи и книги. И его вклад в изучение отечественной истории, особенно истории Пензенского края неоценим. <...> Многие из его студентов пошли по стопам своего учителя».

Г.Н. Белорыбкин, д.и.н., профессор: «Человек и Ученый. Оба слова с большой буквы. Именно таким был Виталий Иванович Лебедев. Причем если как Человек он полностью отдал себя людям, то как Ученый он так и не успел реализовать все свои замыслы. Достаточно заглянуть в его черновые записки и это станет очевидным. В них материалы по истории Пензенского края и России, по археологии и этногенезу, по засечным чертам и персоналиям, по истории спорта и туризма и т.д. Все это, а также то, что опубликовано, свидетельствует о широте его взглядов и активной деятельности. Это же касается и его отношения к окружающим людям. Когда дело касалось науки, то Виталий Иванович помогал любому изо всех сил: делился своими идеями и замыслами, помогал организовывать экспедиции и конференции, защищал и поддерживал на всех уровнях. И не важно было для него, кто это – маститый ученый или студент-первокурсник. Ко всем он относился одинаково трепетно и уважительно.

В.И. Первушкин, д.и.н., профессор: «Я <...> много лет работал, как сказали бы “технари”, в его лаборатории. У историков лаборатория – архив, библиотека, экспедиция. <...> И кому как не мне, студенту и аспиранту Виталия Ивановича, писать о его научном наследии с точки зрения методологии исторической науки.

<...> Между историком и изучаемой эпохой всегда лежит исторический источник. От того, насколько качественно исследован источник, в конечном итоге, зависит объективность исторического познания, другими словами, надо стремиться к тому, чтобы исторический источник максимально содействовал реконструкции минувшего. Этого можно достичь, владея всей совокупностью методов исторического исследования. Блестящим образцом подобных исследований являются труды В.И. Лебедева. <...> Он являлся большим мастером терминологического, а точнее, топонимического анализа. В топонимике он видел своего рода первоисточник, т.к. географические названия всегда исторически обусловлены, поэтому они так или иначе носят отпечаток своего времени. Уже в книге “Загадочный город Мохши” автор дает скрупулезный анализ названия золотоордынского города Мохши».

М.С. Полубояров, краевед: «Не могу вспомнить, когда впервые мне встретился этот крепкого телосложения, небрежно одетый человек с не совсем чистой дикцией. Кажется, я знал его всегда. Надо полагать, знакомство с ним произошло настолько естественно, что оказалось незамеченным. Так бывает, когда новый знакомец органично встраивался в твою жизнь, становясь неотъемлемой ее час-

тью. С той поры, когда я был редактором газеты “Молодой ленинец” и когда, по-видимому, началось наше общение, Виталий Иванович Лебедев “врос” в меня крепко. И сейчас, когда его нет, работая над краеведческими статьями и книгами, постоянно ощущаешь “надзор” за собой этого человека. Он так любил историю, особенно древность, средние века и историю засечных черт, что любой, кто так или иначе ими интересовался, автоматически получал его полное расположение, и Лебедев прощал ему многое.

Запомнилась тщательнейшая работа Виталия Ивановича над книгой “Легенда или быль. По следам засечных сторожей”, с которой мне довелось ознакомиться еще в рукописи. Ее редактировал Лев Григорьевич Зефиров. Кое-какие детали обсуждались в прокуренных редакционных кабинетах Зефирова и его соседа, старшего редактора книжного издательства Петра Федоровича Максяшева, где рукопись готовилась к печати. <...> Он был единственным человеком в двадцатом веке, кто прошел засечные черты от рязанской Мещеры до Ульяновска. Последний раз до него это было триста лет назад, в семнадцатом веке. <...> На взгляд любого непредвзятого ученого, это – выдающийся труд талантливого историка, умевшего не только выискать и свести концы разрозненных фактов, но и незатейливо и просто отобразить свои выводы на бумаге. Из краеведов прошлого таким талантом обладали саратовец Гераклитов и тамбовец Нарцов».

В.В. Кондрашин, д.и.н., профессор: «Виталий Иванович был уникальным человеком, настоящим самородком. В этом я смог убедиться, поступив в конце восьмидесятых годов в аспирантуру Института истории СССР АН СССР (сейчас Институт российской истории РАН). Виталия Ивановича там хорошо знали. Я хорошо помню, что когда он шел по Институту истории, с ним здоровалась добрая половина сотрудников. И академик И.И. Минц, и член-корреспондент Ю.А. Поляков, и Я.Е. Водарский, и С.О. Шмидт и многие другие широко улыбались Виталию Ивановичу, когда он “попадался на их пути”. В Институте истории СССР у него были настоящие друзья, среди которых первый – Владимир Васильевич Кабанов – крупнейший специалист по аграрной истории. Подобное отношение – большая редкость для московских академических структур, и провинциалам заслужить его нелегко. <...> Он завоевал уважение ведущих ученых страны своим подвижническим трудом. Он был таким же, как они – влюбленным в науку, отдававшим ей все свои силы. Неслучайно в Институте истории его прозвали “пахарем”, человеком необыкновенной работоспособности. Кроме того, конечно, всем были хорошо видны его человеческие качества. Поэтому он вписался в коллектив интеллектуалов и при всей его внешней простоте не уступал им в творческих потенциях. <...>

Именно он создал в московских академических кругах представление о пензенцах, как о талантливых и работящих людях, а о нашей Пензе, как кузнице талантов, имеющей большие потенциальные возможности. Виталий Иванович стал первым нашим земляком, защитившим кандидатскую диссертацию в Академии наук. Там же он планировал и защиту докторской диссертации...».

В.М. Кириллова, к.и.н., доцент: «Он обладал величайшим даром взглянуть на известное в истории совершенно с новой стороны, повернуть изучаемое под таким углом зрения, что оно начинало сверкать новым блеском, и тогда свершалось чудо и рождалось Открытие. <...> Я была свидетелем того, с каким уважением и интересом слушали видные ученые-краеведы и его выступления с кафедры, и во время бесед в кулуарах. Особенно мне запомнилась встреча В.И Лебедева с академиком С.О. Шмидтом во время конференции. Думаю, что в немалой степени научный авторитет Виталия Ивановича способствовал тому, что АН СССР не раз выбирала г. Пензу местом проведения всесоюзных научных краеведческих конференций.

<...> Доподлинно знаю, что именно авторитет Виталия Ивановича помог избежать к. Пензе повального переименования улиц, которое пронеслось как ураган над нашей страной. Эту проблему он обсуждал и со мной, и не только возмущался повальным увлечением бездумным переименованием, но и прекрасно понимал, что такое "переписывание" истории наносит огромный вред исторической науке и нравственно калечит молодежь. И очень радовался тому, что сумел убедить городские власти избежать увлечения новой модой.

<...> В.И. Лебедев был очень доброжелателен к людям. В каждом новом человеке он видел только хорошее. Но если его доверие было обмануто или он встречался с подлостью, то такого человека он старался избегать. Подобных примеров мне пришлось наблюдать достаточно, чтобы убедиться в правоте своих выводов. В то же время Виталия Ивановича отличала большая скромность. Он не придавал значения ни званиям, ни должностям. О людях судил по их делам. И с такой же меркой судил и себя».

А.С. Касимов, д.и.н., профессор: «К числу целого ряда направлений и аспектов многогранного научного и педагогического наследия профессора В.И. Лебедева несомненно относится его уникальный опыт организации историко-краеведческих экспедиций. <...> Перед тем, как организовать ту или иную экспедицию, Виталий Иванович проводил всестороннюю и тщательную подготовку: научную, материальную и др. <...> Из-за того, что каждый раз в экспедиции появлялись новички из числа первокурсников, он терпеливо учил их навыкам измерения валов и привязке их к местности. Подобную школу профессора Лебедева за долгие годы экспедиций прошли сотни студентов. Помня столь скрупулезное отношение Виталия Ивановича к рулеткам, компасам, транспортирам, шестам и прочим инструментам, выпускники факультета шутливо говорили о том, что он является изобретателем новой единицы измерения – "один Лебедь".

На экспедиции всегда выделялись минимальные средства. Поэтому и в советские времена, и в перестроечные годы приходилось изыскивать дополнительные средства. Для этого в ходе экспедиции читались лекции населению от общества "Знание", обкома комсомола и других организаций. При этом львиную долю лекций Виталий Иванович брал на себя, а студенты взамен получали молоко, овощи и другие продукты. Если предоставлялась возможность переночевать участникам экспедиции не в ветхих палатках в открытом поле, а под крышей школы, конторах и прочих помещениях, то Виталий Иванович всегда выбирал последнее, так как заботился о здоровье и безопасности студентов. Ребята чувствовали заботу о себе, ценили те знания и навыки, которые получали от старшего наставника и платили взаимной любовью и уважением».

В.А. Власов, к.и.н., профессор: «Преданность своей науке, умение чутко реагировать на все новое, появлявшееся в мире истории, жажда освоения неизведанного постоянно проявлялись в деятельности нашего Учителя. Нас, молодых людей и неопытных студентов, просто поражало его умение не упускать из поля внимания ничего из вновь выходящих монографий, учебников, научных и публицистических статей и других материалов. При этом В.И. Лебедев далеко не все принимал на веру, кое в чем сомневался, а что-то однозначно отвергал, не допуская (как это нередко бывает, к сожалению, среди "нашего брата") каких-то оскорблений в адрес других историков».

В.А. Ещин, к.и.н., доцент: «Лебедев <...> обошел каждый участок Пензенской земли, предварительно изучив ее историю в архивах. Его публичные выступления в селах и деревнях перед обширной аудиторией отличались не только простотой, доходчивостью, но и точностью изложения. Он поражал старожилов осведомленностью в истории их родных мест.

Виталий Иванович уделял большое внимание организации и обобщению опыта школьного исторического краеведения.

Без преувеличения можно сказать, что в области не было ни одного краеведческого школьного музея или уголка, о котором бы не знал Лебедев. И это он использовал в лыжных походах, чтобы приобщить студентов к краеведческой работе».

В.П. Бобров, заслуженный работник культуры: «Виталий Иванович обладал незаурядным талантом рассказчика, умел приковать внимание слушателей к излагаемому им материалу. <...> Из-за этой его способности гипнотизировать своими выступлениями аудиторию, я однажды попал в довольно неловкое положение. Это было где-то в середине восьмидесятых годов. Я тогда работал лектором обкома КПСС. Нас обком ВЛКСМ вдвоем с Виталием Ивановичем пригласил прочитать лекции в одном из пионерских лагерей для комсомольского актива. Я читал лекции о международном положении, а Виталий Иванович – "Пугачев и Пензенский край". В те времена сложилась такая традиция, что моя тема в любой аудитории читалась последней, как наиболее интересная. Виталий Иванович выступал первым. Я ушел подальше, чтобы еще раз продумать свое выступление. В назначенное время я подошел к площадке, где стояла трибуна, и увидел Виталия Ивановича в окружении "активистов", задававших ему какие-то вопросы. Ребята расположились по своим местам, и я начал читать свою лекцию. Однако привлечь их внимание, несмотря на различные приемы, мне, имеющему немалый опыт в этом деле, никак не удалось. Пришлось все "скомкать" и признать свое поражение».

Г.Е. Горланов, д.ф.н., профессор: «У меня создавалось впечатление о его превосходном знании литературы, особенно исторического жанра; прозу и поэзию тех писателей, которые так или иначе связаны с пензенским краем, изучил досконально. Без труда он цитировал Михаила Лермонтова, особенно часто "Бородино". Общаться с ним было легко и полезно. Лебедев один из первых обратил внимание на сочинение М.Н. Загоскина "Искуситель". <...> В конечном счете, такая осведомленность "выливалась" на студентов и разных слушателей. Экскурсанты, ездившие с Лебедевым-экскурсоводом по городу, удивлялись знаниям этого человека. Знакомый мой литературовед из Арзамаса делился впечатлениями: "Слушай, рассказывает-то он о конце XVIII века, о старом городе, а такое впечатление, будто бы он сам жил в то время. Вроде как приоткрыл автобусную дверь и перешагнул из XX века в XIX".

<...> Он не допускал даже мысли о нечестности и субъективизме в исследовательской деятельности. Земной был человек, со своими плюсами и минусами, но всегда интересный, демократичный во всем, доступный и, может быть, неожиданный. Удивил он меня – однажды после прочтения лекции заявил: "А я песнь написал на твои стихи". <...> И вот идем с ним в 343 аудиторию, где стояло пианино. Виталий Иванович, положив перед собой на стул, текст стихотворения "Скоро снова снега...", начал играть, напевать мелодию. Смутно сейчас помню мотив. Жалею очень, что со мной не было тогда диктофона».

Г.Г. Горбун, мастер спорта по туризму, старший инструктор-методист, член сборной СССР по туризму с 1965 по 1991 гг., председатель Пензенской маршрутно-классификационной комиссии по туризму: «Мы с ним ходили в пешие и лыжные походы по Пензенской обл., Южному Уралу, Памиру, Алтаю, Тянь-Шаню. Виталий Иванович хорошо знал историю. В каждом походе он нам очень много рассказывал. С ним было легко. Он был человеком, который любил шутку: шутил сам и понимал юмор других. После каждого похода у меня оставались снимки. Их делал Виталий Иванович, поэтому на фотографиях чаще запечатлены ребята, чем он сам.

Мало кто знает, что на картах есть перевал, носящий имя Пензенского государственного педагогического института. В 1963 г., в период подготовки к походу по Алтаю, когда смотрели карты, нами был обнаружен перевал ГАГПИ. Виталий

Иванович предложил – раз есть перевал Государственного горноалтайского института, в этом же хребте найти седловину, место для перевала, который назвать именем Пензенского пединститута. Новый перевал был найден в районе Верхнемультинского озера. Так перевал ПГПИ появился на картах Алтая».

В.В. Гошуляк, д.и.н., профессор: «28 января 1993 г. Виталию Ивановичу Лебедеву на основе решения Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию было присуждено звание профессора. Это звание он получил без защиты докторской диссертации. Такие случаи были достаточно редки в то время и широкого распространения не получили. Скорее, это была высокая оценка и признание того научного вклада, который внес В.И. Лебедев в изучение истории России и Пензенского исторического краеведения.

<...> Крупный исследователь, выдающийся краевед, стоящий в одном ряду с именами В.Х. Хохрякова, А.Л. Хвощева, Г.П. Петерсона, предельно скромный и одновременно незаурядный человек – таким остался профессор В.И. Лебедев в нашей памяти. Одна из моих книг "История Пензенского края" (1986 г., книга вторая) посвящена его памяти».

О.А. Сухова, д.и.н., профессор: «Когда-то мы были студентами, Его студентами, и еще задолго до личного знакомства ощутили на себе силу духовного воздействия этой, наверное, действительно харизматической личности. Ореол сакральности вокруг него возвела студенческая молва, передающая каждому новому поколению первокурсников посредством коротких, но весьма ярких эпизодов из воспоминаний "стариков" об экспедициях, поездках, о Его лекциях и т.д., некий идеальный образ. <...> Наверное, поэтому с первого студенческого лета и до последнего мы не могли прожить без экспедиций, ежегодно отправляясь раскапывать могильники и поселения или путешествовать с Виталием Ивановичем по старинным городам Северо-Восточной Руси.

<...> Как много он для нас значил, мы смогли осознать полностью лишь тогда, когда пришли с ним попрощаться. Был морозный день начала зимы, и студенты ломами и заступами долбили мерзлый грунт, – машины отказывались выполнять эту работу, – чтобы предать земле тело Учителя. И когда после слишком короткого митинга настали последние минуты прощания, у многих его учеников глаза наполнились слезами».

Память, научное наследие, заложенные традиции продолжают сохраняться и поддерживаться его коллегами. Сохранились научные школы Виталия Ивановича, продолженные его учениками: по краеведению и этнографии – д.и.н., профессором В.И. Первушкиным и к.и.н., доцентом А.В. Первушкиным, по аграрной истории – д.и.н., профессорами В.В. Кондрашиным и О.А. Суховой, к.и.н., доцентом Л.В. Лебедевой, по кооперативному движению – д.и.н., профессором О.В. Яговым. Данью уважения к ученому является воплощение его мечты коллегами – введение на историко-филологическом факультете новых предметов – этнографии, исторической географии, палеографии. В память о заслугах ученого, благодаря коллективу исторического факультета ПГПИ им. В.Г. Белинского, была создана именная мемориальная аудитория, изданы книга «Историк В.И. Лебедев» (2000) и сборники научных трудов коллег и учеников ученого, посвященные его памяти (1997), переиздана книга «Легенда или быль. По следам засечных сторожей» (2006). Главным памятником ученому является проведение ежегодных Лебедевских чтений, которые являются почетной эстафетой развития науки молодым поколением историков, символом научной порядочности, принципиальности и любви к малой Родине.

Примечания

1. *Семенов В.Б., Дворжанский А.И. и др*. Историк В.И. Лебедев. Пенза, 2000. 124 с.

Е.Е. Жаринова

Г.И. МЕШКОВ, «ЗАПИСКИ О г. ПЕНЗЕ»

Дорогие друзья!

Мы продолжаем публикацию рукописи Г.И. Мешкова «Записки о городе Пензе», хранящуюся в основном фонде Пензенского государственного краеведческого музея. Вашему вниманию предлагается пятая часть «Записок».

V. МОНАСТЫРИ

Монастырей в Пензе всего два. Один из них, Троицкий, женский, построен в Центре города, на Троицкой же улице, которая, вероятно, и название свое получила по этому поводу. Вот несколько слов о его основании.

Еще в 1690 г., как видно из подлинных документов, к полной моей благодарности сообщенных мне Игуменьею Надеждою, – старицы: Таисия,_Феодосия, Екатерина[29] и другие, числом до тридцати, не бывши приняты в других обителях без денежных вкладов и не имея ни возможности внести эти вклады, ни пристанища, просили Государей Царей и Великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей[13] о дозволении им построить в городе Пензе монастырь на усадьбах, пожертвованных по дарению Рождественским Священником Петром_Ивановым[14] и вдовою Татьяною Осиповою[27]. Усадьбы эти, обе вместе, составляли только до сорока квадратных сажень, и на этом-то, столь тесном пространстве предполагалось основание обители. Там, в 1699 г., упомянутые старицы построили (неразборчиво написано – *Е.Ж.*) кельи и вот на устройство там же Храма во Имя Св. Живоносныя Троицы с приделом во Имя Св. Апостолов Петра и Павла последовало разрешение Святейшего Патриарха Адриана[1]: но, по неимению решительно никаких средств, предложение о постройке этого храма оставалось не исполнившимся. В это время, в Пензе, вместо прежнего деревянного собора, начат был новый, каменный и Патриарх, входя в положение стариц, разрешил им разобранную деревянную Соборную церковь во Имя Всемилостливого Спаса с приделом Св. Апостолов Петра и Павла перевезти в обитель и поставить на усадебном месте, переименовавши храм Троицким, что и было, но чрез семь уже лет, исполнено.

В 1717 г., Игуменьею Мариею[23], построена была, в разрешения Блюстителя Патриаршего Престола, Митрополита Рязанского Стефана_Яворского[35], в обители другая еще церковь во Имя Преподобного Александра Свирского, чему много содействовал Г.Блохин[9]пожертвованием леса и утвари. Когда и по какому случаю обе эти церкви уничтожены, о том в Монастыре не сохранилось никаких сведений; но в 1746 г., Игуменьею Александрою[2], на сумму, составившуюся из добровольных приношений, построена каменная Троицкая церковь, с приделом Божией Матери, всех скорбящих Радости и с церковью во Имя Преподобного Александра Свирского под колокольней.

Но в 1770 г. обитель была опустошена пожаром, после которого церковь с колокольней до основания разобраны и выстроены вновь, попечением Игуменьи Александры[3], (второй этого имени) на сумму, отпущенную из Государственной коллегии экономии. Этот новый храм был крайне тесен и в следствие того, в 1795 и 1798 гг., при Игуменьи Евпраксии[16], распространен пристройками, а в 1809 г., при той же Игуменьи получил теперешний свой фасад, был надложен вверх и украшен пятью главами.

В 1853 г., при управлении теперешней Игуменье Надежды[24], основан новый летний храм, на пространстве одиннадцати сажен в ширину и стольких же сажен в длину. После (неразборчиво написано – *Е.Ж.*) канавы, 2 Мая 1854 г., храм этот заложен покойным Преосвященным Ам-

вросием[4] (вторым этого имени и потом, по окончании постройки, освящены: в 1859 г., придел во Имя Св. Николая Чудотворца; в 1860 г., придел во Имя Смоленской Божией Матери, а в 1864 г., главный храм во Имя Сошествия Св. Духа на Апостолов. По всей справедливости надо сказать, что этот храм один из лучших в отделке и великолепнейших в городе.

Сначала обитель была обнесена, на тесном своем пространстве, деревянной оградой, но в 1782 и 1812 гг., ограда эта заменена каменной, которая в 1843 г. переложена вновь кругом всей принадлежавшей тогда монастырю усадьбы; а эта последняя, в 1863 и 1866 гг. значительно увеличена по протяжению набережной реки Пензы вследствие пожертвования в пользу монастыря несколькими домовладельцами своих усадеб. Попечением теперешней Игуменьи Надежды[24], в обители выстроены многие каменные, обширные здания; в недавнее время окончен еще больший, каменный, двухэтажный корпус для помещения в нем больницы.

Что принадлежит до управления обителью: оно всегда было Игуменское.

Первая Игуменья, Анисия[5], определенная Патриархом Адрианом[1], поступила в это звание в 1695 г., но когда скончалась, – неизвестно.

В 1717 г., в актах упоминается уже Игуменья Мария[23], скончавшаяся в 1742 г.; но поступила ли она на место Игуменьи Анисии[5] непосредственно, или же были между ними другие настоятельницы, из дел монастыря не видно.

Игуменья Александра[2] управляла обителью с 1742 г. по кончину свою в 1757 г. Затем, в течение всех лет, до 1765 г., монастырем управляла казначея, монахиня Елизавета[18]. Игуменья Фотиния[34], с 1765 по 1766 гг. Игуменья Феврония[33],с 1766 по 1771 гг. Потом, в продолжение двух лет, обителью управляла та же казначея, монахиня Елизавета[18]. Игуменью Ермиллу[19], (1773–1775) постигла горестная, но заслуженная участь: в 1775 г., она, с восьмью другими монахинями, лишена мантий, по прикосновенности в дому самозванца Пугачева. Игуменья Александра[3], (вторая этого имени) бывшая до поступления в монашество за мужем за поручиком Кокиным, управляла обителью с 1775 по 1790 гг. Игуменья Евпраксия[16] поступила в монашество по смерти мужа своего, поручика Никулина; вступивши в правление обителью в 1790 г. Скончалась в 1812 г. Игуменья Олимпиада[26], поступивши на место Евпраксии[16], убита лошадьми, вместе с казначеею монастыря, в 1826 г. Игуменья Нектария[25]управляла монастырем около двух лет и скончалась в 1828 г. Преемница ее, Игуменья Евлалия[15], из рода князей Мансыревых, управляла до 1837 г., в котором от должности удалена и переведена простой монахиней в Арзамасскую обитель.

Управляющая теперь монастырем Игуменья Надежда[24], из крестьянского звания, поступивши в монастырь еще в детстве в 1810 г. Пострижена в монашество в 1831 г.; определена настоятельницей в 1837 г., а в 1838 г. возведена в настоящее звание. За все свои труды и попечения о доведении вверенной ей обители до настоящей степени примерного благоустройства, а также за возведение нового храма, Игуменья Надежда[24] удостоена в 1851 и в 1860 гг. Всемилостивейшего награждения двумя наперстными крестами.

Другой монастырь мужской, Спасо-Преображенский, именовавшийся прежде Вознесенским, расположен в окрестностях города. На юго-востоке, на берегу реки Пензы.

Нельзя не пожалеть, что настоятели этой обители, в числе которых были лица, получившие высшие образование и бывшие даже ректорами семинарии, никогда не заботились о составлении истории монастыря, которым управляли. Не возможно допустить мысли, чтобы к началу текущего столетия, не сохранилось в Монастыре подлинных документов, по которым история его могла бы быть рассказана, хотя в таком же кратком виде, в каком можно было извлечь рассказ о монастыре женском; но на все мои вопросы,

и монахи, и сами настоятели отвечали обыкновенно, что документов ни о монастыре, ни о бывших со времени и после основания его настоятелях, – никаких будто бы не сохранилось. Равнодушие непостижимое! Пожаров, которыми те документы могли бы быть уничтожены, в монастыре не бывало; ежели документы подобного рода могли сохраниться в женском монастыре, хотя он и был опустошен пожаром 1770 г.: почему бы им не сохраниться в монастыре мужском? Вероятно, они и есть, но за них никто не хочет приняться.

По этим обстоятельствам, и, к крайнему моему сожалению, не мог при всем моем старании, сведения в отношении к этому монастырю извлечь из источников официальных, которые указывали бы прямо как на время основания монастыря, так и на хронологическое изменение управлявших им сперва игуменов потом строителей и наконец, архимандритов, подобно тому, как сделано это выше в отношении к Троицкому женскому монастырю. Я принужден довольствоваться на счет времени основания монастыря и образа его управления сведениями частными, собранными мною еще в первой моей молодости и краткой запиской протоиерея кафедрального собора Ф.П. Островидова[28], теперь уже умершего, извлеченной по словам его, по мере возможности из дел Духовной консистории; в отношении же приведения обители в настоящее ее положение и в отношении постройки возведенных в ней, в текущем уже веке, храмов, я могу говорить, как самовидец: все эти храмы выстроены уже в мое время. Мог бы я еще прибавить здесь исчисление настоятелей монастыря собственно со времени учреждения в нем архимандрии (с 1796), потому что, за исключением первых трех архимандритов, бывших до моего еще рождения, одних из этих настоятелей я видел еще в детстве моем, с другими, по пришествии в возраст, был лично знаком; но такое отрывочное, так сказать, сведение, без хронологического исчисления их предшественников, не повело бы ни к чему и вот не многое, что, основываясь на вышеприведенных данных, я могу рассказать о Пензенском мужском Спасо-Преображенском монастыре.

Монастырь этот был основан в 1689 г., по грамоте Государей Царей и Великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей[13] и по благословлению Святейшего патриарха Иоакима[21], между городовою стеною и речкой Пензой, на том самом месте, где в настоящее время осталась Спасо-Преображенская приходская церковь, о которой упомянуто выше. Слишком через сто лет, занимаемая местность признана неудобной, вследствие того по представлению строителя Израиля[20], последовал Указ Святейшего Синода, разрешавший перенести Монастырь на место бывшего Вознесенского кладбища, за городом, т.е. на то самое, на котором монастырь находится теперь. Это тогда же (1794 г.) было исполнено; а из находившихся в монастыре двух церквей, одна, Спасо-Преображенская, уступлена городу. Она устроена под горою; другая церковь, находившаяся на горе, возле усадьбы, принадлежавшей тогда г-ну Гладкову[11], а теперь составляющей собственность г-на Горсткина[12], разобрана.

До штатов 1764 г. управление в монастыре было игуменское; по этим штатам, обитель оставлена на своем содержании, с настоятельством строительским.

Это продолжалось до 1796 г.; тогда, по Высочайшему указу 14 апреля, монастырь причислен к третьему классу и в том же году учреждена в нем Архимандрия. Первым архимандритом был назначен строитель Израиль[20].

Когда монастырь был переведен на новое место, то, кроме бывшей уже на этом месте кладбищенской Вознесенской церкви, устроена под возведенной колокольней еще церковь во имя Тихвинской Богоматери. Других церквей не было, а монахи и сам настоятель помещались в низких, темных деревянных кельях. Но, в 1814 г., скончался служивший в Пензе вице-губернатором действительный

статский советник Александр Михайлович Евреинов[17]; над его могилой в углу ограды на Востоке, выстроена небольшая каменная церковь во имя Св. Александра Невского. В недавнее время, церковь эта распространена вдовою полковника Марфой Ефимовной Вигель[10], вскоре потом скончавшаяся и тут же погребенная.

В 1821 г., приступлено к постройке теперешнего Спасо-Преображенского собора, но когда строение было доведено до окончания купола: свод обрушился, и при этом погибло несколько человек рабочих. Совершенное окончание собора последовало только около 1828 г.; с тех пор, монастырь именуется уже не Вознесенским, а, по-прежнему, Спасо-Преображенским. В соборе этом два престола: главный, во имя Преображения Господня, и придел во имя Успения Пресвятой Богородицы. Служба в этом храме, который нисколько не отличается изяществом отделки, бывает только летом.

В последствие времени, над могилой статского советника Александра Григорьевича Киселева[22], скончавшегося, лет 25 назад, за границей, после чего тело его перевезено в Пензу, вдовой его выстроена большая, двухъярусная, каменная; о пяти главах, церковь. В верхнем ярусе только один престол, во имя Воскресения Христа Спасителя; в нижнем три престола: главный, во имя Рождества Христова и придельные: Казанской Божией Матери и Св. Александра Невского. Рождественский храм, темный, устроен по образцу Храма Вифлеемского.

Старинная Вознесенская церковь, возобновлена, хотя и не затейливо, попечением благотворителей, как упомянуто выше; но церковь во имя Тихвинской Богоматери, под колокольней, тесная, темная, низкая, остается в прежнем положении, т.к. монастырь совсем не богатеет. Впрочем, там и служба бывает редко.

Местность, занимаемая монастырем, в прежнее время была несколько обширнее; колокольня, находящаяся теперь на краю Западной стороны ограды, возле самых Св. Ворот, стояла прежде посередине двора. Эта колокольня всё та же; но когда, около 30 лет тому назад, при архимандрите Антонии[6], выстроены были существующие теперь Архимандритская, монастырские кельи, каменные и новая каменная же ограда с башнями по углам: признано было возможным, вероятно для сокращения издержек, сократить протяжение стены на Запад, чем и уменьшился размер двора. Высокая колокольня имеет фасад очень красивый.

Замечательных, изящных памятников над могилами совсем нет; лучшие из них, в недавнем времени, поставлены над могилами Екатерины Ивановны Резановой[32], Александра Алексеевича[30] и Софьи Николаевны[31] Панчулидзевых, Агафьи Николаевны Араповой[7] и Елизаветы Николаевны Бекетовой[8]. Прочие памятники, мраморные, или просто каменные, за немногими исключениями, почти все, по ветхости и не имении поддержки, в полуразрушенном состоянии. При монастыре есть небольшая роща. В половодье монастырь кругом заливается водой и попасть в него иначе, как в лодке, нет никакой возможности.

В этих немногих строках заключается все, что, по упомянутым выше и от меня не зависящим причинам, я мог рассказать о Пензенском мужском Спасо-Преображенском монастыре.

Примечания

1. *Адриан, Патриарх (в миру Андрей; 2 (12) октября 1637, или 1627 — 16 (27) октября 1700)* – 10-й, последний в доси-нодальный период, с 24 августа 1690 г. Патриарх Московский и всея Руси.

2. *Александра, Игуменья (?–1757)* – игуменья Пензенского Троицкого монастыря, в 1746 г. построила престольную Троицкую церковь

3. *Александра, Игуменья (вторая)* – вдова поручика Кокина, управляла Пензенским Троицким монастырем с 1775 по 1790 гг.

4. *Амвросий II (в миру Морев Алексей Иванович, 1783 – 15.10.1854)* – Епископ

пензенский и саранский (с февраля 1835 г.), окончил Тверскую духовную семинарию и Александро-Невскую духовную академию, хиротонисан во епископа 17 июня 1823 г. Склеп под Екатерининским алтарем Кафедрального собора в Пензе. В 1998 г. останки перенесены на площадку перед архиерейским домом.

5. *Анисия, Игуменья* – первая Игуменья Пензенского Троицкого монастыря.

6. *Антоний, Архимандрит* – архимандрит Пензенского Спасо-Преображенского монастыря в первой трети XIX в.

7. *Арапова Агафья Николаевна (1809-1864)* – сестра известного театрала Пимена Николаевича Арапова (1796-1861).

8. *Бекетова Елизавета Николаевна (1800-1867)* – пензенская дворянка, с 1819 г. жена подполковника Николая Петровича Бекетова (1784–?), помещица с. Телегино Пензенского уезда, урожденная Арапова.

9. *Блохин Г.(?)* - житель города Пензы.

10. *Вигель Марфа Ефимовна (?)* – пензенская дворянка, вдова полковника.

11. *Гладков Григорий Васильевич (1756-1821)* – пензенский помещик, надворный советник. В 1780-90 гг. избирался предводителем дворянства ряда уездов. В 1806 г. создал в Пензе крепостной театр, на сцене которого играли также чиновники, семинаристы, профессиональные актеры из других городов.

12. *Горсткин Иван Николаевич (1798-1876)* – декабрист, титулярный советник. В 1846 г. купил старое здание театра Гладковых и организовал любительские благотворительные спектакли, сборы от которых шли на нужды детских приютов, женского приходского училища, организацию школы при тюремном замке.

13. *Государей Царей и Великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей* – в соответствии с актом от 26 мая 1682 г. «О совокупном восшествии на Всероссийский Престол Государей Царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича и о вручении, за малолетством Их, управления Государственными делами Сестре Их, Царевне Софии Алексеевне» титула писались во множественном числе.

14. *Иванов Петр* – житель города Пензы, священник.

15. *Евлалия, Игуменья* – игуменья Пензенского Троицкого монастыря из рода князей Мансыревых, управляла монастырем с 1828 (?) до 1837 гг., до перевода в Арзамасскую общину. К тому моменту ей исполнилось уже 80 лет.

16. *Евпраксия, Игуменья (?–8.12.1812)* – вдова поручика Никулина, игуменья Пензенского Троицкого монастыря с 1790 по 1812 гг.

17. *Евреинов Александр Михайлович (1773-1816)* – действительный статский советник, в 1804–1815 гг. – пензенский вице-губернатор.

18. *Елизавета, Монахиня* – казначея монастыря, управляла Пензенским Троицким монастырем с 1757 по 1765 гг. и с 1771 по 1773 гг.

19. *Ермилла, Игуменья* – игуменья Пензенского Троицкого монастыря с 1773 по 1775 гг.

20. *Израиль*, монах – строитель Пензенского Спасо-Преображенского монастыря, управлял обителью в конце XVIII–нач. XIX в.

21. *Иоаким, Патриарх (в миру Иван Петрович Савёлов-первый; 6 января 1621 – 17 марта 1690)* – девятый и предпоследний в досинодальный период Патриарх Московский и всея Руси (26 июля 1674 – 17 марта 1690).

22. *Киселев Александр Григорьевич (1791-1847)* – статский советник, военную службу начал в 1805 г., а в следующем году перешёл в гражданское ведомство. В 1832 г. А.Г. Киселев переехал в Пензу, где в 1835 г. стал попечителем публичной библиотеки. Его жена Мария Михайловна, урождённая княжна Чегодаева (1798-1887), известная пензенская благотворительница, в числе прочего содержавшая киселевскую богадельню.

23. *Мария, Игуменья (?–1742)* – игуменья Пензенского Троицкого монастыря с 1717 (?) по 1742 гг.

24. *Надежда, Игуменья (в миру Марфа Ломтева, 1800–1879)* – с 1811 г. жила в монастыре, с 1824 г. – послушница, в 1831 г. приняла постриг, с 1837 г. настоятельница, с 1838 г. игуменья. Награждена тремя наперсными крестами (от Св. Синода) и двумя кабинетными, т.е. выданными из кабинета министров.

25. *Нектария, Игуменья (?–1828)* – игуменья Пензенского Троицкого монастыря с 1826 по 1828 гг.

26. *Олимпиада, Игуменья (?–1826)* – игуменья Пензенского Троицкого монастыря с 1812 по 1826 гг.

27. *Осипова Татьяна* – жительница города Пензы, вдова.

28. *Островидов Федор Петрович (1795-1865)* – церковно-служитель и общественный деятель. Историк-краевед, член комитета по историко-статистическому описанию Пензенской епархии, автор ряда работ по церковному краеведению.

29. *Таисия, Феодосия, Екатерина* – старицы, в числе других основательницы Пензенского Троицкого монастыря.

30. *Панчулидзев Александр Алексеевич (1789(90?)–1867)* – род Панчулидзевых внесен в родословные книги Саратовской и Пензенской губерний. Александр Алексеевич Панчулидзев в 1822-31 гг. занимал должность саратовского губернского предводителя дворянства. С 1831 по 1859 гг. пензенский губернатор. Был дважды женат.

31. *Панчулидзева Софья Николаевна (урожд. Сушкова) (1800-1843)* – первая жена Александра Алексеевича Панчулидзева. Вторая жена – *Варвара Николаевна Панчулидзева (урожд.Загоскина) (1812-1880).*

32. *Резанова Екатерина Ивановна (1765-1847)* – пензенская дворянка, дочь тайного советника, сенатора.

33. *Феврония, Игуменья* – игуменья Пензенского Троицкого монастыря с 1766 по 1771 гг.

34. *Фотиния, Игуменья* – игуменья Пензенского Троицкого монастыря с 1765 по 1766 гг.

35. *Яворский Стефан, Митрополит Рязанский (в миру Симеон Иванович Яворский; в унии Станислав; 1658-27 ноября (8 декабря) 1722)* – епископ Русской православной церкви; с 7 апреля 1700 г. митрополит Рязанский и Муромский; с 16 декабря 1701 г. экзарх (блюститель патриаршего престола) – в годы, предшествовавшие упразднению патриаршества при Петре I. С 22 октября 1721 г. Президент Духовной коллегии (Святейшего Правительствующего Синода).

Г.Е. Горланов

ЕСТЬ ЛЮДИ КАК ЗВЕЗДЫ

7 декабря 2015 г. состоялся знаменательный вечер памяти во многом интересного и необычного человека, директора школы №43 г. Пензы. Если бы остановиться только на директорстве, то и этого было бы достаточно, чтобы говорить о Дмитрии Владимировиче Свиридове как о замечательном руководителе, талантливом педагоге и отзывчивом человеке. Я же хочу остановиться ещё на одном, не менее важном… Хотел написать «хобби», но это было бы несправедливо, поэтому нашел правильное, как мне кажется, определение – «призвание», к сожалению, не развернувшееся в полной мере. Это призвание – поэзия.

Близко знавшие коллеги Дмитрия Свиридова называли его поэтом. Справедливо ли такое мнение? При жизни Дмитрий Владимирович искренне (как всегда он это делал) признавался: «и бывают минуты, когда мне обязательно нужны ручка и листок бумаги. Вряд ли меня можно назвать поэтом, но что-то, по-моему, все же получается. Эта книжица только для моих друзей и близких. Я буду вполне вознагражден, если хоть немногое вас затронет, мои дорогие». Процитированное признание помещено в уже вышедший (после смерти автора) поэтический сборник (Пенза, 2015) «Маленькая книжка для больших друзей». Он не решался называть себя поэтом. В такой оценке видится не только скромность, но и понимание высокого значения понятия «поэт», которое многие легкомысленные стихотворцы употребляют всуе. Напомню о филологическом образовании – он выпускник Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского (1991), по специальности «учитель русского языка и литературы». Я, десятки лет проработавший в литературоведении и поэзии, член профессионального Союза писателей России, могу со всей ответственностью сказать: Дмитрий Свиридов своеобразный русский поэт. Пусть он будет вознагражден, пусть он знает об этом. В таком мнении поддержат меня все, имеющие отношение к литературе. Не каждый умеющий рифмовать строчки может называться поэтом, а только тот, который способен в поэтических откровениях выразить свою беспокойную душу. Дмитрий Свиридов блестяще справлялся со своими сердечными порывами. Получалось у него и в классической лирике («Стихи разных лет»), и в иронических стихах, в миниатюрах, и в «Стихах для детей».

Начинал я свои заметки с прекрасно проведенного в школе №43 г. Пензы вечера, посвященного памяти Дмитрия Свиридова. Не скажу про всех, но я чувствовал присутствие в зале Дмитрия Владимировича, не только потому, что ведущие вечера помещали большие фотографии на декорационной стене, а ещё потому, что эти фотографии говорили словами школьников. Я выступал в качестве председателя жюри, оценивающего выступления школьников разных школ. Задача неимоверно сложная стояла перед членами жюри. На вечере все без исключения выступали с воодушевлением. Прекрас-

но вливались в свои роли исполнители. Как-то само собой появились экспромтом строчки, слабые, вероятно, в художественном отношении:

Он был иль не был?
Строчки знают.
Они зовут землян в полет…
Ученики стихи читают,
И снова Дима наш живет.

Почему-то не стал переделывать стихи. «Дима» – так назвать директора школы я имел право. Супруга его, Ольга Юрьевна, тоже учитель словесности, которую он любил и продолжает любить, сказала мне, что мои стихи ему нравятся. Стало быть, он находил в моей поэзии нечто созвучное его сердцу. Решил я, что таким мнением следует дорожить, и даже загордился тем, что Дима Свиридов учился на нашем филологическом факультете. Поэтому и частица нашего труда сказалась в его успехах.

Возвращаясь к своему экспромту, скажу, что Дима лучше сказал о себе Читаешь его лирические откровения, и будто разговариваешь с автором, слушаешь его проникновенную речь, не лишенную жизненной мудрости.

Есть люди как звезды,
есть люди как песни –
От них нам светлее
без всяких там если.
Есть люди как реки,
есть люди как люди –
Они отдают
и от них не убудет.

Так в поэтических строчках бывает, а в земной обители лирическое «я» Дмитрия Свиридова такое же, как у всех: «…есть люди как люди – Они отдают и от них не убудет». Не счесть количество тепла души, отданное знакомым и незнакомым людям, многочисленным ученикам, коллегам. Его итоговая поэтическая книга – это тоже частичка благородной души, отданная читателям. В подаренных людям стихах таятся радости от встреч с березками, утренними и вечерними зорями, запахами осенних грустных полей и рощ. В них щедро рассыпаны восторги от красоты родимой земли и красоты людских сердец. Нередко впечатления от счастья жить на Земле передаются в неспешных философских раздумьях.

Не останавливаюсь специально на технических сторонах его стихов, на его богатой художественной палитре, на применении разных изобразительно-выразительных средств, фонетической звукописи – это само собой разумеется. О незаурядном его мастерстве могут свидетельствовать акростихи, одно из трудных разновидностей лирического жанра, таких, как «Кистанов», «Девочка моя», «Шумилина», «Шарошкина», «Ирина Эдиксовна», «Леночка Литвинова!», «Нежуленька»», «Слон? О, нет! Слоненок!».

При этом его используемые художественные средства не выпирают наружу, автор строго выдерживает поэтический колорит, пытаясь избежать даже, по его собственному выражению, «капельки фальши». Вот небольшая часть его метафоричности: «Хрустальный мир октябрьских акварелей»; «Уронит осень золотые нотки, // И тронет сердце скерцо си бомонс»; «Осень за окошком // Уличною кошкой // Жмется под дождем»: «К сон-

ным глазам домов // Ластится звездный свет»; «Снова осень с тихой скорбью // Пьет мое тепло»… Из времен года ему больше по душе осень. В его очередном «Осеннее» мне почувствовалось некое интуитивное завещание:

Если ветрами
бесчувственно жесткими
Жизнь мою осень
расплещет до дна,
Вы положите тогда
под березками,
Чтобы оплакали
душу сполна…

Автор таких медитативных строчек не может не размышлять о преходящем и вечном, о жизни и смерти, и о последнем пристанище души. Может ли быть в принципе переселение души. Он передает наши размышления о вечности и преходящем:

Порой так душно умирать
и просыпаться
В горячке снов меж убежать
и меж остаться…
И как же хочется понять
на самом деле,
Способна ль жить душа опять
не в этом теле…

Каждый из нас при житие на земле задает подобный вопрос. Мне бы очень хотелось, чтобы «душа опять» ожила в каком-либо теле. Доброты бы в таком случае умножилось на Земле.

Автор книги не только тонкий пронзительный лирик, но и отменно владеет иронией, каламбурными шутками, понимает и чувствует психологию ребенка (раздел «Стихи для детей»). О них, детях, писать особенно трудно, эту истину признавали большие мастера детской литературы. У Дмитрия Свиридова стихи для маленьких получаются. Почти во всех стихах такого рода присутствует шутка. Вот небольшая миниатюра «Обжора» про незадачливого котенка:

Спрятал котик в свой животик
Две сосиски, сыра ломтик,
Полрыбешки, творожок,
И к – котлетины кусок!
Тяжело шло молоко…
Но кому сейчас легко?!

Прекрасна здесь находка – повторяющаяся лишняя «к»: «И к – котлетины кусок». Четыре раза повторяющиеся «к», как бы передают икоту котенка – переело явно маленькое существо, не рассчитало силы. Как детский писатель Свиридов любит передавать психологию героя через повторяющиеся согласные. Смотрите, к примеру:

Грромко, тррепетно, без мерры,
Кот муррлыкал про манерры,
Мудррый нррав
прекррасной Мурррки,
Прррелести её фигуррки.

Подытоживающая в «Обжоре» шестая строчка уводит уже в мир взрослых. Дети так говорят («Но кому сейчас легко?!»), имитируя взрослых. И вообще, резонно отметить редкую особенность: стихи отмеченного детского цикла интересны и для детей начальной школы и для их родителей. Вот и в только что процитированном «МУР-МУР, MON AMOUR» кот Муррка после душевных излияний Муррки «ушел в подъезд // Присмотреть еще невест». Смысл похождений кота глубже поймут взрослые. Активно помогают поэту иллюстративный материал: в одном случае восемь милых кошечек, поджидавших своего ухажёра. Поскольку речь зашла об иллюстрациях, отмечу прекрасное, со вкусом сделанное оформление книги, начиная с обложки и кончая последней страничкой с глубокомысленными стихами поэтессы Галины Ильиной. Знак плюс нужно поставить и наивно душевным рисункам самого Дмитрия Свиридова. Они дополняют общий сердечный настрой поэтического сборника. Нельзя не согласиться с Ю.А. Голодяевым, заметившим: «Да, Дмитрий писал сердцем». Сказанное касается не только стихов, но и его рисунков, и касающихся тем дружбы, любви, служения Отечеству, то есть, любви в самом широком значении этого многосмыслового понятия.

Не поддается логическому осмыслению трагический случай, произошедший

в ночь с 17 на 18 мая 2015 г. По тротуару проспекта Строителей шел Дима с раздумьями о работе, о семье, возможно, о будущей книге, и в него врезалась лихая «Mazda 6». 22 мая, накануне Последнего Звонка в школе, его не стало. Трагедия выпала на долю именно такого человека, который был полон жизненной энергии, задумок на свершение многочисленных дел. Было ему всего 47 лет (родился он 29.01.1968 г. в г. Нижний Ломов Пензенской области). Сколько бы он еще мог сделать на ниве просвещения и в творческой деятельности. И вдруг именно его выбрал зловещий рок. Ю.А. Голодяев, начальник Управления образования г. Пензы, с нескрываемой любовью говорил: «Сколько его знал, всегда ощущал в нем что-то необъяснимое. Данное свыше: какая-то непонятная сила притягивала к нему, призывала к общению, от которого исходило особое ощущение мира, силы добра и красоты жизни». А вот мнение Заслуженного учителя РФ О.В. Ивлиевой: «А какой замечательный друг и товарищ он был! Нет, не был, а остался таким в наших сердцах. А как здорово он выступал на конкурсе «Учитель года – 2000»! Просто покорил всех своей эрудицией и обаянием. Руки у нашего Димы золотые. Он все умел делать: и петь, и сочинять сценарии и эпиграммы, поздравления и посвящения. И даже вышивать умел».

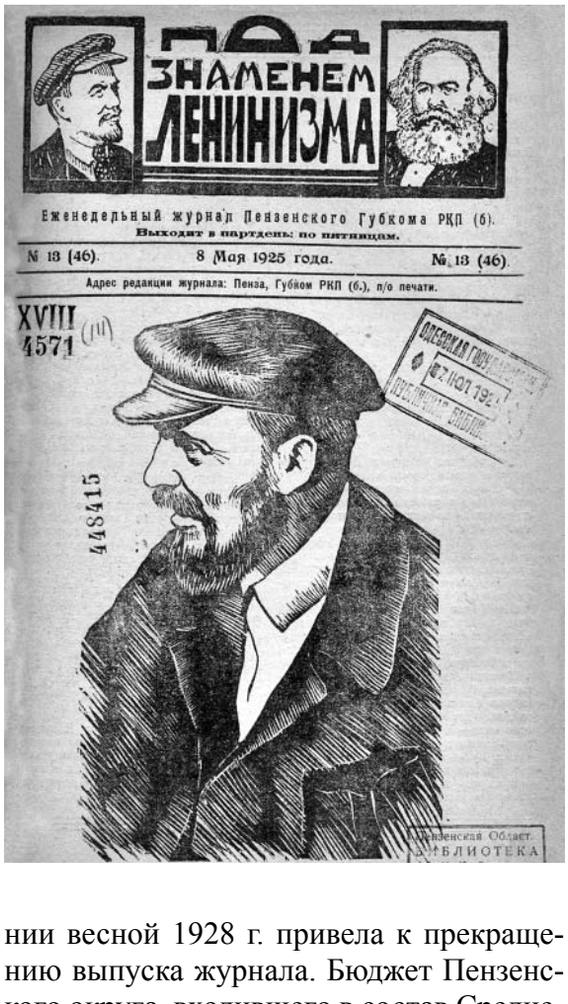
О книге теперь. Получилась она. Жаль только, сам автор не держал её в руках, не успел полистать её страницы, не мог порадоваться своему успеху. За него это сделают его ближайшие родственники и друзья, которым он посвятил свои добрые стихи. Поклонятся ему. Поздравят с выходом этой книги и те, кто не был знаком с ним при жизни. Всех, всех, даже ему незнакомых, он назвал «большими друзьями». Книгу ведь он так и озаглавил «Маленькая книжка для больших друзей». Все его многочисленные читатели не могут так вот письменно, как получилось у меня, поблагодарить поэта. Будем считать, что наш общий голос дошел до Дмитрия Владимировича Свиридова.

Д.Ю. Мурашов

МЕСТНАЯ ИСТОРИЯ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНИЗМА» («РАБОТАЙ И УЧИСЬ»)

Журнал Пензенского губернского комитета ВКП (б) «Под знаменем ленинизма» («Работай и учись») выходил с 15 февраля 1924 по 25 сентября 1928 гг. За пять лет издания вышло 240 номеров. До двухсот третьего номера (январь 1928 г.) журнал назывался «Под знаменем ленинизма», затем – «Работай и учись». Изменение названия (по версии его редакции) – превращение журнала из теоретического издания в массовый еженедельник[1]. Он был первым местным иллюстрированным журналом в Пензенском крае, рассчитанным на широкие круги населения, и, возможно, самым тиражным партийным журналом в Советском Союзе из тех, что издавались в провинции. Средний тираж журнала насчитывал 4000–5000 экземпляров, а временами доходил и до 10000[2].

Журнал «Под знаменем ленинизма» («Работай и учись») был основан как инструмент внутрипартийной борьбы. Она началась в Пензенской губернской организации коммунистов накануне смерти Ленина и усилилась после его кончины. Первый редактор журнала Николай Росницкий, возглавлявший также и губернскую газету «Трудовая правда», назвал её «дискуссионной горячкой»[3]. Редакция журнала твердо вела линию Сталина, последовательно боролась с Троцким и Зиновьевым, а также их сторонниками («оппозицией») в Пензенской организации коммунистов[4]. Журнал был основан при руководителе губкома ВКП (б) Дмитрии Орлове, а закрыт при Ансе Аболине. Тот и другой пали в годы сталинских репрессий. Ликвидация Пензенской губер-



нии весной 1928 г. привела к прекращению выпуска журнала. Бюджет Пензенского округа, входившего в состав Средне-Волжской области, не имел денег для его издания[5].

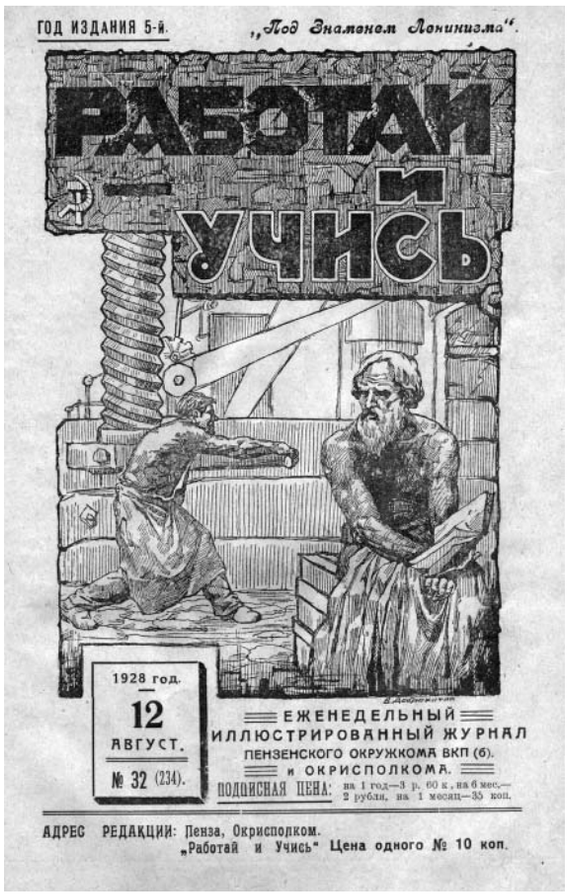
Тема местной истории на страницах журнала «Под знаменем ленинизма» («Работай и учись») поднималась неоднократно. Как правило, это было недавнее прошлое, находившееся от современности на расстоянии до двадцати лет. Чаще всего освещались пензенские события революций 1905 и 1917 гг., Гражданской войны. Значительно реже – события более отдаленного времени. При их раскрытии всегда выдерживался партийно-воспитательный ракурс: «Чтобы быть активным, коммунист должен уяснить и теоретически осмыслить прошедшее; использовать уроки вчерашнего дня в практической работе сегодня – иначе говоря, он должен знать историю своей партии, сущность большевизма, понять и усвоить то, что называется живой революционной традицией партии»[6]. Журнал постоянно учил: «Единственно правильным мировоззрением, которое должно стать достоянием рабочих и крестьян, это мировоззрение, разработанное Марксом и Лениным – марксизм и ленинизм. Каждый рабочий должен стать сознательным марксистом и ленинцем»[7].

События революций 1905 и 1917 гг. подавались «пакетами». Они включали работы Ленина (или цитаты из них), установочную статью или статьи о событии в целом и материалы местной истории, среди которых выделялись главный и второстепенные материалы. Так, номер журнала от 18 декабря 1925 г. был полностью посвящен революции 1905 г. Редакционная статья «Революция 1905 года в Пензенской губернии» начиналась словами: «Бурная волна революции, разливавшаяся в 1905 году по России, захлестнула также и Пензенскую губернию. Прокатилась эта волна по местным заводам, фабрикам и железным дорогам, захватила учебные заведения и широко разлилась по Пензенской деревне. Будучи преимущественно крестьянской, наша губерния дала типичный образец крестьянских восстаний в 1905 году»[8]. Крестьянские бунты описывались так: «Главное стремление крестьян было вырвать осиные помещичьи гнезда с корнем. События развертывались с «маленького» и принимали почти везде одинаковый характер. Выведенные из терпения различными «притеснениями» помещиков, крестьяне собирались «скопом», шли в помещичью усадьбу и предъявляли «барину» условия. Условия эти были различны: облегчить аренду, уступить спорный участок земли, но больше всего требований сводилось к уступке земли и прочих угодий. «Давай, а то сами запашем». Получив отказ, врывались в усадьбу, увозили хлеб, сельскохозяйственные орудия и другие вещи, а затем постройки сжигали». «Сравнять с землей» – иначе помещик опять вернется в усадьбу[9]. В статье отмечалось, что пик крестьянских выступлений в Пензенской губернии пришелся на ноябрь 1905 г., и царскому правительству понадобилось более двух

лет, чтобы «поставить на колени сермяжную Россию»[10]. Второстепенный материал – воспоминания участников революции. Крестьянина Давида Морданова – о восстании в Бессоновке; крестьянина Дмитрия Мешонкова – о деятельности социал-революционеров (журнал признавал организационную слабость в этот год пензенских меньшевиков и большевиков) в Чемодановке; крестьянина Алексея Криулина – об их же активной работе в Рамзае. Особняком стоят воспоминания «подпольщицы» Романовой, анархистки, безжалостно описавшей убийство пензенского полицмейстера Кандаурова и губернатора Александровского[11].

В год десятилетия Октябрьской революции журнал «Под знаменем ленинизма» («Работай и учись») сформировал её локальную – для двадцатых годов – версию в Пензенской губернии. В основу интерпретации были положены воспоминания Василия Владимировича Кураева, руководившего в 1917 г. пензенской ячейкой большевиков. События революции вплоть до захвата власти большевиками оценивались в ней саркастически. Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, существовавший в Пензе, назывался «холостым советом», эсеровско-меньшевистской «говорильней», «болтливым правлением». Только приезд в Пензу Кураева и организация им партийного актива стали началом настоящей народной власти. Решающими моментами взятия власти большевиками оказались переход на их сторону левых эсеров и солдат пензенского гарнизона: «22 декабря Пенза проснулась советской»[12].

В 1927 г. воспоминания В.В. Кураева были опубликованы в журнале, а ветераны революции назвали Василия Владимировича главным «организатором Октября в Пензе»[13]. «Сегодня мы вспоминали о том, – писали они в письме Кураеву, – как ты разъяснял нам всю гниль и предательство меньшевистско-эсеровского сброда, как учил нас овладевать массами, руководить ими. Под твоим умелым и твердым руководством мы взяли на себя огромной трудности задачу: будучи маленькой



группой большевиков, мы задались целью взять власть в свои руки. Нам нужно было не только вырвать из-под влияния меньшевиков рабочую массу, но и разложить силу врага части гарнизона. Нас было мало, но все мы были одушевлены единым стремлением – вырвать власть из рук капитала и его наемников – меньшевиков и эсеров. И под твоим руководством мы этого добились»[14].

Ещё одной популярной темой революционной истории был чехословацкий мятеж. Журнал активно публиковал воспоминания его участников и очевидцев. В частности, мемуары председателя Пензенской губернской ЧК Николая Козлова «Тревожные дни», командира красноармейского отряда Емельяна Портнова «Крестьяне в дни чехословацкого восстания в Пензе», журналиста Ефима Быкова «Чехословацкий погром».

События дореволюционной пензенской истории освещались с классовых позиций и сознательно необъективно. Повествуя об имениях Араповых в Пен-

зенском крае, Ефим Быков утверждал, что помещик и фабрикант Иван Андреевич Арапов (он был женат на дочери вдовы А.С. Пушкина – Александре Петровне Ланской) во время аварии на своей фабрике заживо похоронил под обломками фабричных стен шестьдесят человек. «Откапывать их было незачем, – писал Быков, – у крепостника-фабриканта недостатка в людях не ощущалось»[15]. Из этой же серии рассказов – случай с помещицей Ершовой, приказавшей «для устойчивости плотины загнать в самую трясину пару крестьянских лошадей с повозками и людьми» и засыпать их после живьем[16].

Свои первые статьи публиковал в журнале Петр Никишин, известный журналист и краевед. Его перу принадлежат материалы «260-летие города Пензы», «Неопубликованные письма В.О. Ключевского», «Новое о декабристах Пензенской губернии», «Пугачевское движение в Пензенской провинции». История Пензы начиналась Никишиным со времен Ивана Грозного, когда на месте современной Пензы был основан острог для защиты границ Русского государства. Затем он получил название Облай-Слобода из-за бурного нрава жителей, а в 1666 г. стал городом Пензой. С симпатией пишет Никишин о разинцах и пугачевцах, бывших в Пензенском крае, об их расправах над помещиками, не забывая в итоге отметить, что «только Октябрьская революция осуществила вековую мечту крестьян и всех трудящихся – избавиться навсегда и от помещика, и от власти, которой он держался»[17].

Удачной находкой журнала стала рубрика «О чем рассказывают старые дома», в которой через историю зданий Пензы излагалась дореволюционная история города. «Героями» рубрики были здания губернаторского дома и дворянского собрания, консистории, общественного банка, городской думы, окружного суда, ученой архивной комиссии и др. Разумеется, об объективном изложении истории речь не шла. Но то, что писалось, входило в ум молодого поколения, становясь для него настоящей историей, с которой он ежедневно встречался на улицах Пензы.

Вот, например, фрагменты статьи о зданиях дворянского собрания и губернаторском доме. Дворянское собрание: «По зимам пензенские помещики скучивались в городе; целые ночи гремела в просторном собрании музыка, носились по залу в эротических танцах парочки, поражая зрителей своей галантностью и богатством одеяния. В буфете шли беспрерывные попойки, а в боковых комнатах картежная игра»[18].

Губернаторский дом: «Бывший губернаторский дом тоже является показателем дворянской широкой и разгульной жизни /…/ Губернаторы использовали

вместительный «ковчег» исключительно для всегубернских попоек. По “благородному” это называлось губернаторскими “раутами”. Раз в год губернатор, если он не хотел ссориться с местным дворянством, скликал к себе помещичью братву и по всем комнатам трехэтажного дома в течение некоторого времени шел дым коромыслом»[19].

Итак, на страницах журнала «Под знаменем ленинизма» («Работай и учись») местная история прочно соединилась с идеологией. Дореволюционное прошлое Пензенского края освещалось скудно и тенденциозно. Статьи о нем были призваны показать правильный выбор народа в пользу партии большевиков, наследников революционных традиций Разина и Пугачева. В свою очередь, большевики нуждались в собственной исторической традиции, в своем славном прошлом. Этому служили статьи о Первой русской революции 1905 г. и Октябрьской революции, Гражданской войне, выигранной большевиками. В своей совокупности, они закладывали основы исторической памяти поколений, живших в Пензенском крае после падения царского режима.

Примечания

1. Под знаменем ленинизма. Пенза, 1927. №50. С. 18.

2. Работай и учись. Пенза, 1928. №38. С. 3.

3. Под знаменем ленинизма. Пенза, 1926. №24. С. 3.

4. Борьбе с Л.Д. Троцким было посвящено три номера журнала, вышедших накануне его снятия с должности народного комиссара по военным и морским делам. См.: Под знаменем ленинизма. Пенза, 1924. №30, 31-32. О Г.Е. Зиновьеве и вылазке «осколков ленинградской оппозиции» см.: Под знаменем ленинизма. Пенза, 1927. №1. С. 17-18.

5. Работай и учись. Пенза, 1928. №38. С. 4.

6. Под знаменем ленинизма. Пенза, 1924. №3. С. 19.

7. Там же. №11. С. 13.

8. Там же. 1925. №44. С. 22.

9. Там же. С. 24.

10. Там же. С. 25.

11. Там же. С. 28, 36-38, 40-42, 44-45.

12. Там же. 1927. №23. С. 28.

13. Там же. №44. С. 14.

14. Там же.

15. Работай и учись. Пенза, 1928. №9. С. 20.

16. Под знаменем ленинизма. Пенза, 1926. №17. С. 34.

17. Там же. №28. С. 21.

18. Работай и учись. Пенза, 1928. №22. С. 18.

19. Там же.

Д. Ю. Брагина, С. А. Уразова

ТАТАРСКАЯ ВЕНЕРА

Интересная история связывает мою семью с усадьбой Араповых в с. Проказна Бессоновского района Пензенской области. Имение, в котором до недавних пор располагалась школа, более четырех веков существует отчасти благодаря моему прадеду, П.С. Мелешину. Во время революции 1917 г. уцелел не только барский дом, но и произведения искусства, хранившиеся в усадьбе. Одна из ценнейших вещей имения сейчас представлена в Музее одной картины им. Г.В. Мясникова. Чудом после революции портрет удалось спасти, перевезя его в деревенском обозе из усадьбы Араповых в Пензенский государственный краеведческий музей.

Дворянское имение формировалось с начала XVII в. в с. Проказна. Основано оно было около 1665 г. на землях Пыркинской слободы конных казаков, при озере Большом (часть старицы Суры). Далее развивалось благодаря боярину, князю И.Ю. Трубецкому, получившему здесь в поместье земли в 1696 г. С 1780 г. село

числилось в составе Мокшанского уезда. В 1877 г.село становится волостным центром. По нему назван станционный поселок, построенный в 1895 г.[1].

Расцвет усадьбы связан с владением Араповых. Последний хозяин Проказны А.А. Арапов (1832–1919), живший в Проказне круглый год вплоть до 1917 г., богатый пензенский помещик, Бурмейстер двора его императорского величества, тайный советник, представитель старинного дворянского рода Араповых, в 1793 г. был внесен в шестую часть родословных книг губернии. Представитель древнейшей дворянской фамилии, он приходился крестным сыном императрице Александре Федоровне и императору Александру II[2]. В конце XIX в. старинное барское имение было одним из самых благоустроенных. Усадьба окончательно отстроена к концу XIX в. в стиле модерн. В центре располагался барский дом, сложный по композиции с боковыми ризалитами по главному фасаду и башнями, а рядом был роскошный парк, основой которого являлись три аллеи, расходящиеся от главного дома. Центральная аллея представлена в виде лестницы, спускающейся к большому пруду, за которым начинались фруктовые сады.

1 марта 1917 г. в Пензу из Петербурга пришла телеграмма об отречении Николая II от престола, 2 марта сообщение опубликовала пензенская газета «Черноземъ»[3]. Происходило повсеместное образование Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Исполнительные комитеты были назначены по всей губернии и в уездных городах[4]. В 1917 г. в усадьбе Араповых появились революционеры. Один из немногих рабочих усадьбы, владеющий грамотой, П.С. Мелешин(1881–1958), писарь в бухгалтерии, в 1918 г. пишет письмо в Москву российскому революционеру, советскому государственному и партийному деятелю, гласному Петроградской городской думы, главе Комиссариата городских хозяйств Союза коммун Северной области и Петроградской трудовой коммуны, М.И. Калинину с просьбой сохранить усадьбу для дальнейшего использования её под учебное заведение. Калинин написал положительный ответ председателю сельского совета Проказны. Дворянский дом остался нетронут, почти век в нем находилась школа.

В 1918 г. в Пензу въехала телега из Проказны, груженная произведениями искусства и ценными вещами усадьбы Араповых. Их везли в краеведческий музей. Среди подсвечников и зеркал лежал овальный портрет молодой девушки в роскошном дамском туалете.

В былые времена портрет женщины висел в аристократической гостиной на вилле Корсаковых. Она была известна благодаря ее хозяйке, красавице Варваре Дмитриевне, уроженке волжских берегов, происходившей из богатого костромского дворянского рода Мергасовых.

Обратимся к прошлому. В гостеприимном доме Корсаковых напротив Страстного монастыря она встретилась с молодым 20-летним бравым гусаром, сыном хозяина дома Н.С. Римским-Корсаковым, выпускником Московского университета. Поначалу гостья, потом – невеста, а позже и жена Николая Сергеевича, Варвара полюбила светские мероприятия именно во времена балов, проводимых ее свекром, Сергеем Александровичем[5].

С первой встречи прошло всего несколько месяцев. 28 мая 1850 г. свершилось венчание 16-летней В. Мергасовой и 20-летнего Н. Римского-Корсакова. Их пару знали все, и все восхищались ею. Даже Л.Н. Толстой, который запечатлел Варвару Дмитриевну и Николая Сергеевича в романе «Анна Каренина» под фамилией Корсунские, писал: «С кем мы не знакомы? Мы с женой как белые волки, нас все знают».Толстой иронично описывает красавца гусара — «лучший кавалер, главный кавалер по бальной иерархии, знаменитый дирижер балов, церемониймейстер, женатый, красивый и статный мужчина». А про супругу добавляет: «Там была до невозможного обнаженная красавица Лиди, жена Корсунского...»[6]. Су-

ществовали дальние родственные связи между четой Римских-Корсаковых и великим русским композитором Н.А. Римским-Корсаковым: музыкант доводился четвероюродным братом свёкру Варвары Дмитриевны. Один из Римских-Корсаковых был штатным фаворитом императрицы Екатерины II, отсюда и начинается известность этого рода. Знаменитая бабушка Николая Сергеевича Марья Ивановна поддерживала дружественные отношения с Пушкиным и прославилась на всю Москву веселыми и пышными балами. Мать Софья Алексеевна была двоюродной сестрой А.С. Грибоедову. По некоторым сведениям, именно она явилась прототипом Софьи, главной героини бессмертного «Горя от ума».

Римская-Корсакова родила мужу трех сыновей. Первенца, появившегося на свет в августе 1850 г., назвали Сергеем, в 1853 г. родился Николай, в 1855 – Дмитрий.

В 21 год выпускник Московского университета Николай Сергеевич был избран предводителем вяземского дворянства. С началом войны он отправился в Севастополь, где удивительным образом спасался от смерти, проявляя удивительную храбрость, за что получил Георгиевский крест.

Говорили, что из-за Варвары Дмитриевны у Николая Корсакова была дуэль, о которой знала вся Москва. Стрелялся он с лейб-гусаром Козловым. Корсаков был ранен в грудь, после дуэли состоялся суд, военная карьера Римского-Корсакова оказалась под угрозой, далее последовала отставка и развод с женой.

Варвара Дмитриевна переехала с сыновьями во Францию. Своей живостью ума, образованностью и утонченными манерами Варвара Дмитриевна покорила Францию. В высшем свете Парижа Римскую-Корсакову прозвали la Venustartar – «Венера из Тартара». Ходили слухи, что в нее был влюблен сам император Наполеон III, племянник Наполеона Бонапарта. Император и его супруга, Евгения Монтихо, стремились ошеломить Европу блеском и богатством. Грациозная и очаровательная Варвара Дмитриевна стала соперницей императрице, не терпевшей конкуренции рядом с собой.

Винтерхальтер Ф.К. Портрет В.Д. Римской-Корсаковой. 1858 г.

Однажды Евгения пригласила одного из самых модных портретистов середины XIX в. – Франца Ксавера Винтерхальтера (1805–1873), чтобы он писал ее портреты. Этот же художник создавал и портреты Варвары Дмитриевны. Немецкий живописец и литограф из бедной семьи, мастер светского и придворного портрета, он стал непревзойденным мастером аристократической портретной живописи. Винтерхальтер был назначен придворным художником Луи-Филиппа, короля Франции, и создал более тридцати портретов его многочисленной семьи. В Париже Винтерхальтера стали называть на французский манер Франсуа Ксавье, он написал более 100 портретов именитых особ Европы XIX в., создал единственную в своём роде галерею принцесс и аристократок практически всех стран Европы. Для английской королевы Виктории и ее семьи Винтерхальтер создал не менее 120 портретов. Большинство из

этих полотен представлено в Королевском собрании, в Букингемском дворце и других местах.

Императрица Евгения стала его любимой моделью, и сама она явно благоволила художнику. В 1855 г. Винтерхальтер пишет свой шедевр «Императрица Евгения в окружении фрейлин», который вызвал большой восторг публики. Картина была хорошо принята и выставлена для всеобщего обозрения, по сей день являясь одной из известнейших работ мастера[5].

Ажиотаж, вызванный в Европе портретами искусного живописца, не обошел стороной и российских аристократок. Франц Ксавер исполнил портреты царицы Марии Александровны – супруги Александра II, вдовы Николая I Александры Федоровны, княгини Татьяны Юсуповой, Елизаветы Трубецкой, графини Варвары Мусиной-Пушкиной, Софьи Нарышкиной[7].

В 1858 г. на пороге мастерской Винтерхальтера появилась прекрасная незнакомка. Пораженный красотой Варвары Дмитриевны, художник написал два

Винтерхальтер Ф.К. Портрет В.Д. Римской-Корсаковой. 1864 г.

ее портрета, первый – в 1858 г., второй – в 1864[8]. В ее образе художник воплотил благородство и совершенство женской красоты. Так написать портрет мог только влюбленный художник. Никто не узнает, было ли это чувство взаимным, известно лишь, что Винтерхальтер так никогда и не женился. Вероятно, через всю свою жизнь он пронес любовь к загадочной русской аристократке…

Варвара Дмитриевна дорожила двумя портретами кисти Винтерхальтера. Литография с позднего ее портрета украшала обложку книги, написанную Римской-Корсаковой. Эпиграфом к книге были следующие слова: «Лишенья и печали мне указали Бога, а счастье заставило познать Его».

Варвара Дмитриевна прожила недолгую, но яркую жизнь. В 45 лет она умерла от болезни сердца. Возможно, за веселой молодостью, наполненной балами и развлечениями, последовала одинокая зрелость, скорее всего проведенная в поисках смысла жизни и Бога… Ее средний сын Николай из-за финансовых затруднений был вынужден продать поместье матери, один из ее портретов и приехать в Россию.

Сегодня портрет Римской-Корсаковой, написанный Францем Ксавьером Винтерхальтером в 1864 г., занимает почётное место в парижском музее Орсе, филиале Лувра. Невероятной кажется судьба и жемчужины Пензенской картинной галереи – портрета Римской-Корсаковой кисти Винтерхальтера 1858 г. Портрет известной московской красавицы, покорившей самого Наполеона III, хранился в Ницце. После Ниццы он оказался в Проказне, а в 1920-е гг. картина попала из усадьбы Араповых в музей.

Оказывается, сын В.Д. Римской-Корсаковой в 1882 г. женился на дочери Арапова Екатерине (дочь Н.Н. Пушкиной от ее второго брака с Ланским в свое время вышла замуж в семью Араповых) и привез в имение жены портрет своей матери. Дочку Николай Николаевич назвал Варей – в честь своей матери. Выходит, что

«татарская Венера», как прозвали Римскую-Корсакову в Париже, и крестный сын Александра II приходятся друг другу сватьями.

Супруги Н.Н. Римский-Корсаков и Е. Арапова имели в Проказне постоянное местожительство. Сюда, в этот барский дом, а именно в гостиную, где проходили балы, Николай и привез портрет своей матери Варвары Дмитриевны.

Все изменилось после революции 1917 г. Барская усадьба вокруг дома была разграблена, все, что осталось, в том числе и портрет, передали в Пензенский государственный краеведческий музей. После 1927 г. портрет Римской-Корсаковой числился в собрании Пензенской картинной галереи им. К.А. Савицкого.

Двум портретам Варвары Дмитриевны, созданным Винтерхальтером, уготовано было встретиться вновь в 1988 г. в Парижском Малом дворце искусств «Petit Palais». Среди представленных портретов 4 привезены из России, 3 из собрания Государственного Эрмитажа и 1 из фондов Пензенской картинной галереи им. К.А. Савицкого. Многие десятилетия спустя два портрета Варвары Дмитриевны Римской-Корсаковой снова встретились во Франции. На выставке они висели визави, друг против друга.Выставка завершилась, и 4 портрета кисти Винтерхальтера вернулись в Россию и заехали в Пензу. В зале итальянского искусства Пензенской картинной галереи им. К.А. Савицкого экспонировались 3 эрмитажных портрета и один из фондов нашего музея, тот самый, блестяще написанный портрет В.Д. Римской-Корсаковой.

Примечания

1. *Полубояров М.С.* http://suslony.ru. Пенза, 2007.

2. *Сергеева М.* Проказники из Проказны // Пензенская правда. Пенза, 6 мая 2008.

3. Очерки истории Пензенской организации КПСС. Пенза, 1973. С. 132.

4. Пензенский край XVII в. 1917 г.: Документы и материалы. Саратов, 1980. С. 304.

5. Материалы из фильма «Прикосновение к тайне» по сценарию Сазонова В. (Музей одной картины им. Г. В. Мясникова). Пенза, 2015.

6. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. М., 1878.

7. *Ермолаев Д.* Интернет-галерея гал. рф. 2009-2016.

8. *Фатыхова А., Шишлов С.* Портрет В.Д. Римской-Корсаковой // Пензенский временник любителей старины. № 2. 1991. С. 1-4.

Н.П. Востокова

ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР РИТУАЛЬНОГО ПОЛОТЕНЦА

Наша коллекция ритуального полотенца состоит из двухсот предметов. Формировалась она представительницами нескольких поколений одной семьи.

Первое полотенце будущей коллекции было изготовлено в 1893 г. в селе Шемышейке (в то время входила в Саратовскую губернию – *Н.В.*) четырнадцатилетней Александрой Зайцевой для своего приданого и было «задействовано» во время её сватовства.

В 1951 г. это заветное полотенце из бабушкиного сундука было подарено автору настоящей публикации как семейная реликвия и в качестве приданого.

Полотенце, как и человек, имеет свой возраст, место рождения, национальность, неповторимый внешний вид и даже свою судьбу. Основная часть предметов коллекции изготовлена на территории Пензенского края, хотя для сравнения имеется по одному смоленскому и архангельскому полотенцу. Все полотенца русские, но для сравнения имеется по одному мордовскому и чувашскому экземпляру, и несколько татарских. По сво-

ей социальной принадлежности все полотенца коллекции крестьянские. Холст для них выткан на самодельных деревенских ткацких станках. Для сравнения имеется одно барское полотенце, изготовленное белошвейками.

Все предметы атрибутированы, т.е. определена их национальная и социальная принадлежность, время изготовления и бытования, функциональное назначение. Каждое полотенце коллекции единственное в своем роде. Если и похожи орнаменты, не похожи размеры, ткань, её отбелка и кружево.

По своему функциональному назначению полотенца делились на: пристены, спичники, божники, зеркальные, маховики, свадебные (рукобитные, залоги, подножники, дарные), крестильные, для детских праздников, солдатские (обереги рекрутам).

Наиболее ранние экспонаты относятся к последней трети XIX – поздние к 70-м гг. XX в.

Научный интерес автора к предметам коллекции обоснован тем, что самодельное крестьянское полотенце как неотъемлемый элемент народных обычаев, обрядов, поверий и праздников, представляет собой интересную и важную разновидность памятников истории и культуры русского народа, обильный и надежный исторический источник познания, духовного содержания отдельного человека и общества в целом.

Осмысление роли обрядового полотенца значимо для сегодняшних дней как способ формирования интереса к традиционной культуре русского народа.

В наиболее значимых обрядах русского народа, таких, как свадебный, родильный, крестильный, похоронный, – полотенцу всегда находилось особое место. Оно «свидетель» отношений между мужчиной и женщиной, матерью и ребенком, старшим и младшим поколениями.

Полотенце как украшение, оберег, подарок было задействовано на всех этапах русской свадьбы. Перекинутое через левое плечо, завязанное узлом на правом бедре, оно спускалось до пола как знак особого свадебного чина. Расшитые ярким орнаментом полотенца украшали сватов, направляющихся в дом родителей невесты.

Отец девушки, которую пришли сватать, выводил её к столу из «закутка», держа не за голую руку, а обёрнутую расшитым полотенцем. При этом и его рука была обёрнута этим же полотенцем. Рукобитье, пожатье рук родственниками жениха и невесты как знак согласия с обеих сторон, делалось не голыми руками, а через платок или полотенце. Рукобитное полотенце также являлось оберегом, защищающим невесту и присутствующих родственников, от нечистой силы, сглазу и порчи.

Во многих сёлах Пензенской области среди многочисленных ритуалов предсвадебного этапа был следующий: так называемый «веник», который подруги невесты несли через всё село накануне свадьбы. Для придания ритуалу большей торжественности и важности снизу веник – букет «подпоясывали» расшитым красными нитками полотенцем. Яркий, праздничный веник был знаком, публичного оповещения односельчан о важном событии: подруги невесты несли жениху её подарок – свадебную рубашку, в которой он на следующий день будет венчаться в церкви. Полотенце в данном ритуале выполняло объединяющую роль символизировало единение мужчины и женщины, а также единение двух ранее чужих семейств.

Полотенцами украшались друзья жениха и главная фигура свадебного поезда – «кучер» как главный распорядитель свадебного поезда. Особым чином в свадебном обряде был дружка, который также украшался расшитым полотенцем.

Во время венчания в церкви молодожёны стояли на расшитом полотенце как на коврике. В народе это полотенце называлось подножником. После венчания родители молодого встречали новобрачных на крыльце дома. Для придания ритуалу торжественности использовались расшитые и украшенные кружевом льняные ритуальные полотенца. Согласно свадебно-

му ритуалу, на расшитом полотенце мать преподносила молодым каравай («хлеб-соль») как пожелание здоровья и счастья. Отец, в знак благословения, также на расшитом полотенце поддерживал снизу благословенную икону. Эти рушники почитались и хранились, как особо ценные, всю жизнь. Потерять их или отдать кому-то считалось плохой приметой. В Пензенской области до сих пор известно множество других вариантов использования полотенец в свадьбе.

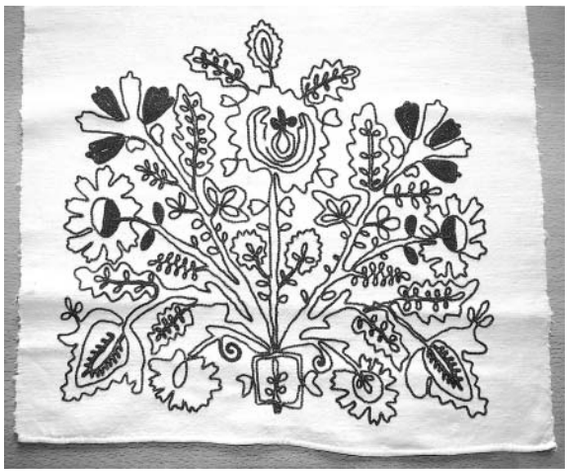
Красивым, ярким орнаментом украшалось полотенце, на которое принимали ребенка из купели во время крещения. Когда ребенок плакал, его умывали от сглазу и вытирали именно этим, крестильным полотенцем. А когда он женился, то «хлеб-соль» молодым родители преподносили на этом полотенце.

Дома, во время крестильного обеда, крестный и крестная должны были некоторое время посидеть накрытыми с головой красивым расшитым и украшенным кружевом полотенцем. Этот ритуал олицетворял установление духовного родства между ребенком и крестными.

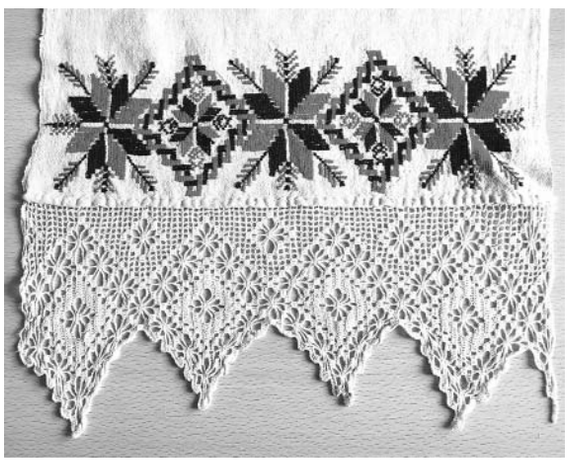
Расшитые полотенца играли большую роль в обрядах эпизодического характера, когда коллективными силами девушек за одни сутки, т.е. за день и ночь (абы день) изготавливались, так называемые «обыденные полотенца», которые сами по себе несли огромную ритуальную нагрузку. Большие коллективы девушек за одни сутки изготавливали «обыденные полотенца», чтобы опоясать ими храм на скорое и удачное замужество.

Расшитые полотенца использовались в русских календарных обрядах и ритуалах. Так, к весенне-летнему циклу праздников относятся праздники, связанные с началом сева. Расшитыми полотенцами поддерживали снизу иконы во время службы на поле с целью освящения семян.

Расшитые полотенца использовались для освящения яиц и куличей во время пасхальной заутрени в церкви. Ими украшались берёзки во время девичьих кумлений на празднике «Похороны кукушки».

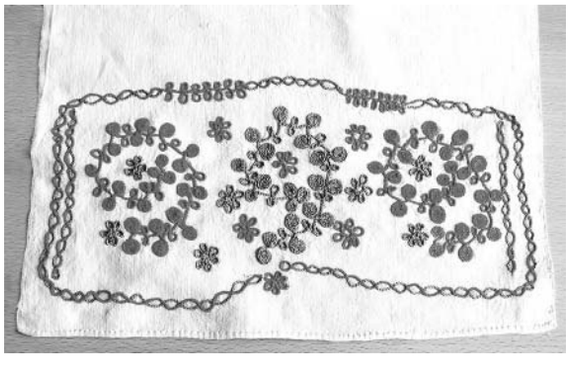


Древо Жизни – символическое дерево, когда на одном стволе изображались разные растения – васильки, цветы мальвы, лист хмеля с усиками, злаки и т. д., чего не могло быть в реальной жизни.



Особое место в орнаментальном символическом «тексте» занимают геометрические фигуры: прямоугольники, треугольники, квадраты, ромбы, ставшие универсальными символами засеянного поля и плодородия в целом. Розетка – правильная геометрическая фигура, круг, разделённый на восемь частей, восемь лопастей, – символ девичества и одновременно плодородия.

Осенний цикл обрядов связан с началом жатвы. Первый день жатвы, как правило, был праздничным. В этот день полотенца расстилали прямо на краю поля для праздничной трапезы. Вышитым полотенцем перевязывали первый сноп, когда



Цепочка – символ вечности. Изображалась, как в природном (цветочном) так и в геометрическом орнаментах.

Зооморфные изображения: птица – символ воскресения природы, плодородия, супружеской верности и счастливой семьи; две птички, изображённые повёрнутыми головами друг к другу — Лада (Богиня Любви) и Леля (Богиня Весны), символы плодородия, свадьбы, супружеской верности, счастливой семьи.

зажинали урожай. Каждая семья ставила такой сноп на верхушку суслона, а после трапезы в поле эти снопы, подпоясанные расшитыми полотенцами, женщины несли в свои избы, чтобы зимой использовать колоски в святочных гаданиях.

Одним из известных осенних праздников был день святого пророка Наума (14 ноября). Этот день почитался как день «наставления на ум» и именно этот день был первым днем обучения мальчика грамоте в богатой крестьянской семье. Обучение завершалось изучением всего одной буквы: «Аз». В благодарность за обучение мать одаривала учителя расшитым полотенцем, символизирующим начало учебы, отец одаривал учителя другими подарками. Мог подарить рубаху, порты и даже кафтан.

Зимой расшитые полотенца использовались в многочисленных святочных гаданиях. Для украшения стен во время зимних посиделок широко использовались расшитые полотенца.

Полотенца использовались и в похоронном обряде. Впереди траурной процессии, так называемые богоносцы, несли икону, украшенную расшитым полотенцем. Снизу икона поддерживалась не голыми руками, а через это похоронное полотенце. На особых полотенцах, более прочных и длинных чем праздничные, несли гроб на кладбище, на полотенцах его отпускали в могилу. Орнамент похоронных полотенец расшивался нитками черного цвета.

На Радоницу, день поминовения «родителей», т.е. всех умерших родственников, на их могилах полотенца расстилали вместо скатерти и на них свершали поминальную трапезу, затем их забирали домой до следующего раза.

В похоронной обрядности полотенце является символом перехода в другой мир. В поминальных обрядах оно выполняло функцию связи с умершим.

Таковы лишь некоторые обычаи, обряды и ритуалы, связанные с использованием ритуальных полотенец в традиционной культуре русского народа. И все же они дают представление о культурных потребностях русского народа: семейно-брачных отношениях, досуге и других ценностных ориентациях.

Важным элементом любого произведения декоративно-прикладного искусства является орнамент.

Наша коллекция ритуального полотенца содержит многогранную информацию о символике вышитых на полотенцах орнаментов. Так, к основным сюжетам вышивки орнаментов относятся следующие: древо жизни – символическое дерево, когда на одном стволе изображались разные растения – васильки, цветы

Изображение розы – это цветы известного и любимого всеми шиповника.

Пословицы и поговорки.

мальвы, лист хмеля с усиками, злаки и т. д., чего не могло быть в реальной жизни; геометрические фигуры: прямоугольники, треугольники, квадраты, ромбы, ставшие универсальными символами засеянного поля и плодородия в целом; розетка – правильная геометрическая фигура, круг, разделённый на восемь частей, восемь лопастей, – символ девичества и одновременно плодородия; цепочка – символ вечности, изображалась, как в природном (цветочном) так и в геометрическом орнаментах; зооморфные изображения: птица – символ воскресения природы, плодородия, супружеской верности и счастливой семьи: две птички, изображённые повёрнутыми головами друг к другу Лада (Богиня Любви) и Леля (Богиня Весны) – символы плодородия, свадьбы, супружеской верности, счастливой семьи; изображение розы; пословицы и поговорки.

Эта символика позволяет сделать выводы об общечеловеческих истоках русской культуры: все названные символы имели животворящее начало оберегали, предохраняли людей от стихий мироздания, нечистой силы.

Наша коллекция позволяет прикоснуться к истокам традиционной культуры русского народа.

*В. И. Первушкин**

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕНЗЕНСКОГО ДВОРЯНСКОГО ДЕПУТАТСКОГО СОБРАНИЯ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ МЕЛКОПОМЕСТНЫМ ДВОРЯНАМ В НЕУРОЖАЙНЫЕ 1891-1892 гг.

По российским меркам конца XIX столетия Пензенская губерния была относительно небольшой её площадь составляла 34129,1 кв. версту[1] (38841,038 кв. км – *В.П.*). Она граничила на западе – с Тамбовской, на юге – с Саратовской, на востоке – с Симбирской, на севере – с Нижегородской губернией. Губерния относилась к числу тех, в которых и после освобождения крестьян господствовало помещичье землевладение. К 1877 г. здесь из 3323 тыс. дес. земельной площади 1288 тыс. составляли земли частных владельцев, 1795 тыс. дес. – надельные земли крестьян, 241 тыс. государственная собственность[2].

Почти вся частновладельческая земля была личной собственностью 4726 владельцев. Причем 84% пашни принадлежало дворянам. Самой многочисленной группой, составлявшей почти половину всех владельцев, были крестьяне. Но на их долю приходилось менее 5% частновладельческой земли – 59 тыс. дес.[3].

Пензенское дворянское депутатское собрание (ПДДС), как, впрочем, и собрания других губерний, было создано по «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного дворянства», подписанной Екатериной II 21 апреля 1785 г. Одной из важнейших привилегий дворянству являлось право образовывать губернские общества. Записанные в губернскую родословную книгу дворяне могли собираться (по предложению либо с разрешения местного начальства) с целью проведения выборов на должности внутри сословного и государственного управления, а также для обсуждения вопросов, вынесенных коронной администрацией на рассмотрение благородной публики.

Дворянские съезды должны были проходить раз в три года. Присутствовать на общих собраниях могли все совершеннолетние дворяне, записанные в родословную книгу губернии. Правом голоса обладали те из них, кто владел поместьем и был старше 25 лет, правом избираться на должности – получавшие со своих деревень не менее 100 руб. ежегодного дохода[4].

Решающую роль в деятельности ПДДС играл губернский Предводитель дворянства. В 1890-х гг. Предводителем дворянства Пензенской губернии был Дмитрий Ксенофонтович Гевлич (1837–1913), опытный администратор, служивший в канцелярии Московского военного генерал-губернатора, в Пензе избиравшийся почетным мировым судьей, почетным попечителем реального училища, предводителем дворянства Пензенского уезда (1875–1878). В 1888–1913 гг. Д.К. Гевлич являлся бессменным Предводителем дворян Пензенской губернии и одновременно Председателем

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 15-01-00026 «Кризис аграрного социума в имперской России: голод 1891–1892 гг. в Центрально-Черноземном регионе».

губернского Земского собрания[5], как этого требовало «Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 года»[6].

В фондах Государственного архива Пензенской области сохранилась переписка Д.К. Гевлича с различными инстанциями и должностными лицами по поводу ликвидации последствий неурожая 1891–1892 гг. В данной статье мы рассмотрим лишь часть его переписки, касающейся оказания помощи мелкопоместным дворянам ПДДС. Логичным будет начать анализ этой переписки с объявления Предводителя пензенского дворянства, помещенного в газете «Пензенские губернские ведомости» 2 августа 1891 г.: «Пензенский губернский Предводитель дворянства имеет честь покорнейше просить гг. дворян Пензенской губернии, имеющих право на участие в постановлениях дворянства, пожаловать в Чрезвычайное губернское дворянское собрание, которое имеет быть в г. Пензе 3-го августа сего года, с 12 часов дня, в доме дворянства. Обсуждению собрания будут предложены вопросы: 1) о ходатайстве пред Правительством, по случаю неурожая хлебов во многих местностях Пензенской губернии, о льготах по срочным платежам заемщиков земельных банков и 2) о необходимости и способах вспомоществования наиболее недостаточным дворянам-земледельцам, которые нуждаются в средствах как для обсеменения полей, так и для продовольствия до нового урожая»[7]. Само назначение собрания в период страдной поры говорило о неотложности мер и решения этого собрания не терпели отсрочки. Причем оба вопроса касались оказания помощи дворянам. На Чрезвычайном собрании Дмитрий Ксенофонтович выступил с большой речью, в которой отметил: «В нынешнее лето многие местности Пензенской губернии, которые пострадали уже в прошлом году от неурожая хлебов, подверглись вновь гибельным последствиям давно небывалой засухи. При полном отсутствии дождей озимые хлеба, едва взошедшие уже поздней осенью, погибли окончательно от жаров весною и не возвратили сельским хозяевам даже семян. Яровые посевы дали в некоторых местностях также урожай самый скудный. Если же в иных полосах губернии, именно в северной её половине и отчасти в уездах западных, урожай ярового и обещает быть более или менее удовлетворительным, то доход от него, с трудом разве, и то не везде, покроет издержки по ведению хозяйства, не говоря уже об уплате казенных и общественных повинностей, лежащих на земельной собственности. Указанные издержки по эксплуатации хозяйства должны в настоящее время значительно увеличиться, как от дороговизны содержания служащих в имении и рабочих, так и от полного недостатка в корме для скота… При таком печальном экономическом положении нашего края дворяне-землевладельцы, имения которых обременены сколько-нибудь значительным ипотечным кредитом, лишились теперь всякой возможности вносить в Земельные банки предстоящие срочные платежи впредь до урожая будущего года… На основании всех вышеприведенных соображений, я, согласно с выраженным мне желанием некоторых гг. уездных Предводителей и дворян, признал нужным созвать настоящее Чрезвычайное губернское собрание дворянства для обсуждения вопроса о том, не представляется ли необходимым возбудить ныне ходатайство пред правительством о предоставлении временных льгот во взносе срочных платежей по ссудам заемщикам, как Дворянского банка, так и бывшего Общества взаимного поземельного кредита, в видах ограждения их от утраты состояния чрез обременение его вынужденными, непомерно тяжелыми, частными займами, или чрез допущение продажи его банкам за недоимку» [8]. Как мы видим, рисуя бедственное положение губернии, Д.К. Гевлич предлагал обратиться к правительству с ходатайством о предоставлении временных льгот дворянам по взносам платежей и ссудам заемщиков в Дворянском банке и Обществе

взаимного поземельного кредита. Причем его предложение было единодушно поддержано участниками собрания, о чём говорит Постановление ПДДС: «… ходатайствовать пред Правительством установленным порядком: 1) о том, чтобы в виде временной меры, вызываемой исключительно бедственным положением Пензенской губернии, по ходатайству дворян, заемщиков, два полугодичные платежа по залогу их имений, как в Государственном дворянском земельном банке, так и в бывшем Обществе взаимного поземельного кредита, в первом на сроки 1-го мая и 1-го ноября 1891 г., а во втором на сроки 1-го июля 1891г. и 1-го января 1892 г., были отсрочены с присоединением к капитальной сумме долга до истечения срока ссуды, для тех заемщиков, задолженность имений которых не превышает высшего размера ссуд, или же, по желанию владельцев, рассрочены на пять лет с тем, чтобы уплата отсроченной суммы производилась равными взносами в каждое полугодие, начиная с 1-го ноября 1892 г., т.е. с полной уборки нового урожая и кончая сроком 1-го мая 1897 г.; 2) чтобы в случае совершенной невозможности удовлетворить вышеизложенное ходатайство, была означенным заемщикам предоставлена, по крайней мере, сказанная рассрочка двух полугодовых взносов на пять лет; 3) чтобы льгота эта была распространена на всех заемщиков, в имениях коих, по удостоверении местного отделения Государственного дворянского земельного банка, сбор озимых хлебов не превышает двух с половиной четвертей с десятины, при удовлетворительном урожае яровых хлебов, и трех четвертей при урожае ярового ниже среднего; 4) чтобы прав на такую льготу не лишались и те владельцы, в имениях коих пахотная земля отдается в краткосрочное арендное содержание; 5) чтобы для права пользования вышеуказанными льготами установлены были особые более отдаленные сроки подачи о них заявлений, помимо определенными действующими ныне правилами; 6) чтобы при даровании испрашиваемой льготы, заемщики были освобождены, как от уплаты пени на отсрочиваемые недоимки, так и от взимания шести годовых процентов, положенных уставом банка с отсроченных взносов»[9]. На наш взгляд, это решение ПДДС было весьма разумным и продуманным, т.к. неизбежно нарастающая банковская задолженность дворян-землевладельцев в условиях неурожая привела бы к полному разорению их имений, что отрицательно сказалось бы и на экономике Пензенской губернии в целом.

Однако этих мер, по мнению ПДДС, было недостаточно. Поэтому Дмитрий Ксенофонтович обращается к правительству с ходатайством о выдаче продовольственных и денежных субсидий (ссуд) дворянам. Он понимал, что это сделать будет трудно, т.к. согласно высочайшего повеления императора и мнения Государственного совета от 26 апреля 1866 г. субсидии полагались крестьянам, мещанам и другим городским обывателям, а также поселенным в некоторых частных имениях крестьянам. Императорское повеление обязывало иметь в каждой губернии продовольственные запасы (зерно – *В.П.*) на случай неурожая, а вот губернские продовольственные капиталы (деньги – *В.П.*) создавались в зависимости от возможности губернии – в Пензенской губернии их не было. В данном случае обращаться было необходимо в *общий продовольственный капитал по империи*, а для этого необходимо было обоснование. Этим обоснованием могло служить обращение ПДДС к правительству. Воспользовавшись новым «Положением о земских учреждениях 12 июня 1890 года»[10], где губернским земским собраниям предоставлялось право издавать обязательные постановления касательно хранения и расходования хлебных общественных запасов и заменяющих их общественных продовольственных капиталов, превращения хлебных запасов в денежные, но не указывалось каким именно категориям населения губернии должны представляться ссуды. Он выступил с новым обращением: «Ныне

некоторые дворяне-землевладельцы Пензенской губернии, уездов Краснослободского, Саранского и Городищенского, нуждающиеся вследствие полного неурожая хлебов в средствах для обсеменения полей и для продовольствия, обращались неоднократно ко мне и в Губернскую земскую управу о вспомоществовании им на удовлетворение сказанной потребности выдачею ссуд из средств, назначенных на обеспечение продовольственных нужд губернии. Но земские учреждения, не имея в виду точных указаний в законе и в постановлениях Губернского земского собрания относительно порядка выдачи сказанных ссуд отдельным лицам, без кругового ручательства общества за исправность их возврата, отклоняли все таковые ходатайства недостаточных собственников дворянского сословия. Между тем такие собственники, подвергавшиеся в иных местностях неурожаю хлебов в продолжении уже нескольких лет сряду, поставлены в совершенно безвыходное положение, как относительно продолжения хозяйства на своей земле, к которому многие из них прилагают собственный труд на равнее с другими земледельцами, так и относительно дальнейшего содержания их семейств, обеспечиваемого исключительно произведениями сельскохозяйственной промышленности. Некоторые из таких мелкопоместных дворян, составляющих иногда целые отдельные селения, по занятию своему, интересам и экономическому быту весьма мало отличаются от прочих сельских обывателей. В тоже время они являются вполне беспомощными в бедственный год неурожая, когда попечение земства и оказываемая в широких размерах помощь правительства устраняют нужду в продовольственных средствах для окрестных крестьян всех наименований и даже однодворцев, именуемых в обществе «дворянчиками». Такое исключительно обездоленное положение земельных собственников, принадлежащих к дворянскому сословию, представляется тем менее не справедливым… В настоящее время означенные мелкие собственники состоят такими же плательщиками земских и казенных сборов, взимаемых с земли, как и члены крестьянских обществ. Даже поступление от них недоимок более обеспечено, вследствие того, что они не пользуются теми льготами, которые при взыскании повинностей ограждает от разорения крестьянское хозяйство. Хозяину-землевладельцу, лишенному возможности обсеменить свое поле, по неимению зерна и по недоступности приобретения его покупкой при чрезвычайном его вздорожании, угрожает неминуемое расстройство хозяйства на многие годы и даже может быть полное разорение. Ему предстоит, или сдать свою пахотную землю в наём по низкой цене и искать себе занятия вдали от постоянной оседлости, или же обременять и без того скудное достояние неоплатным долгом для содержания своей семьи. С другой стороны, своевременная помощь нуждающимся дворянам землевладельцам, оказанная правительством при посредстве местного земства, в высшей степени для них благодетельная, потребует самого лишь незначительного увеличения расходов на обеспечение продовольственных нужд губернии, так как общее число таких собственников в нашей губернии весьма не велико.

В виду вышеизложенного считаю долгом предложить на обсуждение благородного Губернского собрания дворянства, не признает ли оно полезным и необходимым ходатайствовать в установленном порядке пред Высшим Правительством о распространении на тех владельцев из мелкопоместных дворян, (выдачи ссуд) недостаточность коих удостоверена уездными Предводителями дворянства, выдачи ссуд на обсеменение полей и на продовольствие из продовольственных капиталов, как Губернского так и назначаемого на выполнение его в чрезвычайных случаях общего по Империи, на тех же основаниях, на каких пользуется теми ссудами крестьянское население и с тем при том, чтобы в случае невозможности взыскания недоимок по этим ссудам с имущества

лиц их получивших полное возмещение не уплаченных ссуд обеспечивалось бы пред местным земством, ныне же принимаемых на себя ручательством Дворянского общества всей губернии»[11].

Судя по переписке, это заявление Д.К. Гевлича требовало лишь формального одобрения дворянского сообщества Пензенской губернии. На практике данная работа началась ещё до 3 августа, т.е. до Чрезвычайного собрания пензенского дворянства. Так, в отчете за 1891 г. Предводитель губернского дворянства отмечал: «В конце июля 1891 г. г-н Краснослободский Предводитель уведомил меня, что вследствие полного неурожая хлебов мелкопоместные дворяне, из татарских фамилий, населяющие несколько деревень Краснослободского уезда и лично занимающиеся земледелием, не имеют средств к обсеменению полей, но получили отказ в выдаче им ссуд на сказанный предмет из общего по Империи продовольственного капитала. Когда Дворянское депутатское собрание предоставило в распоряжение Краснослободского Предводителя для заимообразной раздачи семян все свободные в то время от сметных назначений денежные средства из дворянских сумм, в количестве 1188 руб., я признал возможным присоединить к ним также и оставшиеся в моем распоряжении 212 руб. из капитала, собранного в 1869 г., на предмет покупки семенной ржи для безвозвратной раздачи наиболее недостаточным дворянам земледельцам. Остальные за тем 6 руб. 80 коп. употреблены на пересылку денег по почте»[12]. Из этого же отчета мы узнаем, что дворянам оказывалась финансовая помощь и из частных пожертвований: «Неурожай хлебов в минувшем 1891 г. вызвал поступление новых пожертвований со стороны частных лиц для оказания безвозвратных вспомоществований нуждающимся в средствах к продовольствию. Часть таких средств, по воле жертвователей, была ими передана в мое распоряжение. Так, в ноябре лишь прошлого года дворянин Смоленской губернии Поречского уезда Е.В. Милитинский собрал между своими соседями 100 пуд. ржи и просил меня распорядиться раздачею её между наиболее недостаточными дворянами Пензенской губернии. Означенное пожертвование было мною направлено к г-ну Краснослободскому Предводителю дворянства с просьбою распределить его между мелкопоместными дворянами предводимого им уезда. Предводитель распределил эту рожь между 22-мя дворянскими семьями из рода Кугушевых, Мамеевых и Еникеевых, проживающими в дд. Тарханах и Черном Студенце»[13].

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что переписка Предводителя пензенского дворянства Д.К. Гевлича характеризует меры борьбы с неурожаем 1890-х гг. в виде банковских льгот, государственных субсидий и частных пожертвований. В данной статье мы затронули лишь один аспект этой переписки – оказание помощи мелкопоместному дворянству – который был основным в деятельности ПДДС, что вполне объяснимо. Корпоративная организация дворян заботилась, прежде всего, о льготах своему сословию, а затем остальному населению губернии. О мерах и результатах деятельности ПДДС по отношению к крестьянству и мещанству мы планируем рассказать в следующих наших статьях.

Примечания

1. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Пензенская губерния // Энциклопедический словарь. Электронная версия.

2. Статистика землевладения 1905 года. СПб., 1907. Вып. XXII. С. 11-13.

3. Там же. С. 12-13.

4. *Першин С.В.* Сословные учреждения в России в первой половине XIX века (по материалам дворянских и городских обществ средневолжских губерний). Саранск, 2010. С. 25.

5. *Годин В.С., Савин О.М.* Гевлич Дмитрий Ксенофонтович // Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 109.

6. Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 года. Ст. 53. // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). СПб, 1864. Собрание первое. Т. 39. Отд. I. № 40457. С. 1-10.

7. Пензенские губернские ведомости. 1891. № 165. 2 августа.

8. ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 2228. Лл. 12-13.

9. Там же. Лл. 14-14 об.

10. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 года // ПСЗ. СПб, 1893. Собрание третье. Т. 10. Отд. I. № 6927. С. 493-511.

11. ГАПО. Ф. 196.Оп. 1.Д. 2228. Лл. 18 об-20.

12. Там же. Д. 2252. Лл. 119-119 об.

13. Там же. Лл. 122-122 об.

Т.Ю. Новинская

ПЕНЗЕНСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: ГОЛОД

Послевоенные годы были тяжелыми для всей нашей страны. Победив в страшной войне против фашизма, длившейся почти четыре года, советский народ столкнулся с новым испытанием. Засуха 1946–1947 гг., за которой последовали неурожай и голод, охвативший всю страну. Голодали Смоленская, Воронежская, Курская, Тамбовская, Ульяновская области. Среди регионов, нуждающихся в продуктах первой необходимости, особенно хлеба, была и Пензенская область.

По этой причине после окончания войны по всей стране сохранялся введенный в годы войны принцип нормированного распределения продуктов питания и промышленных товаров. Реализовать задачи, сформулированные Верховным Советом СССР в «Законе о пятилетнем плане восстановления развития народного хозяйства в СССР на 1946–1950 гг.», т.е.: «Осуществить переход на протяжении 1946–1947 гг. от нормированного снабжения населения по карточкам к развернутой советской торговле. Карточки на хлеб, муку, крупу и макаронные изделия отменить с осени 1946 года», в указанные сроки не удалось. Наоборот, началось сокращение фонда пайкового снабжения. Причиной явилась острая нехватка выделяемых лимитов. Если в сентябре 1946 г. общий фонд хлеба по пайковому снабжению на область составлял 5 260 т., в том числе по селу 1 996 т., то в октябре он сократился до 3 313 и 392 т. соответственно.

В связи с постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 27 сентября 1946 г. «Об экономии и расходовании хлеба» сокращение пайкового фонда происходило ежемесячно. Сокращение достигалось за счет уменьшения нормы пайка, а также за счет сокращения категории лиц, которые их получали. В первую очередь под сокращение пайкового контингента попадало крестьянское население. Также эти меры коснулись самых незащищенных людей – инвалидов, иждивенцев и одиноких матерей. Само постановление не было опубликовано, а предназначалось для служебного пользования.

Таким образом, выдача карточек в декабре месяце 1946 г. против сентября сократилась по городам и рабочим поселкам на 51 763 т., по селу на 321 927, а всего на 373 690 т.[1].

Особенно тяжелая ситуация с продуктами питания была на селе, что никак не вяжется с нормальным состоянием вещей: ведь у крестьянина есть натуральное хозяйство. Но послевоенная деревня – это жизнь впроголодь, работа в колхозе за неоплаченные палочки в учетном листе трудодней и скудный огород, обложенный продналогом.

Удаленность от города, отсутствие средств на оплату трудодней в колхозах, административные меры, направленные на ограничение контингента, подлежащего снабжению хлебом, – все это усугубляло ситуацию. Весь трагизм сложившихся

обстоятельств зимой 1946–1947 гг. и особенно наступившей весной можно увидеть в докладных записках председателей сельских советов и колхозов в партийные органы. Их содержание сводилось к одному: запасы, подлежащие раздачи на трудодни, закончились, росло число заболевших алиментарной дистрофией, коек-мест в медицинских пунктах не хватало для их госпитализации, нет медикаментов, просьба разрешить использовать часть посевного запаса, спецзапас, помочь продуктами питания.

Приведем несколько примеров. В Салтыковском районе «проверкой установлено, что на 4 марта в районе имеется дистрофиков 168 чел. В Бековском районе «произведенным обследованием на местах выявлено 305 чел., страдающих алиментарной дистрофией, из них 70–80 чел. требуют немедленной госпитализации»[2]. В Кондольском районе: «…более 150 чел. больных дистрофией. Район никакими фондами не располагает. Прошу выделить необходимое количество продуктов, а также разрешить использовать 10–15 т. картофеля, имеющегося в райпотребсоюзе, тем более район план заготовки картофеля перевыполнил на 70 т.»[3].

На 23 апреля 1947 г. было зарегистрировано по Федерации 372 361 чел. больных алиментарной дистрофией, на 25 мая их количество возросло до 507 784 чел.[4]. Но учесть всех было невозможно.

Надо пояснить, что алиментарная дистрофия – заболевание, обусловленное длительным голоданием или недостаточным по калорийности и бедным белками питанием, не соответствующим энергетическим затратам организма. Развитию алиментарной дистрофии способствуют холод, большая физическая нагрузка и эмоциональное перенапряжение. Голод, как причина повышенной смертности, официально не был признан руководящими органами. В самих отчетах райздравотделов и Облздравотдела сведений о наличии дистрофии не содержится, что объясняется запрещением с 1943 г. вносить данные сведения в общие отчеты.

До настоящего времени не известна точная цифра умерших от дистрофии. Но о влиянии голода на общее демографическое развитие населения позволяют судить следующие данные. Например, среди самых распространенных причин детской смертности на третьем месте по показателям после воспаления легких и желудочно-кишечных заболеваний стоит врожденная слабость.

Упоминание алиментарной дистрофии есть только в документах для служебного пользования, которые были засекречены или уничтожены. Но даже по тем, чудом сохранившимся по чьей-то беспечности в архивах, материалам можно представить насколько тяжелыми были послевоенные годы.

У детей очень часто это заболевание проявлялось в нарушении пропорций частей тела: большой живот и тоненькие ножки. Чтобы спасти жизнь своим детям, родители шли на то, что подкидывали их или открыто отказывались от них. Приходили работники сельсоветов или районо на работу, а на крылечке ребенок. В отчетной документации с мест писали: «В связи с материальными затруднениями в (*Бековском*) районе участились случаи, когда родители приводят детей в сельсоветы, в районо, в райисполком с требованием взять детей в детдом. Имеются случаи, когда родители скрываются неизвестно куда»[5].

Низкая урожайность и низкая продуктивность животноводства в свою очередь привели к резкому снижению стоимости трудодня. Основная масса колхозников получала менее 150 гр. зерна на трудодень, тогда как в 1940 г. свыше половины колхозников получали по два килограмма хлеба.

В письмах из родных мест родственникам-военнослужащим можно было прочитать следующие слова: «Народ живет плохо, разъезжается кто куда. Хлеба не дают, а на рынке все очень дорого» [6]. Жители многих районов, например Кондольского, Иссинского, стремились перебраться в другие области более «хлебородные».

В пищу, как и прежде, употреблялись желуди, клейкая смола кустарников, лебеда, молодые веточки и листья липы. А вот потребление коневника уменьшилось, что было связано не с его заменой на что-то другое, а с засухой. Основной пищей был хлеб из картошки, картошка с молоком, щи из осоки или картофельной ботвы. Соли не было, сахар – деликатес. Других продуктов не видели. Настоящий хлеб можно было в Пензе или других районных городах на рынке выменять на дрова, сено. Но добраться в город могли только из близлежащих деревень.

Семьи, как правило, были большими. Трапезы были общими. Посредине стола ставили большую алюминиевую или чугунную миску. Туда наливали квас, клали картошку, лук, огурцы, редис, крошилось 2–3 яйца, если они были. В миске могла быть просто горячая вода, забеленная молоком с несколькими размятыми картофелинами. У каждого была своя деревянная ложка.

Крестьяне в колхозах воровали картошку, зерно, т.е. брали после работы в карман сколько поместиться. Особенно дети. Взрослому этого простить не могли, а вот детям прощали, но из карманов вытряхивали. Было опасно, однако голод был сильнее страха.

Голодали не только люди, скотину кормить тоже было нечем. Везде была колхозная земля, и косить без разрешения нигде не разрешалось. Под покос редко выделяли луга. Солому давали за работу в колхозе. За каждый вид работы была установлена норма натуроплаты. Например, на десять человек давали пятую часть соломы от той, что убрали в стога. Соломой крыли крыши у сараев и двора, чтобы скот зимой не замерз, а к весне эту солому скармливали животным. К скотине относились очень бережно. В холод держали в избе. Однако к весне животные так ослабевали, что на первую травку коров выводили с впалыми боками, еле стоящими на ногах.

Несмотря на бедственное положение людей, снятие со снабжения 70 % (по стране) сельского контингента и сокращения лимитов для иждивенцев и детей, экспорт зерна за границу не только не снизился, а наоборот возрос в 1947 г. Улучшения со сбором урожая наступили в 1948 г., но в этом же году государство увеличило размеры обязательных заготовок. Выполнив план по государственным поставкам, уплатив МТС (машино-тракторные станции) многие колхозы вновь оставались без средств, а колхозники без зарплаты на трудодни.

Ощутимые различия в подходе к вопросу о распределении хлебного и других фондов между городом и деревней не могли не сказаться на настроении крестьян. Среди сельских жителей зрело недовольство: «Все городу, а нам что есть?» Правительство, не желая того, настраивало одну часть населения страны против другой. Эта ситуация напоминала, или в какой-то степени повторяла, ситуацию, сложившуюся в период «военного коммунизма».

Сегодня кто-то объясняет голод послевоенных лет результатом холодной войны, кто-то называет это «методом Сталина-Молотова» по изъятию средств из деревни, третьи списывают все на засуху. Достоверно то, что послевоенный голод, охвативший не отдельные, а многие области страны, в том числе и Пензенскую, – это исторический факт.

Примечания

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. П-148. Оп. 1. Д. 1852. Л. 2 об.

2. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 1687. Л. 3.

3. ГАПО. Ф. П-148. Оп.1. Д.1610. Л. 2.

4. *Попов В.П.* Голод 1946-го: причины трагедии // Степные просторы. 1992. №12. С. 44.

5. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 1687. Л. 21об.

6. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 1701. Л.3.

А.В. Урманов

АМУРСКИЙ САША ЧЁРНЫЙ («ШПИЛЬКИ», ИЛИ ОБ ОДНОЙ СЧИТАВШЕЙСЯ УТРАЧЕННОЙ КНИГЕ ФЁДОРА ЧУДАКОВА)

Сатирик, поэт, сотрудник ряда благовещенских газет и журналов, печатавшийся под псевдонимом Амурец, Босяк, Гусляр, Язва – это всё о Фёдоре Ивановиче Чудакове, уроженце г. Чембар Пензенской губернии. Имя его нам неизвестно, нет упоминаний о нём ни в Пензенской, ни в Чембарской энциклопедиях, ни в других краеведческих изданиях о революционных событиях 1905–1907 гг. в Пензенском крае, за участие в которых в 1906–1907 гг. (партия социалистов-революционеров), Ф.И. Чудаков был выслан в Енисейскую губернию.

Фёдор Иванович Чудаков родился приблизительно в 1887 г. (более точная дата рождения, к сожалению, не установлена) в г. Чембаре (ныне г. Белинский) Пензенской губернии в семье сапожника. Учился в Чембарском городском трёхклассном училище, окончив его в 1903 г. Сведений о том, что Чудаков окончил какое-либо иное учебное заведение, нет.

Между тем творческое наследие писателя свидетельствует, что он имел обширные познания в разных сферах жизни и культуры, был весьма начитанным человеком, обладал развитым эстетическим вкусом, прекрасно владел языком. В 1906 г. за участие в революционной деятельности, а именно за связь с партией социалистов-революционеров (обратим внимание на этот факт, т.к. он найдёт продолжение) Чудаков был арестован, но вскоре освобождён.

Второй раз его арестовали в 1907 г. за распространение эсеровских революционных прокламаций. На этот раз царская Фемида оказалась не столь милостивой: Ф.И. Чудакова приговорили к трём годам ссылки, которую ему пришлось отбывать в одном из сёл далёкой от родных мест Енисейской губернии. Однако через год Чудаков бежал в Красноярск, где сблизился с ещё одним беглым политическим ссыльным – Д. Чернышёвым, а также с его гражданской женой В.И. Протопоповой, приехавшей в Сибирь из Вятской губернии для того, чтобы ухаживать за любимым человеком, заболевшим чахоткой.

Скрываясь от розыска, в сентябре 1908 г. втроём они отправились в Приамурье, в далёкий и потому, видимо, казавшийся спасительным Благовещенск, куда молодые люди добрались в начале октября. Поселились тоже вместе, на одной квартире, в доме по Амурской улице.

Ф.И. Чудаков, живший в городе по подложному паспорту, выданному на имя крестьянина Енисейской губернии К.И. Резниченко, начал сотрудничать в газетах «Амурский край» и «Торгово-промышленный листок объявлений», опубликовав там несколько стихотворений, рассказов и очерков за подписью «К. Рез.» и «К. Резниченко». В.И. Протопопова, которая на родине была учительницей женской гим-

назии, стала зарабатывать на жизнь частными уроками. А вот Д. Чернышёв вскоре после приезда в Благовещенск покончил жизнь самоубийством, потеряв надежду на излечение и не желая быть обузой для близких людей. В.И. Протопопова вскоре стала женой Ф.И. Чудакова[1].

В конце декабря полиция вышла на след беглеца, и 2 января 1909 г. он был арестован и препровождён в Благовещенскую тюрьму. После отбытия наказания за побег с места ссылки (сравнительно короткого – в 1909 г. и более продолжительного – в 1910 г.) Чудаков жил в Благовещенске под гласным надзором полиции. Подвергался он арестам и позже – по одним данным, как ссыльнопоселенец, по другим, более правдоподобным – за публикацию подрывающих устои государства произведений.

Что касается В. Протопоповой, то история взаимоотношений с Д. Чернышёвым и Ф.И. Чудаковым, история, которая привела её, девушку из небольшого вятского городка Малмыж, вначале в Сибирь, а затем на Дальний Восток, в Благовещенск, нашла отражение и в сборнике «Шпильки» – в венчающем книгу стихотворении «Светлана».

Но вернёмся к автору найденной книги. После отбытия кратковременного тюремного заключения в начале 1909 г. он продолжил активное сотрудничество с рядом местных периодических изданий, на страницах которых и были опубликованы некоторые из его сатирических стихотворений, собранных в том же году под обложкой сборника «Шпильки».

Сборник включает 17 стихотворных произведений Ф.И. Чудакова. Почти все они (за исключением разве что упоминавшегося выше стихотворения «Светлана») имеют ярко выраженный сатирический характер. Собственно, на это указывает уже псевдоним, под которым автор выпустил книгу – Язва, а также название сборника. Шпилька (по В.И. Далю) – в одном из прямых значений «спица, остроконечный прут», «род острого гвоздочка»[2]; в переносном – «намёк, либо наветка, обиняк, укор, попрёк, колкое словцо». Современный словарь даёт следующее толкование: «Колкое, язвительное замечание, колкость»[3].

Ф.И. Чудаков подобрал на редкость удачное название для своей книжки. Действительно, колкость, язвительность – отличительные черты стиля «Шпилек». Судя по всему, стихотворный фельетон – самый любимый жанр Ф.И. Чудакова; жанр, наиболее органичный для него. Он был прирождённым фельетонистом. Его талант расцветал в те годы, когда в России появилась целая плеяда блестящих сатириков – А. Аверченко, Н. Тэффи, Саша Чёрный, когда издаваемый в Петербурге еженедельный сатирический журнал «Сатирикон» (1908–1914 гг.) стал одним из самых популярных в стране периодических изданий.

Сложись судьба Ф.И. Чудакова иначе: окажись он в столице, в среде профессиональных литераторов и критиков, в творческой атмосфере «Сатирикона», художественный талант его получил бы необходимую огранку, и мы бы сейчас говорили о нём как о художественном явлении не регионального, а национального масштаба. Впрочем, значимость и уровень созданного Чудаковым гораздо выше, чем это принято считать. Лучшие из его сатирических стихов вряд ли уступают большей части произведений, печатавшихся в том же «Сатириконе». Не следует забывать и о том, что фельетоны, вошедшие в сборник «Шпильки», – лишь первые пробы пера Чудакова-сатирика, что в полную силу художественный талант этого автора раскроется несколькими годами позже.

1909 г. – это разгар реакции, наступивший после поражения первой русской революции. Это было время, когда власть видела в независимой печати источник опасного вольномыслия, от которого один шаг до революционной крамолы, а потому применяла целый комплекс мер давления на свободное слово: драконовскую цензуру, экономическое удушение независимых печатных органов, административное воздействие, судебное пресле-

Обложка отдельного издания пьесы Ф.И. Чудакова «Изгнанники». Из фондов Амурского областного краеведческого музея (http://museumamur.org)

дование редакторов и авторов. Впрочем, журналистов, писателей, готовых рисковать своим положением и своим благополучием ради сохранения верности идеалам свободы, оставалось к тому времени не так уж много. Особенно это касается отдалённой провинции, где административное давление на прессу было более грубым, а вмешательство в её дела – более бесцеремонным, чем в столице или крупных городах европейской России.

Реакция затронула все стороны российской действительности, жестоко ударив по демократическим иллюзиям, смертельно напугав большую часть либеральной интеллигенции. Общественную атмосферу того времени определяли растерянность и отчаяние, вызванные потерей веры в возможность демократического обновления общества. Завинчивание идеологических гаек, судебные и административные преследования, жёсткий цензурный намордник, давление официоза были столь сильны, что немало представителей интеллигенции отрекались от прежних идеалов и убеждений. Но гораздо больше было тех, кто занял выжидательную позицию, кто не решался высказывать свои политические взгляды, а тем более действовать в соответствии с ними. Реакция автора «Шпилек» на эту общественную ситуацию, на нежелание российской интеллигенции открыто заявлять свою гражданскую позицию – «Сказание об Исаакии витязе». В этом сатирическом стихотворении Ф.И. Чудаков аллегорическим сюжетом отвечает на приведённый в эпиграфе вопрос из газетной передовицы: «Итак, за кем же пойдёт русская интеллигенция?» Интеллигенцию в произведении представляет витязь, оказавшийся на политическом распутье:

...«Коль скоро налево
пойдёшь, молодец,
По самой кремнистой дороге,
Обрящешь колючий терновый венец
И звонкие кольца на ноги.
Трудна та дорога и муки полна,
Найдёшь на ней радости мало,
И только на кончике самом видна
Златая заря идеала.
А если средней дорогой пойдёшь,
Иную судьбу испытаешь:
Хорошего мало на ней ты найдёшь
И мало на ней потеряешь.
В огромное царство она приведёт,
Где правит Царица Рутина!
В том царстве обрящешь
довольство, почёт
И сытый покой мещанина.
Послушай же, витязь,
мой добрый совет:
Смелее пускайся по правой.
И будешь не только обут и одет,
Но также вернёшься со славой,
Научишься светлые грёзы глушить,
Идти против правды и света
И будешь в сердцах православных
ты жить
На многие, многие лета!»
Опешил наш витязь,
когда прочитал
Такие с доски наставленья

И долго в раздумье затылок чесал:
Какое же взять направленье?
Конечные пункты различных дорог
Мешались и путались вместе.
К чему же стремиться?
решить он не мог
И начал топтаться на месте.
За месяцем месяц летит и летит,
Один, три, десяток…
сто… двести…
А он на распутье,
как прежде, стоит,
И топчется, бедный на месте.

Один из традиционных для русской литературы данного периода (в том числе для авторов журнала «Сатирикон») объектов сатирического изображения – сонный российский обыватель, равнодушный к тому, что происходит в стране после разгрома революции, безучастный к настоящему искусству, к высоким общественным идеалам, требующим от него жертвенного служения. Обыватель, предпочитающий услаждать свои низменные инстинкты и вкусы, находящийся в состоянии духовного анабиоза. Этому чрезвычайно распространённому в годы реакции человеческому типу посвящено стихотворение Ф.И. Чудакова «Спящий красавец » с подзаголовком «Оперетка в 1 действии».

Большая часть сатирических стихов Ф.И. Чудакова была реакцией на события политической жизни страны и мира. Понятно, что в этих произведениях автор, сторонник социалистических (точнее – эсеровских) взглядов, высмеивал своих идейных противников: представителей консервативных и черносотенных партий, одиозных депутатов Государственной думы, недальновидных и корыстных государственных чиновников и т.п.

Уже сам выбор тем для фельетонов и фактов реальной действительности, на которых они основывались, несёт на себе отпечаток личности автора. Так, например, Ф.И. Чудаков не оставлял без насмешливо-язвительных комментариев государственную политику, направленную на реализацию планов премьер-министра П.А. Столыпина по разрушению общинного устройства крестьянской России. Являясь, как мы помним, по своим взглядам сторонником эсеровской партии и предлагаемой ею земельной программы, суть которой – укрепление и развитие коллективных, кооперативных, общинных форм общественного и экономического устройства страны, автор «Шпилек» подвергает саркастическим насмешкам депутатов Государственной думы, поддержавших планы правительства. Этой теме посвящён сатирический фельетон «Подвиг»:

Раз в Таврических хоромах[4]
Депутаты заседали,
Обсудив мужичью долю,
Ей сюрприз приготовляли:
«Наш мужик и наг и беден,
– Говорили депутаты, –
И ему ужасно вреден
Призрак общины проклятой.
Этот голод, недороды,
И прикладыванье к чарке,
И искание свободы, –
Всё лишь общины подарки.
С давних пор мужик бунтует,
Полон злобы беспричинной.
Этот бунт ему диктует
Тот же старый дух общинный.
Ведь не даром эту «гадость»
Защищают так эсеры,
(Чтоб они, стране на радость,
Все пропали от холеры!)
Так давайте дружным взмахом
Уничтожим Минотавра –
«Им» главу покроем прахом,
А себе – венком из лавра.
И, воспрянув с буйным жаром,
Размахнулись депутаты
И снесли одним ударом
Призрак общины проклятой.

___

А мужик пустил меж уха
Депутатские подарки,
И, стянув покрепче брюхо,
Снова топит горе в чарке.
А кулак, весьма довольный,
В мутной речке рыбу удит…
Уничтожен дух крамольный…
Что-то будет, что-то будет?

Как видим, центр тяжести в фельетоне Ф.И. Чудакова, в полном соответствии с законами жанра, перемещён с непосредственного описания событий на их осмысление и анализ, а это немыслимо без выражения собственной позиции – прозрачной и недвусмысленно ясной. А так как позиция сатирика радикально расходилась с позицией органов государственной власти, произведение становилось уязвимым и в цензурном отношении, и с точки зрения возможной реакции административных и судебных инстанций, а также полицейского и жандармского ведомств. Собственно, судьба сборника «Шпильки» и не могла быть иной, благополучной. Книга изначально была обречена. Удивление вызывает не то, что её изъяли, а то, как автору и издателю удалось напечатать книгу, провести её через цензуру.

В любом случае, нужно отдать должное гражданскому мужеству автора «Шпилек» – беглого ссыльнопоселенца, находящегося под надзором полиции, только что выпущенного из тюремной камеры. Ф.И. Чудаков не мог не осознавать, что от того, насколько лояльно он ведёт себя по отношению к существующему порядку, напрямую зависело его жизненное благополучие, благополучие близких ему людей, возможность заниматься любимым делом, его свобода, наконец, да и вся его дальнейшая судьба.

Объектом сатирического изображения в этом и ряде других фельетонов Ф.И. Чудакова является такая распространённая и чрезвычайно активная категория государственных деятелей, правительственных чиновников, думских политиков, которая в корыстных целях лицемерно разыгрывает карту «патриотизма». Казённых псевдопатриотов, якобы неустанно пекущихся о благе русского народа, якобы защищающих интересы российского государства, а на деле часто решающих свои узкогрупповые и даже коррупционные задачи, Чудаков как человек и как гражданин презирал, а как журналист и писатель высмеивал со всем присущим ему остроумием и язвительностью. Так он поступает и в фельетоне «Закрытие порто-франко»:

Скептический голос:
Ну, а русскому народу
От чрезмерного расходу
Не придётся… подыхать?
Комиссия:
О, не верьте диким слухам,
Будто голоден мужик:
Ведь питаться святым духом
Он давным-давно привык.
Значит, будет всё так гладко,
Без войны, без громких слов!
Голос:
Преклоняюсь пред догадкой
Государственных умов!

Хотя фельетон «Закрытие порто-франко» воспринимался современниками как злободневный, обращённый к событиям тогдашнего времени, к тогдашней социально-экономической ситуации в Приамурье и в России в целом, он, спасибо сегодняшним чиновникам, до сих пор не утратил своей актуальности.

Сегодня, спустя век, можно в полной мере оценить остроумие автора, остроту, меткость, художественную выразительность, а, главное, неувядающую актуальность его сатиры. Фельетоны Язвы выдержали самое трудное испытание – временем. А всё потому, что его перо нацелено было не на бытовое мелкотемье, а на явления масштабные, государственно, национально и социально значимые.

Примечания

1. *Босяк (Чудаков Ф.И.)*. Пережитое: Стихи. Благовещенск, 1909. С. 29.

2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.; 1978–1981. Т. 4. С. 643.

3. Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.; 1981–1984. Т. 4. С. 728.

4. Таврический дворец в Санкт-Петербурге – выдающееся произведение русского классицизма конца XVIII в. Дворец построен в 1783–1789 гг. по указанию Екатерины II для её фаворита, светлейшего князя Г. А. Потёмкина (Таврического). В начале 1900-х гг. в Таврическом дворце размещалась Государственная дума.

А.Н. Соболев

«ГАРАНТИРОВАТЬ ПОБЕДУ НЕ МОЖЕМ...»

С 1919 по 1920 гг. Русское информационное бюро, штаб-квартира которого находилась в Нью-Йорке, выпускало на английском языке еженедельный журнал «Борющаяся Россия». В издании публиковались обзоры и аналитические статьи эмигрантских авторов, а также документы, освещавшие текущие события в России. Первый том за 1919 г. содержит материалы о восстании Чехословацкого корпуса, в том числе телефонограммы и телеграфные сообщения, которыми в те тревожные дни пензенские власти обменивались с Москвой.

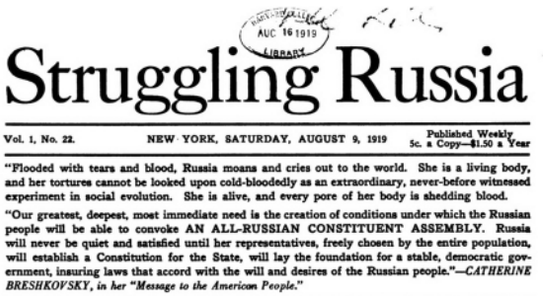
Из телефонного разговора между председателем Пензенского губернского Совета и Москвой. 16 мая, 1918 г.

Петерсон[1] у аппарата. Я говорю по поручению Муралова[2]. Мы долгое время не получаем от вас никакой информации. Поэтому просим подробно сообщить о том, как проходит организация красноармейских частей, насколько они сильны, и куда вы отправляете свои отряды. Есть и ещё один очень важный и конфиденциальный вопрос: о продвижении чехословаков. Куда они направляются, сколько их, и что это за люди? Где профессор Макса[3] и Дидерикс[4]? Я прошу сообщить нам обо всём этом, но ответы отложите до завтра. В течение прошлой недели я получил два донесения о чехословаках. В соответствии с приказом Троцкого необходимо представить подробнейший доклад о том, где они расположены, их вооружении, настроениях, передвижениях. Я собрал информацию из телеграфных сообщений и подготовил на основе этого краткую сводку. Если удобно, я отправлю вам её завтра через командира отряда Штромбаха[5].

Из телефонного разговора между главой Пензенского губернского Совета и Москвой, (№15). 26 мая, 1918 г.

СЕКРЕТНО

После получения телеграммы и приказа Аралова была организована конференция с



AUG 16 1919
LIBRARY

Struggling Russia

Vol. 1, No. 22. NEW YORK, SATURDAY, AUGUST 9, 1919 Published Weekly 5c. a Copy—$1.50 a Year

"Flooded with tears and blood, Russia moans and cries out to the world. She is a living body, and her tortures cannot be looked upon cold-bloodedly as an extraordinary, never-before witnessed experiment in social evolution. She is alive, and every pore of her body is shedding blood.

"Our greatest, deepest, most immediate need is the creation of conditions under which the Russian people will be able to convoke AN ALL-RUSSIAN CONSTITUENT ASSEMBLY. Russia will never be quiet and satisfied until her representatives, freely chosen by the entire population, will establish a Constitution for the State, will lay the foundation for a stable, democratic government, insuring laws that accord with the will and desires of the Russian people."—*CATHERINE BRESHKOVSKY, in her "Message to the American People."*

Еженедельник «Борющаяся Россия» от 9 августа 1919 г. В качестве преамбулы к номеру взяты слова известной революционерки и ярой противницы советской власти Екатерины Брешко-Брешковской: «Истекая слезами и кровью, Россия стонет и взывает к миру. Она жива, и на её муки невозможно смотреть хладнокровно, как на экстраординарный, невиданный ранее эксперимент в социальной эволюции. Она жива, и из всех пор её тела сочится кровь…»

участием чехословацких коммунистов, редакторами их газет и другими лицами. Мы пришли к выводу, что не можем выполнить приказы буквально, как вы того требуете. От Пензы на сто вёрст в тыл – двенадцать тысяч чехословаков с пулеметами и в полной боевой готовности. Перед нами – 4-й Корниловский полк под командованием генерала Коломинского. На ближайшей к нам станции находятся эшелоны и 160 штыков. Арест офицеров неизбежно спровоцирует нападение на нас, которому мы не сможем противостоять. Мы предприняли ряд военных мер: отправили телеграммы в ближайшие города с просьбой о помощи, на всякий случай укрепили подступы к нашим позициям. За счёт соседних городов мы можем увеличить наши силы до 2,600 человек, но даже в этом случае мы не надеемся на успешный исход. С другой стороны, чехословаки, наблюдая наши приготовления, склонялись к тому, чтобы выполнить старые условия разоружения. Так было до тех пор, пока они не узнали конечную точку их

маршрута, и не началось движение их эшелонов. Один эшелон был уведён на 40 верст от Пензы. Это сделали для того, чтобы отделить его от основной группы, но расстояние небольшое, поэтому они смогли наладить связь по телефону и через посыльных. Теперь мы не знаем, как выйти из этой ситуации. Я обращал внимание Аралова, что без помощи из Москвы нам не обойтись. Я вновь настаиваю, что в пределах 80 часов мы должны получить вооруженное подкрепление на специально снаряжённых поездах. Должен заметить, что чехословацкие коммунисты, в целом, сочли, что в открытом бою будет очень трудно справиться с противником.

А.Е. Минкин (1887–1955). С апреля по июль 1918 г. занимал должность председателя Пензенского губернского Совета.

Председатель Губернского Совета МИНКИН.

Телефонный разговор между председателем Пензенского Совета и военным комиссаром Симбирска, (№19), 26 мая, 1918 г.

– Я военный комиссар Симбирской губернии Иванов. Кто у телефона?

– Это председатель Пензенского совета Минкин.

– Здравствуйте. Звоню вам по поручению Исполнительного комитета. Скажите, я могу говорить конфиденциально? Останется ли содержание нашего разговора в секрете?

– Говорите. Конфиденциальность будет соблюдена.

– Вы отправили две телеграммы? Какая нужная вам помощь, и чем это вызвано?

– В соответствии с приказом Троцкого №338 мы должны разоружить и расформировать чехословацкие эшелоны, а также арестовать их командиров. Силы чехословаков в Пензе сейчас составляют более 2,000 штыков и пулеметы. При этом 800 бойцов нашего местного гарнизона, а с ними бронеавтомобиль, пулемёты и артиллерия, несколько дней назад убыли на фронт. В городе у нас мало войск, но приказ мы должны выполнить сегодня или завтра. Когда начнём разоружать – конфликт неизбежен. Поэтому, с разрешения Москвы я спрашиваю у вас, сколько человек вы можете прислать нам на помощь?

– У нас в распоряжении нет значительных сил. Порядка 700 штыков отправлено на борьбу с Дутовым, но можем завтра собрать для вас полуроту интернационалистов. Отряд небольшой, всего лишь около 90 человек, но это очень надежные бойцы. Если будет возможно – пришлём ещё.

– Пожалуйста, телеграфируйте нам об отправке эшелона. До свидания.

Из Москвы. 26 мая, 1919 г.
СЕКРЕТНО

Товарищи! Военные приказы издаются не для обсуждения, а для выполнения. Я предам военно-полевому суду каждого военного комиссара, проявляющего трусость и уклоняющегося от разоружения чехословаков. Нами отдан приказ об отправке бронепоездов. Вы должны действовать твёрдо и без промедления.

Военный комиссар ТРОЦКИЙ.

Телефонный разговор между Военным комиссаром Пензы и Москвой, (№20). 27 мая, 1918 г. Время: 10 00.

– Военный комиссар Островский у аппарата. В городе тихо. Вчера, начиная с десяти вечера до часу после полуночи, Национальный совет обсуждал наш ультиматум, касающийся разоружения чехословацких войск, но представители совета воздержались от прямого ответа и сказали, что если солдаты хотят сдаться, то во избежание кровопролития они не будут препятствовать этому. Сегодня мы собираем митинг с чехословаками, на котором будет зачитан приказ Троцкого и его обращение. Действовать твёрдо и применять военную

силу невозможно, поскольку в Пензе и Рязани стоят четыре чехословацких эшелона. В вагонах 1,500 солдат с достаточным количеством пулеметов. К тому же, в 18-ти верстах отсюда, на станции Кривозёровка, ещё 1,600 штыков. В направлении Ртищево стоят пять полностью вооруженных эшелонов. У нас в Пензе есть только 500 штыков. По нашей просьбе из Рузаевки прислали 250 человек, 100 из Саранска, ещё ожидаем из Ртищева, Сердобска и Симбирска, но гарантировать победу мы не можем. Тем не менее, мы предпринимаем все меры по разоружению и расформированию их частей. Сегодня всё станет ясно. Мы ждём от вас помощи.

– Это Боярский[6]. Это комиссар? Это Боярский. Сообщите нам подробно о ситуации в городе. Что у чехословаков, все ли они вооружены? Сколько эшелонов? Конфликт уже произошёл? Попытайтесь на митинге убедить их разоружиться, и если не получится, то необходимо предпринять решительные действия.

Председателю Пензенского Совета. Москва. 28 мая, 1918 г.

В подтверждение приказа выпущенного ранее, я предлагаю немедленно принять меры для задержки, разоружения и расформирования всех эшелонов и частей Чехословацкого корпуса как напоминания о старой регулярной армии. Из личного состава корпуса вы можете сформировать рабочие отряды или подразделения Красной армии. Если вам нужна помощь чехословацких комиссаров, вы можете обратиться к комитетам чехословацких социал-демократов в Пензе, Самаре, Петропавловске и Омске. Обо всех шагах и результатах информируйте военный комиссариат в Москве.

Заведующий Оперативным отделом
Наркомвоена
АРАЛОВ.

Печатается по изданию "Struggling Russia", том 1, 9 августа, 1919 г.

Перевод с английского языка Александра Соболева.

Примечания

1. Р.А. Петерсон – старший уполномоченный Московского окружного военкомата.

2. Н.И. Муралов – комиссар Московского военного округа.

3. П. Макса – профессор, комиссар Чехословацкого корпуса и член Чехословацкого национального совета.

4. М.К. Дидерикс – генерал, начальник штаба Чехословацкого корпуса.

5. Я.А. Штромбах служил офицером в Австрийской армии, попал в русский плен. В 1918 г. перешел в Красную армию. Командовал Первым чехословацким революционным полком, сформированном в Пензе.

6. А.Ф. Боярский возглавлял отделение снабжения в Оперативном отделе при Московском военном округе.

В.Ю. Кладов

«НЕ БЫЛО ТУТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ...»

Селиксенские лагеря в свидетельствах очевидцев

Сегодня уже нет в живых многих ветеранов Великой Отечественной войны, очевидцев событий тех лет. Но их воспоминания передаются из поколения в поколение, сохраняя правду о Селиксенских лагерях. За несколько последних лет нами проведена большая работа по сбору устных свидетельств об истории 37-й запасной стрелковой бригады. Многие из представленных материалов публикуются впервые.

Из воспоминаний Николая Григорьевича Козлова:

«... В 1942 г. мой отец, Григорий Никитович Козлов, был призван в РККА. Он попал в резервную дивизию, которая на-

К.Е. Ворошилов

ходилась под Селиксой. Закончил там ускоренные курсы саперов, и в начале 1943 г. отправился на передовую.

В Селиксе бойцам было тяжело, очень и очень голодно. Отец рассказывал, что на фронте многие солдаты с немцев снимали трофеи: часы, что-то еще... А у него после учебных лагерей осталось постоянное чувство голода. Он залезал к убитым в ранцы, доставал галеты, печенье, сухие пайки… Не нужны ему были никакие часы… Отец был ростом под метр восемьдесят, а весил перед отправкой на фронт всего-то 48 килограмм... Вот такие дела творились в этой Селиксе...».

Из воспоминаний Михаила Дмитриевича Тельянова:

«...Я тебе расскажу одну историю. Два офицера встретились и поспорили. Один другому говорит: “Я, дескать, такой-рассякой, я на фронте был”. А второй говорит: “Тоже мне, на фронте он был! Я под Селиксой был два месяца, и не пропал! Удивил меня фронтом!”

Ворошилов приезжал к нам в 1942 г. Если и расстрелял кое-кого, то по делу, я так считаю. Тут ведь такие жулики были... Кормили нас очень плохо, кое-как. Бывало, и по помойкам ходили. Питались в основном “шрапнелью”, т. е. перловкой. Похлебку давали такую: Сталина видно было. В миске три кусочка картошки плавает, и вода. Хлеб мы делили так: буханку разрезали на десять человек, один отворачивается и спрашивает: “Кому?” Так и делили, кому что достанется, по-честному. Голодали, конечно, чего уж там... Я пять лет не видел хлеба, чтобы досыта наесться. Когда в 1947 г. карточную систему отменили, тогда я и наелся хлебушка...

Спали мы на голых досках. Я однажды сходил на поле в Чемодановку, принес соломы. Мы её постелили, забили старыми шинелями и как-то устроились. Когда Ворошилов приезжал, то он дал указание, чтобы нам всем постель сделали. А так – в чем на занятие ходишь, в том и ложишься...

У нас в землянке жило две роты солдат. Вместо печей мы соорудили две бочки, в которых жгли дрова. Зимой на занятия уходишь – уши на шапке завязываешь сверху. А спать ложишься – завязываешь снизу. Очень холодно по ночам было, уши мерзли. В землянках были небольшие окна, и из них постоянно сквозило. А зимы холодные были, не такие, как сейчас. Там я и уши себе обморозил...».

Из воспоминаний Лидии Яковлевны Попониной:

«...Мой свекор, Иван Павлович Попонин, в 1942 г. был призван в армию, и забрали его на станцию Селикса. Дошли до нас слухи, что там люди сильно голодают. Сразу всей семьей насушили сухарей, отец Ивана Павловича долго добирался на лошади... Когда он, наконец, приехал в Селиксе был страшный беспорядок, не пускали никого туда. Почему? Как раз туда приехал Ворошилов, стал разбираться, почему солдаты от голода умирали...

Выдавали на всех продпайки, а командир продавал их гражданским лицам, и солдаты голодали... В общем, зря дед туда приехал, опоздал. Ну, конечно, все продукты роздал, помог ребятам. Мать была сильно расстроена: Васеньку так и не застали. И не пришлось долго ждать весточки от него: пришла повестка, что он погиб в боях под Москвой...

Дед тогда говорил так: «Я не видел Ворошилова, но он там был рядом. И мне сказали, что когда нашли этих предателей, то Ворошилов шлепнул их! Прямо так и сказал: «Шлепнул!» Об этом, конечно, люди потом очень волновались. Не один ведь наш Вася был призван, их было много таких...».

Из воспоминаний Валентины Леонидовны Бенескул (Гомолко):

«...Когда война началась, мама работала на Селиксе поваром в столовой. По набору продуктов, говорит, более или менее нормально их снабжали. Но все равно мужчинам надо было, конечно, мяса давать побольше. Да и вообще, еды побольше...

Ворошилов приезжал где-то в 1942 г., весной. Потому что тогда было очень трудное время. Тяжело было морально, люди переживали, всех забирали на войну. И с продуктами все плохо было... Мама говорила, что до проверки Ворошиловым очень сильно таскали продукты, нечем кормить было. А вот уж когда Ворошилов приехал, и еще целая комиссия, то эти столовые проверили, и вроде полегчало...

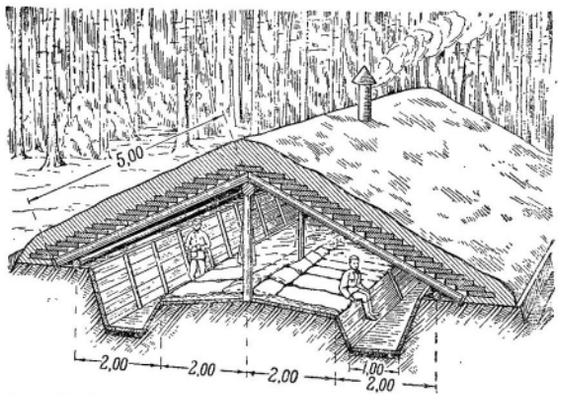
Как люди там обычно делали... Сэкономишь чего-нибудь, кусочек хлебушка, посмотришь – вроде, никто не идет. Ямку в земле выкопал, положил туда хлеб, листочком сверху закрыл, и сходил в туалет... А потом, когда обратно идешь, аккуратно все это отодвинешь, и прямо на месте съешь. Что только не изобретали в Селиксе, чтобы прокормиться...».

Из воспоминаний Риммы Трофимовны Ушаковой:

«...И вот еще эпизод, он на всю жизнь остался в памяти. Было это зимой 1941-1942 гг., а она самая тяжелая была... Мимо нашего дома шла дорога в Пензу, по которой возили на санях мертвых узбеков. Прямо на них и сидели, а я смотрела на все это. Сколько их было, не скажу, но много. Не могу сказать, что это узбеки были, но то, что мерзли именно они, это люди говорили...».

Из воспоминаний Нины Георгиевны Рыжовой:

«...Про Селиксу говорил мой дядя, 1910 года рождения. Звали его Виктор Иванович Щукин, в Селиксу он попал из Мордовии, где отбывал срок за хулиганство. Когда он ещё был живой, я ездила к нему в Ленинград, и он все время вспоминал эту проклятую Селиксу. Говорил, что тут не было советской власти... Вот такое его слово было. Не было тут советской власти...».



Двускатная землянка

Из воспоминаний Валентина Ивановича и Вячеслава Ивановича Прорехиных:

«...Здесь наших ребят много погибло. Бывает, снаряд не разорвется, а пацаны ведь любопытные, начинают его в костер бросать. Одного я знал лично, забыл, как зовут. На фронт постоянно шли эшелоны с боевой техникой, боеприпасами и солдатами, а оттуда шло всё разбитое, на ремонт или переплавку. На станции все эти эшелоны останавливались, а ребятишки там лазили. И часы там находили, и пистолеты, и небольшие заряды. Наберут всего, разжигают костры и подрывают. И вот был случай: разожгли костер, сунули снаряд, а сами за соснами спрятались. Костер горит, а снаряды не рвутся. Одному стало невтерпеж, взял палку, подошел к костру, ткнул – и взрыв. Погиб на месте…

В основном здесь умирали узбеки. Они же к холодам непривычные были, а первая зима холодная была... И голодали они здесь здорово. Все ходили по домам, побирались, чего хочешь могли отдать за еду. Голодали-то на Селиксе все, а страдали больше других эти...

Был здесь Ворошилов, своими глазами видел. Никого он не расстреливал, а под суд отдавал. Между Чемодановкой и Кижеватово стояла машина грузовая с открытыми бортами, а на поле занимались солдаты. Нас, понятно, близко не подпускали, мы с дороги смотрели, и он там речь толкал, призывал к чему-то, но я тогда пацан сопливый был, не помню. Классе в третьем учился. Но видел его хорошо. Одет он

Гомолко
Леонид Никифорович

Козлов
Григорий Никитович

Лазуткин
Федор Семенович

был просто: гимнастерка, брюки, сапоги, ремень, портупеи через плечо нет, на правом боку пистолет, а может, кобура одна, не видно. Снега тогда не было, поэтому было это или осенью, или весной. Мне кажется, все-таки осенью 1941 г. Сколько он был в лагере, не знаю, но, наверно, недолго. Он выглядел всех проще. Его сопровождали генералы с лампасами, а он смотрелся как простой солдат. Но никого не расстреливал. Наказывать – наказывал, под суд некоторых отдал, но не расстреливал. Он не такой мужик был. Говорили в то время об этом, но мало ли, что говорили. Поснимал с должностей, это было. Ну, кого-то по суду, может, и расстреляли, но сам лично – нет...».

Из воспоминаний Николая Федоровича Миронова:

«...Приходит новый эшелон из Средней Азии. Его ставят на ж/д станцию, в тупик. Нам, ребятишкам, конечно, все интересно, мы сразу туда бежим. Прибегаем, смотрим: начинают их разгружать. По команде новобранцы выходят: в халатах, в тюбетейках, на ногах чирики... Хорошо, если летом это было. Тогда вся эта цепочка людей идет в воинскую часть на санобработку. А вот что касается зимы – тут, конечно, беда... Зима лютая, а они все одеты по-летнему. В Средней Азии – там же тепло. А на Селиксе мороз в десять-пятнадцать градусов. И вот они начинают действовать: с нас срывают шапчонки, ещё что из одежды... Это очень мне запомнилось, как они местных детей раздевали. Быстро рвали свои халаты, завязывали себе ноги. А, напротив, стоят наши солдаты, комендантская служба, с оружием. Они им не дают расходиться, следят за строем...».

Из воспоминаний Валентины Николаевны Яшиной:

«...Ни рынка, ни магазина в военном лагере не было. Мы как приноровились: у кого картошка там, из деревни привезут, напекут лепешек побольше, и вот продают напротив станции в лесочке. Там был небольшой такой базарчик... Как сейчас сидят у универмага, торгуют, так и тогда… Солдаты делали крючки, просовывали их между ног торговок, и утаскивали еду... Ну, понятно, ведь не будут женщины догонять его...

Помню, однажды стояли мы на крылечке, и метрах в двадцати от нас ходили солдаты с сосной. Молоденькие все, еле несут дерево, тяжело им, да и мало их. И вот один боец шел, шел, сел – и замерз. Прямо на ходу замерз... Плохо они были одеты, в фуфайках только. Никаких курток теплых не было, а шинель давали им только перед отправкой на фронт. Фуфайки носили выстеганные, из ваты. И кормили их, наверное, плохо…

У нас был большой дом с крыльцом, три двери в разные стороны и веранда.

Семей-то несколько жили, а кухня была общая. А там – окно всегда открыто. И вот когда мы прозеваем, они возьмут суп с чугуном и вместе утащат. Мы не жалели, что они там съедят, говорили, хоть бы они только чугун оставили. За ним нужно было в Пензу ехать покупать…».

Из воспоминаний Валентины Ивановны Рыжовой:

«Про лагерь в Селиксе мне рассказывал папин брат. Он служил там во время войны. Говорил, что такой голод был, что люди не выдерживали и кончали жизнь самоубийством. Вешались прямо на березах рядом с лагерем. Женщины из Пензенской области, у которых мужья там были, всеми силами старались их поддержать. Пекли какие-то лепешки, хоть и сами голодали... Картошку возили, сухари… И у солдат была поговорка: «Кто в Селиксах не бывал, тот и войну не видал». Рвались оттуда на фронт, что-то неладно было в этой Селиксе... Или какое-то вредительство…».

Из воспоминаний Татьяны Ивановны Лазуткиной:

«...Отец моего мужа, Лазуткин Федор Семенович, был офицером и несколько раз приезжал на ст. Селикса за пополнением. И вот когда он сюда прибывал, мать с его сестрой ходили сюда пешком за 20 км, приносили ему поесть…

Склады, говорит, все забиты были обмундированием, питанием... А узбеки – они как приехали в халатах и тапочках, так и ходили по лагерю. Обмундирование им почему-то не выдавали. Вот когда эшелоном на фронт отправляли – всех одевали, а пока здесь находишься – то ходи в своем...».

Из воспоминаний Натальи Евдокимовны Костиной:

«...В районе современного Восточного кладбища вся местность была ископанная. Все было разрыто в войну, окопы там были. И земля считалась непригодная, она вся была измученная, перевернутая туда-сюда, неплодовитая, в общем. Её никто не брал, от неё все отказывались. И тогда здесь построили кладбище…

Там и был в 1941 г. Ворошилов. И когда он посмотрел, в каких условиях находятся солдаты, он многих командиров уничтожил. Все просились отсюда на фронт. И правильно просились: здесь был лютый голод… Ни обуть, ни одеть нечего...

В военный городок привозили много кирпича, который… Взорвали динамитом в Лопуховке церковь, там три прихода было – Лопуховка, Александровка и Николаевка. Хотели поскорее в Селиксе строить землянки. Но кирпича очень мало там получилось, потому что только глыбы остались после взрыва. Раньше ведь кладку церквей делали на яйцах, она очень крепкая была. И динамит стены не взорвал, получились только большие куски, глыбы. Очень мало помещений они тогда устроили, чтобы обогреться…».

Из воспоминаний Зинаиды Ивановны Гусаровой:

«...Когда в 1949 г. Монтажка только начинала строиться, там повсюду были окопы, и рядом с ними начали строить двухэтажные дома. Помню, был пастух – Барабанщиков, он нашел в окопах бомбу и захотел сделать своей жене подарок, стал разбивать ее. Был взрыв, и его на кусочки, и коров разнесло по всему полигону...

Там, где сейчас расположены сады «Труды», там были окопы. И тянулись они почти до конечной остановки, где «Строитель». Весь этот полигон, от Чемодановки до Монтажки, был в окопах разного размера. Много находили гильз, и маленьких, и больших. А потом все пошло под дачи, все раскопали люди, разровняли. Все исчезло, как и не было никогда...».

Для публикации нами отобраны всего лишь несколько эпизодов, иллюстрирующих повседневный быт новобранцев в Селиксенских лагерях. Полный текст собранных нами воспоминаний будет опубликован в научно-популярном труде. Принять участие в его составлении может любой заинтересованный читатель.

Автор просит читателей, обладающих информацией о 37-й запасной стрелковой бригаде, связаться с ним по телефону (8412) 654061 или по электронной почте kladovzar@gmail.com

Н.В. Четвертков

ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОППОЗИЦИОННОЙ ПЕЧАТИ

Начиная с 7 января 1838 г. – с выхода первого номера газеты «Пензенские губернские ведомости» – и до начала XX в. в Сурском крае была только официальная печать, постоянно находившаяся под неусыпным оком цензуры и местных властей. И только в годы Первой русской революции – после манифеста 17 октября 1905 г. – созданные в Пензе отделения политических партий, пользуясь свободой слова и печати, приступили к изданию своих печатных органов, сразу ставших оппозиционными властям.

Уже 22 декабря 1905 г. кадеты[1] выпустили первый номер газеты «Перестрой», редактором которой был Н.Ф. Езерский. Выражая политические взгляды своей партии, эта газета выступила за введение в России конституционного строя, при котором парламент утверждает правительство страны, первоочередными задачами его должны стать подъем духовного уровня и материального благосостояния народа. «Перестрой» критиковал теории социалистов, утверждая, что нельзя «ломать до основания установленные общественные отношения, проводить эксперименты в стране, едва вышедшей из состояния крепостничества» [2].

В передовой статье «Почему нужно всеобщее голосование?» доказывалась необходимость введения в стране всеобщего голосования, а «всякие искусственные системы, дающие перевес меньшинству над массой, представляют замаскированную форму цензового голосования»[3].

Высказывая требования кадетской партии о передаче в пользование крестьян всех государственных, удельных, монастырских и большей части частновладельческих земель за счет выкупа их государством, газета «Перестрой» настаивала на предоставлении рабочим права создавать профсоюзы, а через них добиваться улучшения условий труда, повышения зарплаты, введения технического и санитарного контроля на предприятиях, где использовался наемный труд[4].

После избрания Н.Ф. Езерского депутатом Первой Государственной думы редактором газеты «Перестрой» стал В.Н. Ладыженский, видный деятель земского движения, автор нескольких книг. При нём это издание уделяло много внимания положению учителей в народной школе, постоянно публиковало корреспонденции Н.Ф. Езерского из Петербурга, знакомило читателей с речью одного из лидеров кадетской партии Ф.И. Родичева на заседании Государственной думы. Роспуск думы редакция назвала «анархией справа». На фельетон, опубликованный в «Пензенских губернских ведомостях», в котором высмеивались бывшие депутаты Государственной думы Езерский и Врагов[5], кадетская газета отреагировала так: «Тяжелое впечатление производят эти насмешки. В многострадальной и опозоренной войной России всё ещё находятся люди, не осознающие этого позора, страданий и унижений. Бывшие члены думы окружены полицией, запрещающей им всякие отношения с русскими гражданами; они находятся как бы под гласным надзором полиции, не спускающей с них глаз, они лишены всякой возможности работать на пользу своих избирателей. Редакция ничего, кроме старого, не знает и не видит. Ей не понять людей, надеющихся править без палача. Она и государственного деятеля, желающего пойти честным новым путем, загоняет на старую, беспощадную дорогу. Она вообще уверена, что палача можно отвергнуть только для вида, а на самом деле где-то, в тайной коморке, он должен быть»[6].

В октябре 1906 г. было совершено покушение на директора Пензенской учительской семинарии Остроумова. «Пензенские губернские ведомости» этот террористический акт связывали с освободительным движением и деятельностью Государс-

твенной думы, якобы одобрявшей политические убийства в России. В ответ на это чудовищное обвинение газета «Перестрой» опубликовала статью «Недостойная спекуляция». Автор Н.Ф. Езерский отмечал, что официальное издание пензенских властей «имеет черты черносотенного, реакционного, а подчас и просто хулиганского органа», подчеркивал, что «наша администрация никак не может понять, что все сколько-нибудь серьезные культурные силы теперь сторонятся правительства, что ей могут служить только за страх или за пятак, а не за совесть...» [7].

В годовщину царского манифеста – 17 октября 1906 г. – вышел последний, 210-й номер газеты «Перестрой», в котором граф П.М. Толстой писал: «Первый дружный, могучий мирный натиск в виде октябрьской всеобщей забастовки, охватившей всю страну, – и власть, растерявшаяся от неожиданной волны, пошла на уступку, на широковещательные посулы. Но прошла минута растерянности, власть собралась с силами – и завоевания народа оказались сведенными на нет»[8].

В это же время в Саранске, входившем в состав Пензенской губернии, учитель народной школы В.В. Бажанов начал издавать газету под названием «Мужик»[9]. Она «смело бичевала произвол местных властей и пользовалась большим успехом среди населения города и уезда»[10]. Бывший в те годы Пензенским губернатором И.Ф. Кошко характеризовал газету «Мужик» как издание «архиреволюционного содержания», «проповедовавшее крестовый поход против помещиков»[11].

«В одном из номеров, – вспоминала дочь В.В. Бажанова, – отец опубликовал статью, в которой разоблачал дикие поступки уездного исправника, казачьего полковника Киселя-Загорянского, наводившего своей жестокостью ужас на горожан. В этой статье описывалось, как исправник ехал в своем экипаже по проселочной дороге и, встретив во время сильного бурана крестьянский обоз с хлебом, потребовал, чтобы крестьяне немедленно дали ему дорогу. Они попытались выполнить приказ, но уставших от тяжелого пути лошадей невозможно было быстро, как того требовал исправник, свернуть с дороги. Тогда рассвирепевший начальник выскочил из саней и стал избивать мужиков нагайкой»[12].

За критику исправника газета «Мужик» в 1907 г. была закрыта, а редактор В.В. Бажанов «сначала был заключен в Саранскую, а затем в Пензенскую тюрьму, его судили четыре раза» и в 1908 г. выслали в Сибирь. «Вместе с отцом, – вспоминала Л.В Бажанова, – отбыла и моя мать, уже побывавшая в Бутырской тюрьме за распространение прокламаций среди казачества. С ней были и мы, четверо малолетних детей»[13].

С 1 января 1907 г. пензенские кадеты стали издавать газету «Черноземный край». Это печатное издание под редакцией князя П.М. Толстого появилось в период подготовки к выборам депутатов во Вторую Государственную думу, поэтому обращало внимание читателей на то, что «правительство во что бы то ни стало добивается послушной думы, которая была бы готова работать рука об руку с любым министерством... А народу нужна дума, которая оправдала бы доверие снизу, доверие управляемых»[14].

Каждый номер «Черноземного края» публиковал материалы, призывавшие жителей губернии голосовать за представителей левых партий – присяжного поверенного С.Н. Анашина, врача И.Г. Маркина, купца В.Н. Умнова, крестьянина Н.С. Степанова. В день выборов – 23 января 1907 г. газета вышла с призывом к избирателям поддержать этих кандидатов в депутаты. А на следующий день, 24 января, она опубликовала сообщение о том, что с № 17 (26 января) в связи с высылкой П.М. Толстого за пределы Пензенской губернии редактором стал В.А. Бессонов, а само издание будет называться «Жизнь Черноземного края». В этом номере газета так оценивала обстановку в Пензе; «Левые партии вынуждены были... работать в подполье. Почти накануне выборов из Пензы выбрасывают редактора «Черноземного края».

Не имея «казенных денег», лишенные прав открытой агитации, опираясь единственно лишь на нравственную чистоту своих убеждений, эти партии одерживают, однако, победу...»[15]. 6 февраля 1907 г. «Жизнь Черноземного края» призывала выборщиков голосовать за кандидатов левых партий. А на следующий день номер газеты вышел под шапкой «Победа левых» и сообщал о том, что от Пензенской губернии во Вторую Государственную думу России избраны: крестьянин И.С. Тимонин из села Поляны Чембарского уезда, народный социалист И.Е. Марков, социал-демократ Н.С. Степанов.

В этом номере был опубликован смелый прогноз: «Вторая дума будет левее первой, а левая дума не будет послушной… И если у Первой вырывались по адресу министров крики «В отставку!», то Вторая дума не удовлетворится этой полумерой. Не «В отставку!», а «Под суд!» – вот что услышим мы, по всей вероятности, по адресу Столыпина от депутатов Второй думы. И это требование будет требованием народа». Но, как известно, в большинстве губерний России победу одержали консерваторы.

Газета «Жизнь Черноземного края» за 27 февраля 1907 г. знакомила читателей с биографиями председателя Государственной думы Ф.А. Головина, его заместителей (товарищей) М.Е. Березина, И.Н. Познанского, публиковала материалы И.Е. Маркова о деятельности Второй Государственной думы, обсуждавшей проекты законов о восьмичасовом рабочем дне, технических инспекциях по проверке условий работы и техники безопасности на промышленных предприятиях России, принятию которых препятствовало правительство. За критику правительства и местного руководства «Жизнь Черноземного края» была закрыта, а с 1 апреля 1907 г. вместо неё стала выходить газета «Голос Черноземного края» под редакцией Е.В. Титова. В ней сотрудничали вернувшийся в Пензу князь П.М. Толстой, депутат Государственной думы И.Е. Марков, прибывший из Саратова бывший редактор газеты «Приволжский край» Н.М. Архангельский. Еженедельные «думские» обзоры в «Голосе Черноземного края» публиковал известный столичный журналист О.Е. Волькенштейн. Особое внимание читателей привлекали печатавшиеся в ней наказы избирателей своим депутатам, в которых выражались требования немедленной отмены в России смертной казни, военно-полевых судов, амнистии политзаключенным, предоставления помощи голодающему населению, полной свободы совести, слова, печати, собраний, профсоюзов, стачек, неприкосновенности личности и жилища, роспуска царской армии, замены её народным ополчением, широкой организации мелкого кредита. Газета, в частности, сообщала о том, что жители Кузнецка в наказе депутату В.А. Анисимову записали: «Века мы изнывали под игом самовластия. В последнее время свою политику грабежа, погрома и насилия оно довело до высшей степени и ввергло нашу родину в бездну нищеты, несказанных страданий и обид. Народные деньги, выбитые из голодающего населения кнутом и нагайкой, оно тратит на убийство народа, солдаты вынуждены исполнять роль палача своих отцов, матерей, братьев, сестер и детей. И место главных вдохновителей теперешнего правительства не на министерском посту, не в Государственной думе около председателя среди народных избранников, а на скамье подсудимых»[16].

Газета «Голос Черноземного края» возмущалась роспуском Второй Государственной думы, отрицательно отзывалась о новом избирательном законе, ущемлявшем права и свободы трудового народа России. Это не могли терпеть губернские власти, и 18 октября 1907 г. вышел ее последний номер. Правда, с 20 по 31 октября издавалось еще девять номеров газеты под названием «Отголоски Черноземного края». В дальнейшем её подписчики получали газету «Сура», редактором и издателем её был Н.Н. Надеждин. Это издание более лояльно относилось к властям. В публикации «От редакции» сотрудники редакции так излагали свои задачи: «Сам

факт существования думы в связи с теми законопроектами, которые она будет разрабатывать, уже в достаточной мере определяет и нашу задачу: сообщать о всех работах думы и выяснять своё к ним отношение, кроме того, в настоящее время с особенной настойчивостью выдвигаются на очередь задачи культурно-просветительного характера. Поэтому редакция постарается уделять посильное внимание и этого рода темам»[17].

Но наряду с этим газета «Сура» немало внимания уделяла проблемам местной жизни. В статье пензенского писателя-публициста П.Н. Буренина, опубликованной под заголовком «Задачи момента», редакция вновь возвращалась к политическим проблемам, заявляя: «Юность российского конституционализма протекает чрезвычайно бурно: Первая дума была кадетской, вторая – левой... Наконец, собралась Третья дума, правая, где много людей, мечтающих о повороте назад, когда им “вольготно-весело” жилось на Руси. Этих людей сама жизнь не приручила к слаженной, конструктивной работе, а в таком деле, как законодательство, принцип закидывания шапками ничего не стоит. Если правые вновь не пойдут на упразднение думы, то нужно будет искать компромисс между правыми, центристами и левыми, способный пойти на пользу российскому конституционализму»[18].

Содержание публикаций «Суры» говорит о том, что и редакция этой газеты искала компромисс с властями. Её материалы не отличались той остротой, какая присуща была корреспонденциям «Черноземного края». Причина тому – не в осторожности и гибкости редактора-издателя Н.Н. Надеждина, а, скорее всего, в спаде революционного движения как в России, так и в Пензенской губернии.

Тем не менее, 3 января 1908 г. газета «Сура» опубликовала статью «Скорбная летопись 10-месячного ведения левой газеты». Считая себя правопреемницей «Черноземного края», редакция газеты «Сура» рассказала о судьбе этого печатного издания. За десять месяцев газета четыре раза меняла свое название, сменила четырех редакторов. За критику правительства и местных властей «к трем месяцем тюремного заключения был приговорен граф П.М. Толстой, на полтора года заточения в крепости с лишением редакторских прав на пять лет осужден Е.В. Титов, неприятности были и у В.А. Бессонова»[19].

Местные власти препятствовали распространению оппозиционной печати. Даже газета «Сура», судя по жалобам сельских подписчиков, не доходила дальше почтовых отделений и волостных правлений.

Примечания

1. Партия русских конституционных демократов – одна из основных политических партий России в 1905 – 1917 гг. Создана в октябре 1905 г. Кадеты выражали интересы городской буржуазии и либеральной интеллигенции.
2. Перестрой. 1905. 22 декабря.
3. Там же.
4. Там же.
5. См.: Пензенские губернские ведомости. 1906. № 162, 163.
6. Перестрой. 1906. 23 августа.
7. См.: *Жаткин Д.Н., Дорошин Б.А.* История периодической печати Пензенского края. Пенза, 1998. С. 43.
8. Там же. С. 44.
9. См.: *Воронин И.Д.* Саранск. Культурно-документальные очерки. Саранск, 1962. С. 139.
10. *Баженова Л.* «Ох, дорога, дорога суровая…» // Советская Мордовия. 1987. 13 июня.
11. *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора. Петроград, 1916. С. 175.
12. *Баженова Л.* Указ. соч.
13. Там же.
14. *Жаткин Д.Н., Дорошин Б.А.* Указ. соч. С. 45.
15. Там же.
16. Там же. С. 46-47.
17. Сура. 1907. № 1.
18. Сура. 1907. 17 ноября.
19. Сура. 1908. 3 января.

Е.С. Скобликова

ПЕНЗА И ПЕНЗЕНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.

Воспоминания выпускницы 1946 года

Воспоминания о Пензе начинаются у меня не с тех военных лет, когда судьба связала меня с Пензенским педагогическим институтом. Они – с младенческого возраста: Пенза была для нашей семьи столицей малой родины. Отец Сергей Григорьевич Скобликов получил среднее образование в Пензенской духовной семинарии, мать Мария Николаевна, урожденная Гвоздева, – в епархиальном училище. В пору моего детства и юности мы были пензенские провинциалы. Помню радость от поездок из «Асеевки» (ныне Сурск) и Городища в Пензу! От вокзала до старого центра Пензы, где жили родственники по линии Гвоздевых, добирались либо пешком, либо на извозчике: лошадь с открытым «экипажем» (2 – 3 сидения) долгое время играла роль нынешнего привокзального такси. Запомнился один ранний эпизод. Мы добрались до района Лермонтовского сквера, а навстречу нам – друг тети Клавдии Николаевны Гвоздевой Александр Петрович Баталин, отец Юрия Александровича Баталина – будущего профессора Пензенского политехнического института. Я, малолетка, бросилась с разбегу в его объятия с возгласом: «Кум!» (Юрий 1923 г.р. был крестником К.Н. Гвоздевой). «Кум» был удивлен и испуган: про малолетнюю асеевскую «куму» он ничего не знал.

Связь с Пензенским педагогическим институтом была у меня многоступенчатой и немного «причудливой». Среднюю школу я кончила в 1942 г. в Городище (начальную – в нынешнем Сурске). Выпускниками-десятиклассниками мы побывали «на окопах» под Пензой; девчонки прошли курсы медсестер – жили уже военной жизнью. В эти годы отец мечтал, чтобы я получила хотя бы неполное высшее образование: существовали двухгодичные учительские институты, куда принимали даже после 9-го класса. Думать, однако, приходилось о заочном обучении: тяжело заболела мама. Я после школы в 1942 г. была назначена учительницей во 2-ой класс. Подала заявление на заочное отделение физмата в Пензенский педагогический (в школе мне предрекали математическую профессию). Побывала на зимней сессии, поняла, что физмат заочно не осилю. А до этого летом 1942 г. случилось быть в Куйбышеве, где дядя Александр Николаевич Гвоздев, взяв меня на их военный огород в окрестностях Куйбышева, стал рассказывать мне про лингвистику, про звуковые законы, типа ассимиляции и диссимиляции. В результате (после всяких иных планов) я подала заявление на заочное отделение литфака в Куйбышевский пединститут. Между тем весной 1943 г. мама моя скончалась, и очень угнетенный потерей отец решил переехать в Канаевку, поближе к гвоздевским родственникам. Там мне дали сначала 1-ый класс, который мне очень понравился. Но… поступила в институт и уехала канаевская преподавательница биологии и химии, и меня практически принуди-

тельно назначили на это освободившееся (неподходящее!) место.

В Куйбышеве заочно я прошла через две летние сессии и с пятерками закончила два курса.

В недолгий период моей жизни в Канаевке неожиданно началась связь с Пензенским пединститутом. Летом 1944 г. туда под руководством Евгении Марковны Иссерлин прибыла «диалектологическая экспедиция»: сама Е.М. и две закончившие 2-ой курс студентки. Обе – будущие известные лингвисты, сотрудники Института русского языка Академии Наук: Вера (Петровна) Фелицына и Ольга (Николаевна) Мораховская. Вера Петровна потом до конца жизни работала в Ленинградском отделении Института, Ольга Николаевна – в Московском. Ольгу Николаевну (в быту «Лялю» Мораховскую) я знала с детства как одноклассницу Жени Гвоздева, погибшего в войну сына Александра Николаевича Гвоздева. (Видимо, по совету Александра Николаевича Гвоздева) Евгения Марковна привлекла в помощницы меня: я уже прошла к тому времени курс диалектологии в Куйбышеве, а в Канаевке (давно интересовавшей А.Н.Гвоздева) знала жителей обоих диалектно различающихся «концов» села – шигонского и крукольского. Под влиянием «мещерских» крукольцев в Канаевке у женщин долгое время и костюмы были экзотические народные! Замечу, кстати, что гораздо более поздней диалектной ситуации в Канаевке была посвящена диссертация Энергины Максимовны Бравичевой (1975). А для меня с участия в экспедиции 1944 г. началась «диалектологическая деятельность», впоследствии ставшая одним из важных направлений в моей лингвистической биографии.

Осенью 1944 г. я перешла с заочного обучения в Куйбышеве на очное в Пензе. Сама процедура перехода была не вполне безболезненной. Но, вероятно, спустя годы она все равно не совсем безынтересна.

Появившись в канцелярии Пензенского пединститута, я имела наивность признаться, что (по совету А.Н. Гвоздева) я подавала заявление еще в МГУ, но оттуда ответа не получила. Услышав это признание, находившаяся здесь декан исторического факультета Наталья Петровна Никольская запротестовала: «Поступите, а потом уйдете!...» Но она куда-то вышла, а внимательно знакомившийся с моими куйбышевскими пятерками управделами Эдгар Гугович Гроссет сначала хитро-ласково спросил: «А не вы ли до сих пор числитесь у нас на заочном физмате?» А потом одобряюще посмотрел на смущенную претендентку и сказал: «Идите к директору». Директором, в нынешней терминологии это ректор, был Венедикт Григорьевич Дубов, руководивший до Пензы Абаканским учительским институтом. Приказ о зачислении он подписал сразу.

Я стала однокурсницей Веры Фелицыной. А вот Ольга Мораховская вместе с Ириной (Борисовной) Кузьминой перевелись в МГУ (с этим, видимо, и была связана настороженность Никольской). Знаменательно, что, учась в МГУ, О.Н. Мораховская, видимо, оценила и свою предшествующую пензенскую подготовку. По ее просьбе я посылала ей мои записи лекций Гвидона Романовича по современному русскому языку.

Какая была в это время обстановка в институте?

Если говорить о контингенте студентов, то на 3-ем и 4-ом курсе их было очень немного, и, видимо, недаром директор для сохранения их состава зачислил меня без проволочек. Было по одной группе (20 – 25 человек) на каждом факультете. По-моему, и факультетов было только три: наш литфак, истфак и физмат. На всех трех на 3-ем курсе – лишь двое студентов-мужчин: Сережа Абрамов (истфак) и Дима Веденяпин (физмат) – оба вернувшиеся с войны (демобилизованные после ранения). Не приходится говорить, что оба занимали важные общественные посты, а Сергей Абрамов позже был секретарем парткома и проректором института. Ни на 4-ом, ни на 1 – 2-ом курсах литфака студентов мужчин, по-моему, не было совсем.

Пензенский государственный педагогический институт.
Старое здание главного корпуса. Из фондов музея ПГПИ (http://iff.pnzgu.ru)

И после 3-го, и после 4-го выпускного курса я и Вера Фелицына ездили в диалектологические экспедиции. Вторая была в Иссинский район, а первая – в Чембарский. С нами ездили ещё Сима Макарова и (?) Мамрянкина, окончившие 2-ой курс, и Таня Дугина – студентка учительского института (как и я, бывшая ученица Городищенской школы). Руководителем был Арсений Моисеевич Пашковский. До обследуемых сел добирались то пешком, то на лошадях, предоставляемых местными администрациями. Управлять лошадьми при этом никто из нас, девиц, не умел. Как-то выручили попавшиеся на пути мальчишки: вскочили в нашу пустую (для облегчения лошадиных усилий) телегу и погнали рысью лошадь, которая до этого почти не передвигалась и казалась нам совсем больной, едва ли не подыхающей…

Многие из учившихся в мое время студенток литфака стали потом преподавателями Пензенского пединститута. Среди них были Шура (Александра Владимировна) Немешайлова, на год или на два старше меня; Зоя Дырдова, Сима (Серафима Яковлевна) Макарова, Юля (Юлия Александровна) Шаролапова-Фигаровская – на год моложе.

Каким был в 1944-1946 гг. состав преподавателей? (Говорить буду только о литфаке). Прежде всего – это был несомненно сильный преподавательский состав! Достоверно знаю, что исконным пензяком был Михаил Петрович Молебнов, тогдашний декан литфака, блестяще читавший лекции по литературе. Вместе с А.Н. Гвоздевым он в свое время работал в недолго существовавшем (1920 – 1923) Пензенском институте народного образования.

Видимо, пензенским был В.И. Попов, читавший у нас курс зарубежной литературы. Он жил где-то недалеко от небольшого «квадрата», примыкавшего к Покровской церкви (между ул.Калинина/Покровской и Гоголевской с одной стороны и Лермонтова/Садовой и Чкалова/Поперечно-Покровской с другой). В «квадрате»

этом жили большая часть гвоздевских родственников (А.Н. Гвоздев на съемной полуподвальной квартире на Гоголевской, 18 или 16), Фелицыны, Сергей Константинович Евграфов – известный преподаватель-словесник, автор методических пособий, одно время работавший и в пединституте, Строгановы, Барсуковы. В большой дружбе с Поповым были наши сверстники Женя, Евгений Васильевич Колеганов, видный пензенский краевед, Надя Лисенкова.

Остальные преподаватели были в большинстве приезжие, эвакуированные во время войны. «Чисто ленинградское» происхождение имела Евгения Марковна Иссерлин (родственница Тынянова). Она возвратилась в Ленинград в конце 1944 г. Стала ведущим научным сотрудником Института русского языка Академии Наук. По ее рекомендации туда поступила в аспирантуру и потом проработала там всю жизнь Вера Петровна Фелицына.

Не местными были Сергей Григорьевич Капленко и Арсений Моисеевич Пашковский. Не знаю о Попове, который читал у нас зарубежную литературу.

Гвидон Романович Тукумцев был, как и Е.М. Иссерлин, эвакуированным из Ленинграда. Но до Пензы он сначала попал в Иртышск, где судьба свела их семью с учительской семьей Кадькаловых (Ныне Юрий Григорьевич Кадькалов, его жена Эмилия Петровна, дочь Ольга Юрьевна Крючкова и ее дочка – это династия саратовских профессоров-лингвистов)… Работа в Пензенском пединституте не была для ленинградца Гвидона Романовича ранее не испытанной. Во-первых, в первые годы после революции он работал в уже упоминавшемся Пензенском институте народного образования. Во-вторых, пензенское происхождение имела его жена Евгения Васильевна, урожденная Назаревская. Ее отец (?) ведал пензенским лесничеством, неподалеку от сельхозтехникума. Дочь Гвидона Романовича Лада (Гвидоновна) училась в Пензе годом моложе меня. Впоследствии она, выпускница ПГПИ 1947 г., заняла пост заведующего литературной частью Ленинградского ТЮЗа. Гвидон Романович в Пензе был едва ли не самым главным моим наставником. По существу он заложил основы для моего последующего многолетнего преподавания курса «Современный русский язык».

Кстати, с 1959 до начала 2000-х гг. сын Г.Р. Будимир Гвидонович Тукумцев жил в Куйбышеве/Самаре, много лет был одним из ведущих специалистов на социологическом факультете Куйбышевского/Самарского университета. В настоящее время он сотрудник РАН в Санкт-Петербурге. Со мной у семьи Будимира Гвидоновича была постоянная связь, вплоть до совместной летней жизни (с их помощью!) на гвоздевской даче старого образца. Сам же Гвидон Романович, работавший в Пензе в 1943–1948 гг., вынужден был уехать из-за нелепого обвинения в «идеализме» от кого-то из преподавателей общественных дисциплин. Обвинение было связано с тем, что он – о ужас! – признавал коммуникативное главенство в предложении сказуемого, а не подлежащего. С 1948 по 1962 гг. (до конца жизни) работал потом в Таллинском пединституте. Он автор многих фундаментальных трудов, в том числе вузовских учебников по сопоставительному изучению русского и эстонского языков. Они разносторонне интересны для специалистов и по современному русскому языку, и по общелингвистическим теоретическим курсам.

Очень памятен мне Алексей Васильевич Рклицкий! Он вел у нас немецкий язык, а на младших курсах, как человек широко образованный, и введение в языкознание. Он был эвакуированным из Москвы, но пензенские места были для него тоже не чужие. Сестра его жены Зинаиды Васильевны Татьяна Васильевна Кузнецова жила в «Асеевке», работала фельдшером в местной больнице. (Асеевкой в быту мы называли фабричный поселок Никольский Хутор при суконной фабрике «Красный октябрь». Ныне это город Сурск в трех километрах от железнодорожной станции Асеевская). Во время отпуска Рклицкие

летом приезжали к Татьяне Васильевне. А она и Надежда Павловна Князевская, замечательный преподаватель-словесник в Николо-Хуторской («Асеевской») школе, были друзьями моих родителей. Поэтому мое знакомство с Алексеем Васильевичем относилось еще к раннему детству. В компании бездетных Татьяны Васильевны, Надежды Павловны, моих родителей и тоже бездетных Рклицких я была единственным ребенком. Алексей Васильевич был увлеченным рыболовом. Рыбачил на Суре, довольно далеко в лугах, вниз по течению реки. У него была редкая для этого времени маленькая резиновая лодочка. С согласия моих папы и мамы и к моему восторгу он брал меня, малолетку, с собой. Немножко (насколько позволяло не очень-то большое в тех местах пространство Суры) катал меня на своей лодочке. А еще готовил очень вкусный суп из сушеной селедки с пшеном!.. Суп этот запомнился навсегда. Так вот после этих ранних путешествий, которых я с нетерпением ждала каждое лето, я через 8 лет (мы уехали из Асеевки в 1936 г.) встретилась с Алексеем Васильевичем уже в другом качестве – как студентка с преподавателем. Была очень смущена… Но Алексей Васильевич, человек очень деликатный, как-то сумел нейтрализовать неловкость.

В Пензе Алексей Васильевич был очень любимым и уважаемым преподавателем. С ноября 1942 по февраль 1944 гг. он заведовал кафедрой русского языка. Но кончилась эта пензенская жизнь в военную пору для них с Зинаидой Васильевной плохо. Она, живя в Асеевке у сестры, была поражена летаргическим сном. Умерла… Алексей Васильевич в своей институтской комнатенке, о которой ниже я еще скажу, простудился, заболел воспалением легких, уехал в Асеевку, там скончался…

Преподаватели литфака, не связанные изначально с пензенскими краями, впоследствии разъехались. Не остались в Пензе Арсений Моисеевич Пашковский, Сергей Григорьевич Капленко.

Теперь немного о том, что представляла собой территория Пензенского пединститута. Это была, как и теперь, та же «парковая» зона. Только тогда единственным учебным корпусом было здание бывшей учительской семинарии, на месте которого теперь стоит главный учебный корпус пединститута. Справа и слева от него были старые скромные двухэтажные дома, где жили преподаватели. А небольшое студенческое общежитие располагалось на улице Куйбышева, в квартале от Тамбовской. В общежитии студенты жили по 10 – 15 человек в комнате. В годы учебы я была один – два раза в здании слева (если смотреть со стороны улицы). Там в тесной комнате с дырявым окном, заткнутым подушкой, и жил Алексей Васильевич Рклицкий. Без жены. Она оставалась у сестры в Асеевке.

В глубине территории, унаследованной институтом от ПОСа (показательно-образцовая станция, как объяснила О.Б. Гвоздева), справа, в маленьком домике жили тетки Серафимы Максимовны Гвоздевой (урожденной Шиллеровой) – жены Бориса Николаевича Гвоздева. Тоже по наследству от ПОСа одной из этих старых женщин-сестер – Софье Тимофеевне Зефировой (другая была Антонина Тимофеевна) досталась в пединституте в те ранние годы должность библиотекаря.

С домом справа от центрального корпуса я познакомилась позже. Там в одной из комнат коммунальной квартиры жил в первые годы своей работы в Пензе Василий Данилович Бондалетов, окончивший в 1951 г. аспирантуру в Куйбышевском педагогическом. Вот, наверное, все, что я могу рассказать о ранних годах существования Пензенского института.

Ю.А. Храмов

МУЗЕЙ П.И. ЗАМОЙСКОГО

Когда-то давно, как гласит народное предание, «здесь были настолько глухие и дикие места, что водились соболи». Отсюда и «Соболёвка», теперь небольшое село Каменского района[1]. Свою историю оно ведёт с первой половины XVIII в. Владели селом помещики Владыкины. В 1851 г. в Соболёвке был построен деревянный храм во имя святого Леонида, где священником в конце XIX в. служил Фёдор Керенский, родственник известной семьи. Недалеко от этого храма стояла изба обедневших крестьян Зевалкиных, где 13 (26) июня 1896 г. родился мальчик Пётр, ставший позднее известным советским писателем П.И. Замойским[2].

На долю Петра Ивановича выпало немало испытаний, пройденная им закалка русской деревней и той мятежной эпохой, не только сформировали образ борца за народную справедливость, но и дали неоценимый материал для будущего творчества. С девяти лет он пас стадо в родном селе, а после окончания Соболёвского начального училища, из-за крайней бедности, был вынужден работать «половым» в одном из трактиров Пензы. Из губернского центра был мобилизован на Первую мировую войну, откуда в 1916 г. с тяжёлым ранением левой руки вернулся в родное село. Вступив в большевистскую партию после Октябрьской революции, Пётр Иванович работал в Чембарском городском и уездном комитетах, где вёл большую культурно-просветительскую и организационную деятельность. В эти же годы появляются в печати его рассказы и пьесы.

Тяга к знаниям, жажда литературной деятельности, заставили Петра Ивановича оставить родные места и уехать в Москву. После окончания Высшего литературно-художественного института им. Брюсова, он являлся одним из руководителей Всероссийского общества крестьянских писателей.

В 1922–1936 гг. Замойский работает над романом «Лапти», ставшим основным в творчестве писателя. «Созданный на остром и драматическом материале пензенской деревни, роман сразу же поставил имя автора в первые ряды прозаиков России, покорив читателя глубоким знанием деревенского быта и языка»[3]. По признанию самого Замойского, источником для романа послужили быт и реалии родной Соболёвки (в романе – Леонидовка, вероятно, по церкви) и Чембара (ныне г. Белинский).

В конце 1930-х гг. П.И. Замойский подвергался репрессиям как «антисталинист-одиночка», но «за отсутствием состава преступления» был отпущен. В годы Великой Отечественной войны Пётр Иванович вместе с семьёй жил в Соболёвке, где много писал на военно-патриотическую тему. После завершает написание автобиографической трилогии «Подпасок»,

Письменный прибор П.И. Замойского (на столе справа) и самовар с подносом. Из экспозиции музея П.И. Замойского. Фото автора, 2015 г.

«Молодость», «Восход». Книги Замойского издавались не только в нашей стране, но и за рубежом (Болгария, Германия, Польша, Чехословакия). Последние годы жизни П.И. Замойский провёл в столице. Вплоть до своей смерти, последовавшей 21 июня 1958 г., писатель держал связь с родным селом, интересовался событиями и нуждами его жителей.

Благодарные потомки сохранили память о своём земляке. В его честь названы улицы в городах Пензе, Каменке, Белинском. В 1966 г. на родине писателя была установлена мемориальная доска (сейчас на здании сельского клуба), а к 80-летнию Замойского в 1976 г. в Соболёвке был торжественно открыт небольшой сквер с памятным камнем. К 90-летию писателя преподаватели Соболёвской школы во главе с директором Л.Н. Макаровой и завучем Г.В. Румянковой, решили создать музей. Поддержку им тогда оказали Каменский районный отдел образования и райком партии. Помогали, кто, чем мог:

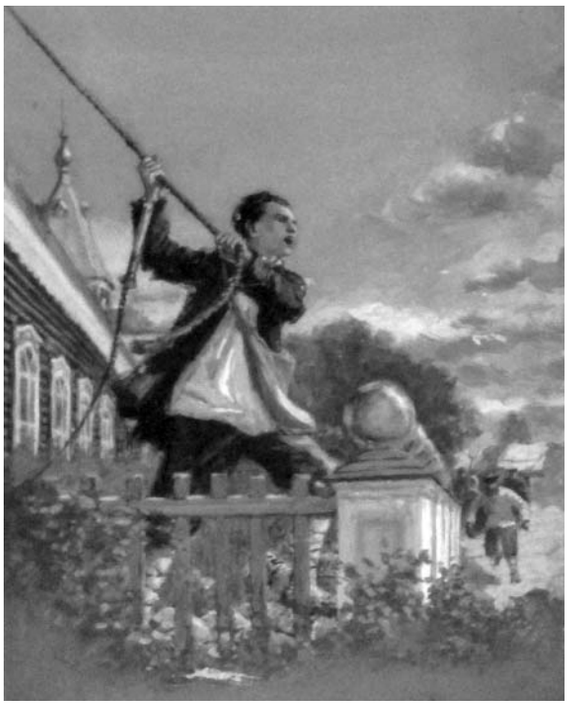
Памятный камень в с. Соболевка

односельчане приносили предметы крестьянского быта конца XIX–начала XX в., школьники мастерили макеты и вели поисковую работу. Неоценимую помощь в подборе экспонатов оказали родственники самого писателя.

26 июня 1986 г. музей П.И. Замойского принял первых посетителей. Сейчас он располагается в одном просторном зале в здании начальной школы. Представленные здесь экспонаты и материалы позволяют проследить жизненный путь писателя, узнать основные моменты его творческой биографии, а также отдельные события из истории с. Соболёвки.

Далёкое крестьянское детство писателя хранит небольшой деревянный сундук, переданный из избы Зевалкиных его младшей сестрой Александрой. Рядом представлены предметы крестьянского обихода столетней давности: глиняные горшки-кринки, ухваты, гребень для чески шерсти, прялка, вышитые домотканые полотенца и, конечно же, лапти. Здесь же экспонируется макет бревенчатой крытой соломой избы, где родился и провёл своё детство писатель.

Мемориальную ценность имеет письменный прибор чёрного цвета (чернильница), которым уже, будучи известным писателем, пользовался сам Пётр Иванович. Это прибор был подарен местной школе его женой Ниной Павловной. Кроме того, посетители здесь же могут видеть самовар с оригинальным подносом



из подмосковной дачи Замойских в Старой Рузе. Там писатель некоторое время жил с семьёй до и после войны.

Основные вехи биографии Замойского можно проследить по представленным на стендах фотографиям. Вот Пётр – солдат Первой мировой войны после ранения, вот он с матерью Ариной Ивановной и младшим братом Семёном. Вот Пётр Иванович уже партийный работник, а вот он в президиуме I губернской конференции крестьянский писателей… На этих чёрно-белых снимках застыла сама история. «Мы Несторы и Пимены великого, пламенеющего, раскалённого времени. От нас зависит, чтобы поколения получили правду о нём из первых рук» – любил говорить Замойский.

Эти фотографии, как и упомянутый ранее самовар, были переданы дочерью писателя Зинаидой Петровной в 1985–1986 гг.

Поистине бесценным украшением музея стали подлинники иллюстраций к произведениям писателя, подаренные народным художником России из Пензы Б.И. Лебедевым. Бориса Ивановича связывали с Замойским долгие годы плодотворного сотрудничества, перешедшие в искреннюю дружбу.

Иллюстрации Б.И. Лебедева к повести П.И. Замойского «Подпасок». Из фондов музея П.И. Замойского

В музее собрана небольшая книжная коллекция. Это издания сочинений писателя разных лет, присланные в дар московской библиотекой им. Замойского, а также книги с дарственными автографами его детей. «Содержательная, глубокая экспозиция музея, созданная стараниями коллектива школы, должна помочь воспитанию патриотизма, сохранению в благодарной памяти потомков тех, кто посвятил своё творчество народу» – гласит надпись дочери писателя на одной из этих книг.

Так оно и есть. Вот уже несколько поколений соболёвских школьников (и не только) приходят в этот скромный музей, чтобы узнать о прошлом русской деревни, и своём земляке, так мастерски живописавшим её в своём творчестве.

Примечания

1. Если у первого от областного центра поворота на город Каменку (по трассе Пенза – Тамбов) свернуть по дороге влево, затем миновав село Максимовку, снова повернуть налево и доехать до перекрёстка, вы увидите указатель «Владыкино. Соболёвка». Следуйте по направлению второго.

2. Псевдоним Петра Ивановича, принятый им в 1920 г.

3. *Замойский Л.П., Савин О.М.* Петр Замойский. Судьба. Творчество. Память. Пенза, 2001. С. 5.

А.Ф. Тарасов

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ БОГОСЛОВСКОЙ ШКОЛЫ

В 2015 г. Богословской школе исполняется 140 лет. Село Богословка возникла в 1711 г., а первая школа в 1875 г. У помещика были учителя-гувернёры, которые учили, воспитывали его детей, а крестьянские дети вообще грамоте не обучались. Школа называлась сельским училищем. «Училищем здесь занято небольшое здание, на его содержание общество ассигнует всего только пятьдесят рублей в год, из этой суммы уплачивается жалование сторожу шестнадцать рублей, покупаются дрова, в год сажени четыре по шесть рублей и делаются другие издержки. Что же может остаться на пособие мальчикам, на учебные пособия, на поправку училищного здания. Год от года здание стареет и приходит в ветхость, в щели между ставнями свищет ветер так, что как тепло не оденься, чувствуешь как в спину и шею дует ветер. В морозы промерзают насквозь углы, холод утром в школе не выносимый, так что руки и ноги зябнут, а потому поневоле приходится сидеть в ней в валенках, сапогах, полушубках. Когда затопится – промёрзшие углы отходят, делаются мокрыми, и от теплоты начинаются преть, вследствие чего, воздух в школе делается самый удушливый, прелый и тяжёлый для дыхания и головы, углы покрываются зеленью», – писал учитель этой школы в 1872 г. в « Губернских ведомостях». Около школы находился ещё и пожарный сарай, в котором были колоды с водой, лошади. Мокрота, грязь, зловоние от навоза и от мокроты портят воздух школы и летом нельзя было открыть окно. В таких страшных условиях находились дети и сам учитель. У всех была головная боль, а у учителя была при школе комната «где стены сплошь покрыты сыростью, заражающего воздуха». Учитель обращается к местной власти: «Не худо бы изменить грустную обстановку богословского училища. Само Богословское общество по недостатку средств едва ли может сделать, это без посредства благотворителей или земства». В училище обучались одни мальчики, девочек родители не пускали, так как их матери приучали к семейной жизни, прививали навыки ткачества, шитья, стирки, приготовления пищи. На первом плане было изучение закона Божьего, который вёл священник местной церкви. Батюшка был очень строгий. Прошло четыре года, положение в училище изменилось в лучшую сторону, на обучение двадцати восьми учеников в 1886 г. было израсходовано триста шестьдесят рублей. Семь человек закончили полный курс начального обучения, а остальные бросили из-за тяжелого материального положения семьи.

На стр. 64 приводится список учеников Богословского училища за май месяц 1889 г. (окончивших курс)[1].

Как видно из таблицы ученики закончили школу с хорошими результатами, среди мальчиков была единственная девочка, которой родители разрешили учиться. В 1908 г. школу окончило 10 учеников и среди них Спиридон Сергеевич Глухов. В нашем школьном музее хранится свидетельство Глухова об окончании Богословского сельского училища. Один из выпускников школы Дмитрий Николаевич Широков в 1978 г. вспоминал: «Богословская школа была очень маленькая, учил один учитель. В 1909–1911 гг. обучалось 30 учеников. Было трудно. Не хватало учебников, в классе очень было холодно. Учительница старалась научить нас читать, писать, считать. Батюшка строго спрашивал знания по Закону Божьему». В 1912 г. училище закончили 9 мальчиков: Василий Иванович Володин, Георгий Александрович Кирюхин – за отличную учебу получили похвальные листы, Игнатий Николаевич Володин, Иван Трифонович Денисов, Николай Иванович Денисов, Герасим Степанович Кузьмин, Яков Васильевич Лягин, Андрей Павлович Никишин. Учителем была Кирюхина, Закон Божий вел священник Кирюхин[2]. Неграмотность в Богословке к 1914 г. составила 90%.

№ п/п	Ф.И.О. уч-ся сословие или звание	Вероисповедание	Дата рождения	Закон Божий	Чтение	Письмо	Арифметика
1.	Володин Андрей Николаевич (крестьянин-собственник)	православие	17.10. 1877	4	5	3	5
2.	Курышов Федор Захарович (крестьянин)	православие	10.05. 1877	4	4	3	3
3.	Володин Николай Иванович	православие	07.05. 1877	4	5	4	5
4.	Плаксин Федор Никандрович (крестьянин)	православие	10.05. 1878	5	4	5	5
5.	Котлов Егор Иванович (крестьянин)	православие	22.08. 1877	5	5	5	5
6.	Широков Степан Демидович	православие	14.12. 1877	4	5	5	4
7.	Тяпкина Наталья Петровна (дочь мещанина)	православие	26.08. 1878	4	5	3	4

Например, в семье Андрея Зиновьевича Лифанова жена, дочери не умели писать, читать, в семье Павла Игнатьевича Никишина – жена 48 лет, сноха 23 лет, дочь 12 лет тоже не умели писать, читать[3]. Такое положение наблюдалось во многих семьях. Улучшение в образовании произошло после Октябрьской революции. Новая власть уделяла большое внимание проблеме обучения. В это время школу в Богословке переводят в дом священника. При школе создается ШКМ (школа крестьянской молодежи), общество «Долой неграмотность», при избе-читальне-ликбез. В 1917–1920 гг. в школе работали Дмитрий Николаевич Рогонов, Татьяна Николаевна Богоявленская, Анастасия Епифановна Нечаева, Ефим Федорович Кучурин. Они имели большой стаж педагогической работы заканчивали гимназии, уездные училища, но в Богословской школе работали не очень долго[4]. В январе 1924 г. школа временно закрывается, т.к. было мало учеников. Осенью этого же года она открывается и к 1925 г. в школе уже обучалось 40 учеников. Заведующей школой была Елизавета Александровна Галактионова. Она вела занятия по группам, уделяла большое внимание и ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Вела очень большую работу среди женщин, агитировала их заниматься, часто устраивала собрания, сама возглавляла общество «Долой неграмотность!» (ОДН).

20 сентября 1925 г. Состоялось заседание правления ячейки ОДН им. В.И. Ленина при Богословской избе-читальне. Решили: собрать неграмотных в ближайшее свободное время, т.е. по окончании полевых работ, провести с ними беседу о пользе обучения грамоте. Обучение проводить по вечерам. Провести женское собрание с повесткой « Участие женщин в общественной жизни, об уничтожении посиделок, об организации ячейки женотдела и яслей». Вести агитацию на общих собраниях о борьбе с неграмотностью, устраивать в избе-читальне чтение лекций, докладов, спектакли на тему о пользе грамотности, привлекать новых членов в ячейку[5]. Работа такая была налажена. Женщины, девушки, старики стали по-

сещать избу-читальню, школу. Долгими зимними вечерами они постигали азы грамотности. Выводили первые слова: «Мы не рабы, рабы не мы». В 1920-х гг. здание школы находилось в плачевном состоянии, внутри школы тоже требовался ремонт и заведующая школой обратилась в Волостной исполком с просьбой о помощи: «1. Обшивка стоимостью 10 руб., ремонт печей – одной русской и одной голландской – 20 руб. 2. Исправление парт и скамеек – 15 руб. 3. Постройка туалета – 20 руб. 4. Вставка стекол в рамы и промазка их – 60 руб.»[6]. Школа вынуждена была сдавать в аренду сад, школьный сарай. При школе был создан кооператив, в работе с учениками помогал школьный совет, куда входили наиболее авторитетные граждане села. Учитель указала на порядок и аккуратность посещения школы и содержания детей в опрятном виде. На заседании комитета содействия Богословской школе I ступени было решено: «...произвести сбор по 50 коп. с каждого ученика, желающего учиться в местной школе, а для дальнейшего усиления средств кооператива возбудить ходатайство перед пензенским Волисполкомом о разрешении продажи бани и части сарая, находящихся при школе, которые совершенно бездействуют»[7]. Для сбора денежных средств с учеников в школе был организован школьный совет. Так, на заседании этого совета 13 ноября 1925 г. было принято решение: «…поручить правлению собрать по 5 коп. с учеников членских взносов. Чернила – 2 коп., пузырек, тетрадь – 4 коп. Отчислить 50 коп. на вечер к новому году, чтобы приобрести лампу… В день смерти В.И. Ленина намечалось провести демонстрацию, а вечером торжественное заседание с литературным чтением. 22 января – в день кровавого воскресения провести демонстрацию, а вечером торжественное заседание и литературное отделение»[8]. Из документов того времени видно, что в школе на высоком уровне велись уроки, уделялось большое внимание внеклассной работе, был тесный контакт учителя с общественностью села. Школьный совет, комитет содействия школе вели значительную работу среди школьников и их родителей.

Прошли десятилетия, ушли в прошлое 1920-е гг. В настоящее время в селе стоит трехэтажное здание школы, со светлыми, теплыми классами. Имеется компьютерный класс, спортзал, актовый зал, библиотека, школьный музей, столовая. Об этом только могли мечтать ребятишки 1920-х гг. В школе обучается более 400 учащихся и для этого созданы все необходимые условия. В школе преподают талантливые учителя. Многие учащиеся окончили школу с медалями. Гордостью школы являются Сергей Анатольевич Сурков, который героически сражался в Чечне и посмертно награжден Орденом Мужества. Его имя носят одна из улиц в Богословке и школа, которую он окончил в 1986 г., Виктор Михайлович Володин – доктор экономических наук, профессор, декан факультета экономики и управления Пензенского государственного университета (ПГУ), Светлана Михайловна Хабарова – кандидат педагогических наук, доцент ПГУ. Многие наши выпускники стали врачами, учителями, инженерами. Занимают высокие должности в сфере науки, сельского хозяйства, промышленности. Наши выпускники – прекрасные мамы, папы. Слава о наших учителях идет за пределами Пензенской области.

А.Н. Размоскина – заслуженный учитель школы РФ, С.Т. Полянскова – отличник образования РСФСР и СССР, 12 учителей – Почетные работники образования, многие награждены грамотами Министерства образования РФ.

Примечания

1. ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1367.
2. Там же.
3. Там же.
4. Воспоминания Д.Н. Широкова – архив автора.
5. ГАПО. Ф.-р. 534. Оп. 2.Д. 9. Л. 145.
6. Там же. Ф. р. 532. Оп. 2. Д. 12.
7. Там же. Ф.-р. 534. Оп. 2. Д. 35.
8. Там же. Ф.-р. 534. Оп. 2. Д. 18.

Т. А. Кайманова

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЭКСКУРСИИ

Разработка новой экскурсии представляет собой сложный процесс, который включает 16 последовательных этапов.

1. Выбор темы экскурсии и ее названия. Под темой следует понимать предмет рассуждения, это главная мысль экскурсии, согласно которой строится показ и рассказ. К теме предъявляются следующие требования: актуальность, значимость, связь с современностью. Формулировка темы представляет собой концентрированное изложение основного содержания экскурсии. Темой экскурсии может быть литературная, историко-археологическая и др. Она является стержнем, который объединяет все объекты и подтемы экскурсии в единое целое. Тема обзорной экскурсии по городу определяется как «Памятные места и достопримечательности Пензы». Но какова идея экскурсии, каков ее сквозной образ? Если экскурсовод раскрывает тему «В Пензе вся история России», то город получит образ провинции, влияющей на судьбу страны и питающей столицу своими гениальными представителями, иначе он останется в восприятии экскурсантов как обычный провинциальный городок.

Тему экскурсии не следует отождествлять с её названием. В зависимости от состава экскурсионной группы или задач одна и та же экскурсия может иметь несколько названий. К примеру, обзорная экскурсия о достопримечательностях города для взрослого населения носит название «В Пензе вся история России», а вариант для детской аудитории – «Первые шаги по городу», для гостей Пензы – «Непровинциальная провинция». Название экскурсии – это её имя, выражающее содержание и идею, это тема в свернутом виде, её водяной знак. Название обозначает или предмет повествования, событие («Пенза в годы Великой Отечественной войны»), или ориентирует на место действия, связанное с событием («В таинственное Сазанье»), или может символизировать образ, дающий обобщенное представление о развитии темы («Золотарёвская Троя»). Экскурсия в Вадинск, бывший Керенск, славный своей историей и монастырем, носит название «В коронованный Керенск» – наименование точно и лаконично отсылает к истории населенного пункта: Керенск – единственный город, получивший от Екатерины Великой за верность и мужество царскую корону на шпиль соборного храма. Название активизирует внимание экскурсантов, заинтересовывает, подготавливает аудиторию. Оно служит средством привлечения туристов, поэтому должно быть информативным, емким, выразительным и интригующим: «Наровчат как Москва, только красивее» и т.п. Следует остерегаться однообразия и штампов («По памятным местам Городищенского района», «По памятным местам Наровчатского района»). Также отрицательную ассоциацию вызывает придуманное с благими намерениями название экскурсии в монастырь «К покойному месту».

Общие требования к названию экскурсии: содержательный смысл, индиви-

дуальность, точность, образность, легкость запоминания, благозвучие, отсутствие отрицательных ассоциаций, штампов и аббревиатур. Идеально, если тема, название и содержание соответствуют друг другу. Примером такого удачного названия может служить экскурсия в Ульяновск «Венцы Симбирска». Название отражает содержание: вершины истории Симбирска-Ульяновска, в котором самое привлекательное место – Венец как эмблема Симбирска, а великие люди города как венцы истории.

Название экскурсии – это и показатель подготовки специалиста, его творческого отношения к делу.

2. Определение цели и задач экскурсии. Цель экскурсии – это главное, ради чего ведется показ экскурсионных объектов и рассказ экскурсовода о них. Целью экскурсии может быть: утверждение светлых, духовно-нравственных начал, формирующих здоровое народное сознание, систему ценностей; формирование уважительного отношения к истории и культуре своей страны, любви к родному краю; бережного отношения к памятникам истории, к природе; эстетическое воспитание. Цель религиозной экскурсии можно определить словами Н.В. Гоголя: «Просветить – значит высветлить человека». Если целью экскурсантов является посещение святых мест, обретение духовного утешения, то целью экскурсии – формирование добрых чувств.

Задача всегда более конкретна, локальна. Под задачей экскурсии следует понимать действие, требующее исполнения, разрешения: показать, познакомить с памятниками истории, рассказать об истории города и жизни выдающихся людей. Задачи экскурсии служат основой для вступительного слова к экскурсии.

3. Подбор литературных источников информации. При разработке экскурсии используются нормативные документы по изучаемым вопросам соответствующих министерств и ведомств, а также литература: специальная; учебная; научная; краеведческая; художественная.

4. Определение других источников информации. К другим источникам информации относятся: экспонаты экспозиций и фондов музеев; материалы, хранящиеся в государственных и личных архивах; фотодокументы; аудио- и видеозаписи воспоминаний участников и очевидцев событий; научно-популярные, документальные, учебные и художественные фильмы.

5. Изучение источников информации. При изучении любого источника информации по теме экскурсии рекомендуется использовать конспект – краткое логическое изложение (план прочитанного; тезисы; фактический материал). Особое внимание следует обратить на цитаты и правильное их оформление. Они потребуются как при проектировании экскурсии, так и при её проведении, когда цитата используется в качестве приема рассказа. Цитата – точная выдержка (выписка) из произведения (документа). Целесообразно такие выписки делать на отдельных карточках, которые впоследствии могут быть использованы в рассказе начинающего экскурсовода (опытный экскурсовод цитаты воспроизводит наизусть). Кроме самой цитаты в карточке указываются: фамилия автора; название произведения; место издания и издательство; год издания; том, раздел, страница; название и место нахождение библиотеки, архива, музея, где хранится документ. Эти сведения необходимы, чтобы оперировать в доказательствах и подтверждениях, отвечая на вопросы любознательных туристов.

6. Ознакомление с экспозициями и фондами музеев. В проектируемой экскурсии при раскрытии определенной подтемы может быть предусмотрено посещение музея экскурсантами в начале, по ходу экскурсии или в заключительной части маршрута. Прослушивание экскурсии в музее и изучение его экспозиции при проектировании нового турпродукта особенно необходимо в том случае, если маршрут экскурсии завершается в музейном комплексе и конечная цель экскурсии состоит в посещении музея. Таковы экскурсии в музей-усадьбу А.Н. Радищева,

В.Г. Белинского, Лермонтовский музей-заповедник и др. В данном случае ознакомление способствует разграничению информации, которая излагается в дорожной экскурсии, и той, что звучит в музее. Чтобы не было повтора, экскурсия в музей строится на расположенных по маршруту объектах и, предваряя музейную экскурсию, подготавливает экскурсанта к восприятию музейной экспозиции и той общей темы, которая связывает обе экскурсии. Подтемы и вопросы дорожной экскурсии ни в коей мере не должны затрагивать подтемы музейной экскурсии. Если в Лермонтовском музее-заповеднике раскрываются вопросы и подтемы о детстве поэта, семейных отношениях бабушки и отца, о пребывании в Тарханах и т.п., то в дорожной экскурсии эти подтемы затрагивать не рекомендуется, а внимание следует уделить характеристике губернской Пензы лермонтовского времени, современников поэта, живших и бывавших в Пензенском крае.

7. Отбор и изучение экскурсионных объектов. Это один из главных этапов в проектировании экскурсии. Следует запомнить: экскурсия без показа объектов – это лекция на колесах; отбирать для показа необходимо только те объекты, которые имеют непосредственное отношение к заявленной теме, и в первую очередь – памятники культурно-исторического наследия. В качестве экскурсионных объектов могут выступать:

- места, связанные с историческими событиями (крепость, мемориальная доска, памятный камень, поле битвы);

- здания и сооружения (мемориальные памятники и комплексы, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся людей; памятники архитектуры и градостроительства; оригинальные инженерные сооружения; здания культовой архитектуры);

- памятники археологии (курган, городище, оборонительный земляной вал);

- памятники искусства (произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного искусства);

Народный дом им. В.Г. Белинского, г. Белинский (Чембар). Построен в 1914 г.

- экспозиции музеев, картинных галерей, выставок;

- природные объекты (лес, роща, река, парк, заповедник, отдельные растения).

Экскурсионные объекты классифицируются по содержанию, функциональному назначению, степени сохранности. По содержанию различают объекты: а) одноплановые (растение, дом, произведение живописи); б) многоплановые (произведение архитектуры, лес, площадь, улица). По функциональному назначению можно выделить объекты: а) основные, на которых раскрываются подтемы (бюст М.Ю. Лермонтова в подтеме «Лермонтов в памяти поколений»); б) дополнительные, которые можно показать во время переездов, логических переходов (улица Лермонтова). По степени сохранности выделяют объекты: а) сохранившиеся полностью (здание Народного дома в городе Белинском, губернаторский дом в Пензе); б) перестроенные (здание бывшего костела); в) восстановленные (дом Е.А. Арсеньевой в селе Лермонтово, дом Радищевых в селе Радищево, Спасский кафедральный собор в Пензе).

При обилии объектов, связанных с темой, особое внимание следует уделить их правильному отбору. Существуют определенные критерии отбора экскурсионных объектов:

1. Познавательная ценность, информативность, т.е. связь с историческим собы-

тием, жизнью замечательных людей или наличие художественных достоинств, которые можно использовать в эстетическом воспитании участников экскурсии.

2. Доступность объекта, его удобное месторасположение (расстояние до памятника, пригодность дороги для экскурсионного автобуса, удобство подъезда к нему, наличие места для расположения группы и осмотра памятника).

3. Безопасность объекта.

4. Сохранность – способность своим внешним видом (сохранностью) вызывать положительные эмоции у экскурсантов.

5. Известность объекта. Это свойство привлекает туристов – они стремятся воочию увидеть популярные памятники, к которым относятся Золотые ворота во Владимире или музей одной картины в Пензе.

6. Необычность, экзотичность, неповторимость объекта. К таким экскурсионным объектам относится не только граница Европы и Азии или экватор, где туристы могут установить яйцо на шляпку гвоздя или сделать фотографию, поставив ногу на букву «Э», символизирующую середину земного шара. К необычным объектам в местном масштабе можно причислить и памятный знак на месте географического центра Пензенской области – в селе Загоскино, и пещерный комплекс в Наровчате, и памятный камень на самой высокой точке Пензенского края. Экзотичность объекту придают легенды или исторические события, произошедшие в данном месте.

7. Выразительность объекта подразумевает внешнюю привлекательность как самого объекта, так и его взаимодействие с окружающей средой. Такие частные свойства экскурсионного объекта, как экзотичность, выразительность, уникальность, входят в понятие аттрактивность, которая максимально определяет уровень эстетической оценки ресурса и его избирательность. Привлекательный объект «зовет» и будет «отзываться» воспоминаниями.

Оценка объектов по критериям дает возможность выбрать для раскрытия темы нужное их количество. Экскурсия не должна быть перенасыщена объектами: это приведет к поверхностному освещению темы. Для городской экскурсии продолжительностью три-четыре академических часа рекомендуется использовать не более 15–20 объектов; для тематической экскурсии их может быть восемьдесять. Следует избегать однообразия демонстрируемых объектов. Так, обзорная экскурсия не может быть построена только на памятниках монументально-изобразительного искусства – в зрительный ряд обязательно вводятся здания, площади, река, панорама города и пр. В загородной экскурсии объектами показа выступают: панорама населенного пункта, видимые издали части строений (колокольня, башня), художественно выполненные придорожные стелы при въезде в город или в пределы района, области.

По возможности у каждой экскурсионной темы должны быть свои объекты. Нежелательно, чтобы одни и те же объекты переходили из экскурсии в экскурсию. Но иногда памятник показывается в ряде экскурсий: обзорной и тематической (архитектурной, искусствоведческой, литературной и др.). В этом случае при показе должны быть выявлены те особенности, которые не нашли отражения в других экскурсиях, необходимо использовать иной фактический материал, другие методические приемы показа.

Помимо указанных критериев отбор объектов следует осуществлять, учитывая особенности темы экскурсии. Если экскурсия посвящена жизни и деятельности великого человека, то объектами могут служить:

- здания, в которых он жил, учился, работал (жилые, общественные, промышленные);

- памятные места, которые посещал, где проходили встречи, выступления, конференции;

- здания, в которых жили его родственники или друзья, и на основе показа которых можно раскрыть подтему «Родословная» или «Друзья и знакомые»;

- здания и сооружения, которые он упоминал в своих произведениях, письмах, дневниках;

- объекты, названные его именем (сквер, библиотека, учебное заведение, улица и пр.);

- произведения искусства, увековечивающие его память (скульптурный памятник, памятный знак, панно и пр.);

- объекты, опосредованно связанные с его памятью (театр, в котором поставлен спектакль о нем или по его произведению; университет, где проходят ежегодные конференции по изучению его наследия).

В ходе подготовки экскурсии объект нужно изучать на месте его расположения, наблюдать за ним, выявлять его различные стороны. Необходимо заранее определить место расположения группы у объекта, чтобы потом свободно ориентироваться у памятника, квалифицированно вести его показ и давать четкую словесную характеристику.

Экскурсоводческая практика

Отбор объектов показа
в городской тематической экскурсии
"В.Г. Белинский в Пензе"

1. Здание бывшей мужской гимназии (ныне Литературный музей), где учился Виссарион Белинский, а также прототип героя трагедии «Дмитрий Калинин»; Василий Инсарский – автор воспоминаний о Белинском. Директором гимназии был И.И. Лажечников – первый биограф Белинского.

2. Мемориальная доска на доме № 11 на улице Московской, где жил директор гимназии и народных училищ Пензенской губернии И.И. Лажечников.

3. Улица Пешая (ныне улица Куйбышева), где в доме № 16 жил Белинский-гимназист.

4. Улица В.Г. Белинского, бюст В.Г. Белинского, здание бывшего Народного дома им. В.Г. Белинского (ныне историческое здание библиотеки им. М.Ю.Лермонтова).

5. Театральная площадь, здание театра, на сцене которого шла пьеса В.Г. Белинского «Дмитрий Калинин» и образ критика воплощался в различных спектаклях; памятник Белинскому-критику.

7. Здание гимназии № 1 им. В.Г. Белинского, где в 1911 г. установлена первая мемориальная доска выдающемуся критику.

8. Парк им. В.Г. Белинского, бюст В.Г. Белинского на месте первого в России бюста критику.

9. Здание историко-филологического факультета педагогического института им. В.Г. Белинского, памятник Белинскому-студенту.

(Данная экскурсия может быть как самостоятельной, так и являться первой частью (подтемой) загородной экскурсии «Чембарские истории» с посещением музея-усадьбы В.Г. Белинского).

* * *

На все отобранные объекты показа составляются карточки, или паспорта, куда вносят все выявленные сведения об объекте. В паспорт включают сведения, разносторонне характеризующие экскурсионный объект:

1. Вид памятника: памятник монументального искусства; памятник истории и культуры; место битвы или др.

2. Наименование объекта: первоначальное и современное, а также название, под которым памятник известен у населения (монумент Славы, или Росток; село Подгорное, бывшее Свинуха).

3. События, связанные с ним, даты свершения данных событий.

4. Местонахождение объекта, почтовый адрес, на чьей территории расположен (город, предприятие, хозяйство и пр.).

5. Описание объекта (дата сооружения, материал, из которого изготовлен, стиль, характеристика, текст мемориальной надписи).

6. Данные об авторах объекта.

7. Сохранность объекта (состояние памятника, дата реставрации или реконструкции, прогнозируемые изменения).

8. Охрана объекта (на кого возложена, когда, каким решением).

9. Безопасность при его посещении, наличие площадки для размещения экскурсионной группы.

10. Перечень экскурсий, в которых объект используется.

11. Источники сведений об объекте (литература, где описан памятник и связанные с ним события, архивные данные, устные предания и др.).

12. Фотография объекта или другой иллюстративный материал.

13. Дата составления карточки, фамилия и должность составителя.

В зависимости от вида экскурсионного объекта в паспорт могут входить иные сведения.

Экскурсоводческая практика

Карточка объекта № 1

Вид: памятник монументального искусства.

Наименование: памятник княгине Нарчатке.

Местонахождение: село Наровчат, на берегу реки Мокши.

Дата сооружения: 2011 г.

Историческое событие: памятник установлен в честь 650-летия Наровчата – самого старого населенного пункта Пензенской области. Инициатором создания памятника выступило Наровчатское землячество. Впервые Наровчат упоминается в Троицкой летописи за 1361 г., но к тому времени уже существовал легендарный город Мохши – улусный центр Золотой Орды, основанный на плодородных наровчатских землях. Согласно легенде в XIII в. здесь правила мордовская (по другой версии – буртасская) княгиня Нарчатка. Во время татаро-монгольского нашествия 1236 г. храбрая воительница Нарчатка выступила со своим войском против хана Батыя, защищая свои земли. Памятник увековечил легендарную героиню мордовского эпоса.

Описание: памятник общей высотой 5,5 м представляет собой белого цвета постамент высотой 3 м, на котором, как на гребне волны, установлена величественная фигура княгини-воительницы в военных доспехах – со щитом и мечом. Ликом своим Нарчатка обращена к Наровчату.

Фигура выполнена из пластика, покрашенного под светлую бронзу. На постаменте укреплена табличка с надписью «Сквозь время её имя бессмертно, в наши дни о ней память жива». Площадка вокруг памятника благоустроена, с парапетом-ограждением.

Автор сооружения: скульптор Н.И. Береснев – преподаватель Пензенского художественного училища.

Сохранность: полная

Источники сведений: Наша Пенза. 2011. 6 октября.

Использование в экскурсиях: «Наровчат как Москва, только красивее».

* * *

Карточка объекта № 2

Вид объекта: архитектурное сооружение, здание.

Наименование: здание областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова. Название

в народе: новое здание Лермонтовской библиотеки в Арбекове.

Местонахождение: жилой район Арбеково, проспект Строителей, д. 168-А.

Историческое событие и даты: Библиотека им. Лермонтова была открыта по инициативе Лермонтовского добровольного общества в 1892 г., к 50-летию со дня гибели Лермонтова. Первоначально располагалась на ул. Московской, затем на ул. Пешей (здания не сохранились). В 1928 г. переведена в здание на ул. Белинского, 10. В 2012 г. библиотека переехала в новое, специально построенное здание.

Автор проекта: архитектор Л. Лутикова

Описание: Сооружение представляет собой крупномасштабное многоуровневое здание современного стиля. Главная часть выполнена в форме многоэтажного цилиндра. Первый и верхний ярусы подчеркнуты колоннадой. Перед главным фасадом, который облицован керамогранитной плиткой и стеклом, расположена крытая колоннада. Яркое членение на нижний и верхний объемы, опоясывающие балконы-галереи скрадывают излишнюю монотонность темного стекла. Архитектура соответствует функциональному назначению здания: это хранилище книг.

Пространство библиотеки разделено на три зоны: предварительной информации, где осуществляется запись читателей; оперативной информации, где осуществляется поиск нужных сведений; зона обслуживания информационными материалами, состоящая из шести читальных залов. В здании размещается книгохранилище, филиал Президентской электронной библиотеки им. Б.Н. Ельцина, именные читальные залы (зал А.Н. Радищева, зал В.Г. Белинского, зал М.Ю. Лермонтова, зал А.И. Куприна, зал В.О. Ключевского), интернет-клуб, музей книги, копировальный центр. Для проведения культурно-массовых мероприятий на первом этаже оборудован конференц-зал на 500 мест, оснащенный удобными креслами с выдвижными столиками для ведения записей, кабинами синхронного перевода, новейшим аудио- и видеопроекционным оборудованием, концертным роялем. Одновременно библиотека может обслуживать 1350 человек. Предусмотрена детская игровая комната, где на время занятий можно оставить ребенка под присмотром педагогов.

Передвижение по этажам обеспечивается при помощи специальных лифтов. В новом здании созданы условия для пользователей с ограниченными физическими возможностями: пандусы у входа, отдельный гардероб, санитарная комната. Библиотека представляет собой многофункциональный информационный, социально и культурно-досуговый комплекс.

В 2015 г. перед зданием библиотеки установлен арт-объект «Парус» в виде открытой книги.

Источники сведений: Информационный бюллетень библиотеки им. М.Ю. Лермонтова. Пенза, 2012.

Использование в экскурсиях: обзорная экскурсия по городу; тематическая экскурсия «Литературная Пенза».

* * *

Если объектов для показа недостаточно или они требуют более полного представления, следует дополнить зрительный ряд наглядными пособиями из «портфеля экскурсовода», о чем мы расскажем в других номерах нашего журнала.

Календарь памятных дат

В этом номере мы публикуем выдержки из «Календаря памятных и юбилейных дат Пензенского края» на первое полугодие 2016 г. Это справочное пособие ежегодно составляется сотрудниками Пензенской областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова. Редакция журнала выражает признательность авторам этого издания за представленные материалы.

Все сведения в «Календаре» расположены в хронологическом порядке. К датам даны списки литературы, где можно найти более подробные сведения о данном историческом событии или лице.

Календарь поможет библиотекам, школам, музеям расширить рамки краеведческой работы.

Даты приводятся по новому стилю.

МЕСЯЦ НЕ ИЗВЕСТЕН

380 лет назад на реке Ломовка строится город-крепость Верхний Ломов (1636), ныне село Нижнеломовского района Пензенской области

Верхний Ломов // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К. Д. Вишневский. М., 2001. С. 85.

Полубояров М.С. Мокша, Сура и другие…: материалы к историко-топоним. словарю Пенз. обл. М., 1992. С. 45.

380 лет назад на реке Ломовка строится город-крепость Нижний Ломов (1636). Верхний и Нижний Ломовы стали опорными пунктами в системе Белогородской засечной черты Московского государства. Потребность возведения городов-крепостей была связана с расширением границ Российского государства.

Нижний Ломов // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К. Д. Вишневский. М., 2001. С. 393–395.

Полубояров М.С. Мокша, Сура и другие…: материалы к историко-топоним. словарю Пенз. обл. М., 1992. – С. 104.

345 лет назад было основано с. Беково (1671). До XVIII в. имело названия Озёры, Никольское. Современное название связано с именем одного из бывших владельцев этого села, князем А.А. Бековичем-Черкасским.

Беково // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К. Д. Вишневский. М., 2001. С. 47.

Полубояров М.С. Мокша, Сура и другие…: материалы к историко-топоним. словарю Пенз. обл. М., 1992. С. 34.

Кондрашкин (Канин) В. Его имя хранит Беково: Князь Александр Бекович-Черкасский // Сура . 1996. № 4. С. 227-228.

335 лет назад основан город Городище (1681), ныне р.ц. Пензенской области. Название означает место, где раньше находился город и сохранились его остатки. В данном случае – остатки бывшего булгарского (буртасского) городища.

Городище // Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 121-122.

Полубояров М.С. Мокша, Сура и другие…: материалы к историко-топоним. словарю Пенз. обл. М., 1992. – С. 52-53.

330 лет назад основано село Воскресеновка Пензенского района (1686).

Названо в честь престола в церкви Воскресения Христова. Основатели – служилые люди братья Лебедевы (1686). В 1700 году братья променяли свое поместье пензенскому воеводе Г.Я. Тухачевскому. Село стало именоваться Воскресенское, Тухачевщина тож, или просто Тухачёвка.

Родина В.О. Ключевского. Сохранились развалины каменной церкви во имя Обновления Храма Господня, где был крещён будущий историк. Одна из улиц носит его имя, а в сельской школе открыт филиал пензенского музея В.О. Ключевского, установлен бюст историка (автор – А.С. Кныш).

Воскресеновка // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М., 2001. С. 100.

Ключевский Василий Осипович // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К. Д. Вишневский. М., 2001. С. 240-241.

Полубояров М.С. Мокша, Сура и другие…: материалы к историко-топоним. словарю Пенз. обл. М., 1992. С. 49.

Гуськов В. Что в имени тебе моём?// Сурские просторы. 1997. № 47-52.

210 лет назад в Пензе начал действовать крепостной театр Гладковых (1806). Актёрами были крепостные. На сцене театра ставились комедии, оперы, драмы, трагедии русских и иностранных авторов.

Молебнов М.П. Пензенский крепостной театр Гладковых. Пенза, 1955. 55 с.

Пензенский театр Гладковых // Наследие. Пенза, 1994. С. 392-394.

Театр Гладковых // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М., 2001. С. 604.

Сиротин О. Зимний театр: последние годы // Новая газета – Мир Людей. 1999. 29 июня (№ 23). С. 11.

Титова Г. Крепостной театр дворян Гладковых // Вестник – Наша Пенза. 2006. 15 марта (№ 12). С. 6.

155 лет назад началось Кандиевское и Черногайское восстание крестьян (1861) (ныне территория Башмаковского района). Восстание получило значительный общественный резонанс. О нем сообщалось в газете А.И. Герцена «Колокол».

Движение крестьян в Чембарском и Керенском уездах, Кандиевское восстание // Очерки истории Пензенского края: с древнейших времен до конца XIX века. Пенза, 1973. С. 172-188.

Кандиевское восстание // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М., 2001. С. 228-229.

Шварёв В. Кандиевское восстание. Пенза, 1955. 134 с.

Винокуров Г. Расстрелянная воля // Новая газета – Мир Людей. 2001. 4 апреля (№ 14Р). С. 11.

Куралина Т. Несбывшиеся надежды // Башмаковский вестник. 2001. 3 апреля.

Куралина Т. Крестьянский бунт // Наша Пенза. 2006. 6-12 апреля (№ 15). С. 13.

145 лет назад родился Рябов Василий Тимофеевич (1871), герой русско-японской войны. Уроженец с. Лебедёвки Пензенского района. Участник русско-японской войны. Возвращаясь из разведки, был схвачен японцами у деревни Цы-Шань. Отказался отвечать на допросе и заявил, что «готов умереть за Веру, Царя и Отечество». Был расстрелян. В 1909 г. прах Рябова был привезён на родину и торжественно перезахоронен. В Лебедёвке установлен памятник герою.

Рябов Василий Тимофеевич // Тюстин А.В., Шишкин И.С. Славу Пензы умножившие: пенз. персоналия: [в 3 т.]. Пенза, 2012. Т. 2 [М-Т]. С. 147-149.

Рябов Василий Тимофеевич // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М., 2001. С. 533.

Вельский В. О смелом солдате замолвите слово // Сурские просторы. 2008. 15 октября (№ 56). С. 1, 2.

Грачёв А. Рядовой Рябов – герой России // Улица Московская. 2004. 21 мая (№20); 22 мая (№ 21). С. 15.

Денисов М. Подвиг бессмысленный и беспощадный // Новая социальная газета. 2014 . 6 марта (№ 9). С. 11.

Латанская Ю. С именем Родины на устах // Сурские просторы. 2004. 15 октября (№ 43). С. 1.

ЯНВАРЬ

80 лет назад в Пензе был открыт Дом пионеров и школьников (1936) (Дворец детского (юношеского) творчества). Это одно из старейших учреждений дополнительного образования детей. В доме бывшего Дворянского собрания на улице Троицкой в городе Пенза в 1936 г. был открыт Дом пионеров и школьников. Дворец обслуживал культурно-массовой работой 1108 школьников; работало 22 кружка. В годы Великой Отечественной войны во Дворце размещался Дом офицеров. С 1944 г. снова начали работать кружки. Торжественное открытие Дома пионеров и школьников имени X съезда ВЛКСМ состоялось в октябре 1945 г. Функционировало уже 25 кружков и клубов. Коллектив Дома пионеров и школьников в 1987 г. перешел в здание, специально спроектированное для детского творчества на ул. Бекешской, дом №14, которое было переименовано во Дворец. В октябре 2013 г. была реорганизация Дворца путем присоединения к нему Центра развития детского и юношеского творчества г. Пензы и детского оздоровительного лагеря «Орлёнок».

Дворец пионеров и школьников // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М., 2001. С. 146-147.

Дашин А. Нам никогда не будет 60, а лишь четыре раза по 15 // Мир Людей. 1996. 11 апреля (№ 15). С. 8.

Долженко С. Гора увлечённых // Наша Пенза. 2001. 9 ноября (№ 47). С. 3.

Попыльков А. Дворец тепла и доброты // Пензенские вести. 1996. 1 июня. С. 8.

35 лет назад открыт зоопарк (1981) в Пензе. Зоопарк является членом Ассоциации российских зоопарков и принимает участие во всех программах по охране и воспроизводству редких видов животных в неволе. Проводит большую работу по сохранению и разведению редких и ценных видов животных. В 1994 г. преобразован в муниципальное учреждение «Пензенский городской зоопарк».

Балалаев И.Д. Вольер для белок, зооуголок, зоопарк // Балалаев И.Д. Изумрудное сокровище Пензы. Пенза, 2001. С. 84-85.

Зоопарк // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М., 2001. С. 205.

Демакова Е.В. Пензенский зоопарк // Любимый город. 2001. 25 февраля (№ 9). С. 5, 8.

Дом для диких животных // Мир людей. 2001. 11 июля (№ 26). С. 3.

Кабанова М. Зоопарку исполняется 25 лет! // Комсомольская правда. 2006. 7-14 окт. (№ 183-т). С. 21.

Кучеров Г. Есть в Пензе зоопарк! // Молодой ленинец. 1981. 29 января.

Пилипей В. Приходите в зоопарк // Пензенская правда. 1981. 1 февраля.

Полевой, Н. Пензенский зоопарк // Любимый город. 2001. 22 февраля (№ 8). С. 5, 8.

Поплевин С. Тепло родного вольера // Новая газета – Мир Людей. 2001. 28 ноября (№ 46р). С. 15.

1 – 150 лет назад в Пензе вышел первый номер журнала «Пензенские епархиальные ведомости» (1866). Организатором его выхода в свет и первым редактором журнала был Яков Петрович Бурлуцкий, священник, протоиерей, преподаватель Пензенской духовной семинарии. Издавались с 1866 по 1917 гг. два раза в месяц, в 2 частях – официальной и неофициальной. С января 1991 г. начала издаваться газета «Пензенские епархиальные ведомости» с периодичностью 2 раза в неделю.

Пензенские епархиальные ведомости // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К. Д. Вишневский. М., 2001. С. 456.

Жаткин Д.Н., Дорошин Б.А. История средств массовой информации Пензенского края: Учебное пособие. Пенза, 1998. С. 17-24.

Первушкин В.И. «Пензенские епархиальные ведомости» как источник по изучению культуры и быта мордвы // Российская провинция XVIII-XX веков: реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции (Пенза, 25-29 июня 1995 г.). Пенза, 1996. Кн. 2. С. 336-341.

Евневич Т.А. «Пензенским епархиальным ведомостям» – 135 лет // Краеведение. 2001. № 1. С. 177-178.

28 – 175 лет назад родился Василий Осипович Ключевский (1841), русский историк, уроженец с. Воскресенское Пензенского уезда, ныне Воскресеновка. Почётный член Пензенского губернского статистического комитета. Детские годы прошли в Пензенской губернии по месту службы отца сельского священника: с. Воскресенское (1841–45), г. Городище (1845), с. Можаровка Городищенского уезда, (1846–51).С 1851 по 1860 гг. жил и учился в Пензе.

В.О. Ключевский // Наследие. Пенза, 1994. С. 174.

Ключевский Василий Осипович // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М., 2001. С. 240-241.

Ключевский Василий Осипович // Тюстин А.В., Шишкин И.С. Славу Пензы умножившие: пенз. персоналия: [в 3 т.]. Пенза, 2012. Т. 1 [А-Л]. С. 163-164.

Гундорова И. Другого Ключевского не будет // Наша Пенза. 1996. 15 ноября (№73). С. 8.

Гуськов В. Коренные воскресеновцы // Сурские просторы. 1997. 22, 25 января.

Исайчева Г. Историк и пророк // Пензенская правда. 2011. 28 января (№ 7). С. 21.

Ключевский на все времена // Пензенская правда. 2011. 3 июня (№ 43). С. 9.

Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. 638 с.

Павленко Н. Великий Ключевский // Наука и жизнь. 1996. № 5. С. 100-107.

Памяти В. О. Ключевского // А мы из Пензы. 2011. № 1. С. 45.

Парфёнова Е. Пенза – город великих и талантливых людей // Комсомольская правда. 2011. 15-22 сентября (№ 37-т). С. 32.

Первушкин В.И. Мордва Пензенской области. Пенза, 2012. С. 11.

28 – 25 лет назад в Пензе открыт музей Василия Осиповича Ключевского (1991).Открыт как филиал Пензенского государственного краеведческого музея. Экспозиция размещается в доме на бывшей ул. Поповке (ныне ул. Ключевского, 66), где будущий историк провел детские и юношеские годы (1851–61).

Музей В.О. Ключевского // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М., 2001. С. 357.

Музей В.О. Ключевского: путеводитель. Пенза, 1993. 23 с.

Арзамасцев В.П. История – в мемориальном пространстве // Мир музея. 1994. № 2.

И музеи стареют // Пензенская правда. 2011. 14 янв. (№ 3). С. 2.

Майская Т. А русская душа и ныне тоскует по родному очагу // Доброе утро. 1996. 9-11 августа (№ 29). С. 2.

Николаев В. Музей после реконструкции // Наша Пенза. 2013. 12-18 июня (№ 24). С. 3.

ФЕВРАЛЬ

25 лет назад в Пензе начала издаваться газета «Наша Пенза» (1991). Еженедельная газета. Учредители: городская администрация, коллектив журналистов редакции. Редакторы: В.М. Шарошкин, А.И. Марынов, В.Н. Мельник, В.Ю. Самсонов.

«Наша Пенза» // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М., 2001. С. 386.

Благодарность ООН «Нашей Пензе» // Наша Пенза. 2005. 11-17 марта (№ 11). С. 2.

В городе, поселке, деревушке где-то люди повторят: «Моя газета» // Наша Пенза. 2001. 23 февраля (№ 9). С. 2.

Нам 15 лет! // Наша Пенза. 2006. 16-22 февраля (№ 8). С. 1-2.

Нам 20 лет // Наша Пенза. 2011. 17-22 февраля (№ 7). С. 1, 3.

МАРТ

70 лет назад образовано Пензенское отделение Куйбышевской железной дороги (1946). В марте 1946 г. на основании приказа министра путей сообщения И.В. Ковалёва организуется Пензенское отделение железной дороги имени В.В. Куйбышева. Отделение было создано в целях более оперативного руководства организацией движения поездов через Пензенский железнодорожный узел и примыкающие к нему участки, а также хозяйственной деятельностью.

[Авдонин, В.И.]. 50 лет Пензенскому отделению Куйбышевской ордена Ленина железной дороги. 1946-1996 гг. Пенза, 2004. 271 с.

Пензенское отделение Куйбышевской железной дороги // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К. Д. Вишневский. М., 2001. С. 465.

АПРЕЛЬ

15 – 160 лет назад родился Селиванов Александр Фёдорович (1856), журналист, историк, краевед, уроженец г. Городища Пензенской губернии. Действительный член Пензенского губернского статистического комитета и почетный член Пензенской учёной архивной комиссии, автор биографий многих известных людей Пензенского края.

Селиванов Александр Фёдорович // Тюстин А.В., Шишкин И.С. Славу Пензы умножившие: пенз. персоналия: [в 3 т.]. Пенза, 2012. Т. 2 [М-Т]. С. 162-163.

Селивановы // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М., 2001. С. 546.

Первушкин В.И. Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза, 2007. С. 45, 75, 79-80, 115, 118.

МАЙ

6 – 1835 г. в Пензе был создан губернский статистический комитет. Статистический комитет возглавлял губернатор, и первым председателем Пензенского статкомитета был губернатор Александр Алексеевич Панчулидзев (с 1831 по 1859 гг.). Почетными членами комитета были В.О. Ключевский, Ф.И. Буслаев, Н.С. Таганцев и др.

Губернский статистический комитет // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К. Д. Вишневский. М., 2001. С. 139.

Первушкин В.И. Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза, 2007. 212 с.

Первушкин В.И. Зарождение локальной истории в России: Пенза, Саратов, Тамбов. Lap Lambert Academic Publishing, 2012. 242 с.

ИЮНЬ

195 лет назад в Пензе, на месте дубового леса было начато благоустройство парка «Городское гулянье», позже – «Верхнее гулянье». В 1911 г. по случаю 100-летия со дня рождения В.Г. Белинского парк стал именоваться «Городской парк им. В.Г. Белинского».

Балалаев И. Д. Изумрудное сокровище Пензы. [Кн. 1, 2]. Пенза, 2006. 297 с.

Верхнее гулянье: ЦПКиО им. В. Г. Белинского // Губернский город Пенза на рубеже XIX-XX веков. Пенза, 2001. С. 195.

Здравствуй, парк!: 175-летию Центрального парка культуры и отдыха им. В.Г. Белинского. Пенза, 1996. 79 с.

Парк культуры и отдыха им. В.Г. Белинского // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К. Д. Вишневский. М., 2001. С. 433.

Балалаев И.Д. Новости старого парка // Наша Пенза. 1997. 27 июня (№ 47). С. 5.

Балалаев И. Д. Ты всегда красив, наш старый парк // Пензенская правда. 1998. 28 апреля.

Пахомова М. Весь город отдыхает в парке // Встреча. 1999. № 1-2. С. 13-16.

Пензина Т. Парк имени Белинского – исторический символ Пензы // Комсомольская правда. 2011. 28 июля – 4 августа(№ 30-т). С. 14.

Пименов И. Парк в новом качестве // Наша Пенза. 2008. 17-23 июля (№ 30). С. 2.

Шуриков А. Частица красоты России // Доброе утро. 1997. 8-10 авг. (№31). С. 1.

1 – 30 лет назад проведен в Пензе День города (1986). День города в Пензе впервые отметили на стадионе «Труд». Здесь был объявлен юбилейный 531000-й житель города. В наши дни День города отмечают 12 июня, одновременно с Днём России.

1 июня, площадь Ленина // Молодой ленинец. 1986. 3 июня (№ 66). С. 1.

Кучеров Г., Павловский В. Гордость наша, любовь наша – Пенза! // Молодой ленинец. 1986. 3 июня (№ 66). С. 1.

Сегодня – день города // Пензенская правда. 1986. 1 июня (№ 126). С. 1.

9 – 235 лет назад был издан указ «Об утверждении гербов городам Пензенского наместничества» (1781): Пензе, Саранску, Троицку, Верхнему Ломову, Городищу, Инсару, Керенску, Краснослободску, Мокшану, Наровчату, Нижнему Ломову, Чембару, Шишкееву. На гербе Пензы изображены три снопа на зеленом поле: пшеничный, ячменный и просяной. Герб отражал основное направление в развитии сельского хозяйства края.

Гербы городов Пензенской губернии // Губернский город Пенза на рубеже XIX-XX веков. Пенза, 2001. С. 6-8.

Гербы городов Пензенского края // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М., 2001. С. 111-113.

[Городу Пензе дан герб] // Факты. События. Свершения: к 325-летию города Пензы. Саратов, 1988. С. 15.

Годин В. Визитная карточка городов: к 215-летию утверждения гербов городов Пензенского края // Сура. 1996. № 3. С. 216-220.

11 – 205 лет назад родился Белинский Виссарион Григорьевич (1811), русский литературный критик, публицист. Родился в городе Свеаборге (ныне г. Суоменлинна, Финляндия). Детство В.Г. Белинский провел в г. Чембаре (ныне г. Белинский), учился в Пензенской гимназии.

Барышёв А.Г., Горячев Б.В. Литературе российской – моя жизнь и моя кровь. Белинский в 1847-1848 годах: сцены из жизни Виссариона Григорьевича Белинского в 10 картинах. М., 2011. 192 с.

Белинский Виссарион Григорьевич // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М., 2001. С. 49.

Белинский Виссарион Григорьевич // Чембарская энциклопедия / гл. ред. В.В. Долженков. Пенза, 2013. С. 45-47.

Белинский Виссарион Григорьевич // Тюстин А.В., Шишкин И.С. Славу Пензы умножившие: пенз. персоналия: [в 3 т.]. Пенза, 2012. – Т. 1 [А-Л]. С. 44-46.

Савин, О. «...Места, где провел детство» // Савин О. Пенза литературная. Саратов, 1984. С. 27-33.

Тихонова Е.Ю. Человек без маски В.Г. Белинский: грани творчества. М., 2006. 279 с.

Грачёв, Е. Белинский – учитель русского общества// Сельская новь. 1998. 6 июня.

Максяшев П. «Он честно родине служил...»: к 185-летию со дня рождения В. Г. Белинского // Сура. 1996. № 3. С. 205-215.

Панина А. По-домашнему // Российская газета. 2011. 30 июня – 6 июля (№ 140). С. 20.

Тюгаев М. Неистовый Виссарион // Башмаковский вестник. 1996. 11 июня.

Фролова А. Белынь – Белынский – Белинский // Сельская новь. 2011. 7 апреля (№ 26). С. 3.

20 – 170 лет назад основана больница Пензенского приказа общественного призрения (ныне областная) (1846). Больница имела три отделения на 115 коек: хирургическое, терапевтическое и сифилитическое. При больнице были открыты: дом умалишенных на 30 мест, богадельня на 40 мест, смирительный и работный дома на 20 мест каждый, церковь во имя Тихвинской Божией Матери. В 1908 г. в больнице работал Н.Н. Бурденко. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 октября 1956 г. больнице присвоено его имя.

Больница областная им. Н.Н. Бурденко // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М., 2001. С. 64-65.

Годин В., Савин О., Шалдыбин Г. Путь в полтора столетия…: страницы истории Пензенской областной больницы им. Н.Н. Бурденко. Пенза, 1996. 352 с.

Губернская земская больница и психиатрическая лечебница // Губернский город Пенза на рубеже XIX-XX веков. Пенза, 2001. С. 199-200.

Главная больница области // Семья и здоровье. 2012. № 6. С. 43-45.

Смирнова И. Листая страницы истории // Пензенские вести. 1996. 13 апреля.

Сведения об авторах

Брагина Дарья Юрьевна – студентка факультета экономики и управления ПГУ.

Востокова Нина Петровна – к.и.н., доцент, председатель Историко-этнографического центра Пензенской области.

Горланов Геннадий Елизарович – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой литературы и методики её преподавания ПГУ.

Жаринова Елена Евгеньевна – методист ГАОУ ДОД ПензоблСЮТур.

Кайманова Татьяна Александровна – доцент ПГУ, специалист Пензенского литературного музея.

Кладов Виктор Юрьевич – к.и.н., зам. директора по научной работе МУК «Музейно-выставочный центр» города Заречного.

Лебедева Лариса Витальевна – к.и.н., доцент ПензГТУ, зам. председателя Региональной общественной организации краеведов Пензенской области.

Мурашов Дмитрий Юрьевич – к.и.н., ученый секретарь ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова».

Новинская Таисия Юрьевна – к.и.н., доцент ПензГТУ.

Первушкин Владимир Иванович – д.и.н., профессор ПГУ, председатель Региональной общественной организации краеведов Пензенской области, член всероссийского Совета Союза краеведов России.

Скобликова Елена Сергеевна – д.ф.н., профессор СамГУ.

Соболев Александр Николаевич – краевед, г. Заречный Пензенская область.

Тарасов Анатолий Фёдорович – педагог дополнительного образования «МОБУ ДОД ЦВР» на базе МОБУСОШ им. С.А. Суркова, с. Богословка, Пензенского района, Пензенской области.

Уразова Светлана Альбертовна – к.и.н., доцент ПГУ.

Урманов Александр Васильевич – д.ф.н., профессор БГПУ.

Храмов Юрий Александрович – краевед, г. Каменка, Пензенская область.

Четвертков Николай Васильевич – к.и.н., профессор ПГУ.

Корректор — М.Л. Савина

К сведению авторов:
С требованиями к оформлению статей для журнала вы можете ознакомиться на сайте Региональной общественной организации краеведов Пензенской области:
www.kraeved-pnz.ru.

Подписано к печати 14.12.15. Формат 60x84/8.
Бумага писчая белая. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 200 экз. Заказ № 10/11.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП Соколова А.Ю.:
440600, г. Пенза, ул. Кирова, 49, оф. 3